

Сергей Куреев

ВОЗЛЕ ЧИСТЫХ ПРУДОВ

Сергей Куреев

ВОЗЛЕ ЧИСТЫХ ПРУДОВ

Скифия
Санкт-Петербург
2017

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 882
К43

Сергей Киреев

ВОЗЛЕ ЧИСТЫХ ПРУДОВ

Киреев С.

К43 Возле Чистых прудов. — СПб.: Издательско-Торговый
Дом «Скифия», 2017. — 456 с.

ISBN: 978-5-00025-122-5

© Киреев С., 2017

© Издательство «Скифия», 2017

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	16
-------------------	----

Раздел I

Вчера я в полночь-заполночь чаевничал у Нюрки.....	18
Вишневый сад	23
Она хранила в сердце, словно в сейфе.....	27
Полюбила мента, аж мурашки по коже.....	30
У солдата на сердце ненастье.....	32
Увы! Октябрь уж наступил!.....	33
Слякоть, стужа на дворе, и заняться нечем.....	34
Я Андрюху, друга, тыщу лет не видел.....	37
Ну, Вась, ну что ты сразу так хватаешь под микитки?..	40
Колюня с дудкой бежит под хохот лягушачий.....	41
Жизнь меняется, как будто я в блокноте.....	44
Из отчего дома — со страху.....	47
Колька мой в Америку попал.....	51
Дом постарел, даже стены как будто кривы.....	54
Две дырищи в голове.....	56

Вот такое вышло дельце...	59
Ветер гложет голую березу...	63
В горле хрип, и в ушах паутина...	65
Было трое нас, стало двое...	67
А у судьбы клыки кривые, острые...	68
Кто-то сыплет в бульон специй...	71
Я в загранку плавал, видел праздник, видел волю...	75
Я в кафе после смены считала рубли...	79
Я дело открыл. Сердце ноет, болят виски...	83
Я из всех алкоголиков...	84
Я к нему у стойки подседа...	88
Я ходил по грибы, разливал на троих...	90
Мир и вправду очень тесен...	92
Мы с супругою Марусей дом задумали построить...	96
Нету прав у меня, и талон — три недели — просрочен...	98
Ночь. Мы одни в палате, как в могиле...	100
Я сегодня интим заказала заранее...	102
Прощайте, друзья по оружию!...	103
Путь держу от угла до угла я...	110
Пьяный кто? Кто водку пьет...	112
Слякоть, сумерки, талый снег...	116
Тучи бродят хороводом зловещим...	117

Раздел II

Бежим полсотни. Я в отрыв без дураков...	120
В работе, в труде я упрям, как баран, как боров...	122
Греби, кто хочет, по прямой, где тишь да гладь...	125
Два вожатых, физрук, даже повар за них играют...	126

Злые, здоровенные, не страшны собаки нам...	127
Мне дали пас: «Ваш выход, юный гений!»...	129
Мы отмечали «золото» с субботы...	132
Наливай, товарищ! Помнишь, здесь когда-то...	137
Нет, я не артист, не герой популярного клипа...	140
Они его подальше от ворот...	142
Саня, стартуй! «От старта слышу»...	144
Тут делов-то на грош, на пятак...	146
Я всех обвел и бросил. Ура, опять удача!...	148
В ревущем потоке плот наш...	150
Ветер душу терзает мотивом...	152
Ах, что за жизнь — по холоду тащиться с рюкзаками...	154
Ветром, вьюгой прошит насквозь ты...	155
Впереди волна крутая...	156
Вторую неделю река нас утюжит и рвет в пух и прах...	158
Ладно, Палыч, давай, наливай по чуть-чуть...	160
Ленка скачет на любом перевале...	162
Мы в гулянках хмельных дотла горим...	164
Мы в каньоне не видели звезд десять дней...	166
Осень. Стоянка в каньоне...	168
По Памирскому тракту такси и трамваи не ходят...	169
Свежий ветер, смотрите...	171
Первый снег начал танцы свои до упада...	173
Семь пятьсот высота. Ты на спуске, ты был на вершине...	175
Сквозняк на полустанке...	176
Солнца луч в окошке замаячил...	178
Сосульки на стенах, в каньоне темно и пусто...	180
Спокойно, ребята...	182
Ущелье. Порог «Харакири»...	184

Хороша река Риони...	185
Эх, печаль проклятая дает мне жару...	187
Я в поход собрался с Мурашовым Колькой...	190
Я пень. Я старый хрен!...	193

Раздел III

А гости под коньяк сметали походя...	196
А мы печаль той ночью в шутках прятали...	197
Акация тощая, жалкая...	198
Ах, какие там вились вокруг фраера!...	199
Был уныл и обычен пейзаж за окном...	200
В небе холодном тайком, втихомолку...	201
В окне — деревьев ряды кривые и черные...	202
В синих сумерках облако, как одинокая льдина...	203
В старом парке стоим...	205
В тамбуре темно...	206
Вагон, тьма, далек путь...	207
В тишине пустого бара...	208
Ветер веселый и шумный...	210
Ветер, ветер летит по бульвару...	211
Вечер. Август. Причал...	212
Ветки черные хрустят, как сухарики...	214
Возле Чистых прудов воздух вязок и сер...	215
Время вяжет узлы, вьет веревки из нас...	216
Город мраком холодным обьят...	217
Дни бегут разухабистой рысью...	218
Да видал я вас всех, вашу сборную класса...	220
До утра, до упада, до первых трамваев...	221

Дом из серого камня...	222
Дурнем я был, правду скажу — всю, без утайки...	223
Ее волосы были, как волны...	224
И оттепель оставила весь город в дураках...	226
Камнепады, отвесные склоны...	227
Карты, песни, фокусы, потеха...	230
Клялись не расставаться тыщу лет мы...	232
Косяком, вереницей, качаясь, плывут...	234
Лады и ферзь в атаке, и легкие фигуры...	236
Лейте, девки, горячие слезы!...	237
Милютинский сад нас всех собирал...	240
Мчатся дни мои, скачут, словно черные кошки...	241
Мы в гостях. Мы пьем до дна...	242
Мы за школой, на пустыре мяч гоняли...	244
Мы по-тихому, хитро и ловко...	245
Мы пролезли, проникли в святая святых...	248
Мы прошлую жизнь позабыли с тобою...	249
Мы с самолета травим химией...	250
На мосту стояли, целовались...	252
На палубе с артистами...	255
Наш бумажный смешной самолетик...	257
Не с «шестерки» пошел я, с козыря...	258
Небо сыплет снежную крошку...	260
Он уезжал, и тени черные метались...	261
Он в простынях увяз по локоть...	262
Пивная «Ландыш» — наша светлая заря...	264
Они навсегда расставались...	266
Парк. Пивная «Ландыш»...	267
Пионерское лето. Прощальный костер...	268

Плачут птицы, тает эхо, замирает звук...	270
По стеклам лупит дождик разудалый...	271
Помнишь ли, нет, как я с душой ломаной.....	274
Месяц в небе мелькнул...	275
Пульс, как пьяный балбес.....	276
Путь-дорога дальняя без конца и края.....	277
Раненым волком вдали электричка воет.....	278
Скрип полозьев веселый слышу...	280
Слепого дождя заунывное соло.....	282
Славка, старый мой друг.....	284
Баллада о колесе.	285
Спят игрушки — и заяц, и кошка.....	291
Ты был у нее. Твою тень на дороге...	292
Ты в автобусе трясешься утром рано...	294
Ты ее не украл, не отнял, не увел.....	295
Ты не думай, Самыгин Санек.....	296
У меня не гаснет свет в окне.....	299
У него вагон деньжищ.....	301
У товарищей лица пропитые...	304
Что ж вы, девки, приуныли...	307
Чьи-то пальцы, как крючья...	308
Я бреду сквозь потемки, не чуя ног.....	309
Я в кольчугу одет.....	310
Я отчизне долг отдавал...	312
Я примерно как сосна в поле чистом...	314
Я приплелся сюда, от тоски одурев.....	317

Раздел IV

Гитлер гнал генералов — Варшава, Марсель...	320
А в бинокле закат золотой...	322
Побывка два дня. Уж один отгуляли...	324
Рев снарядов, резкий и злой.....	325
Звон до сих пор, трескотня в перепонках...	326
Ох, и ловок, силен же он все-таки был.....	328
То ли град, то ли снег.....	330
Ну, что ты там, фриц, заерзал...	331
А под Тулой бои.....	332

Раздел V

Коля Зенкин, начальник литейного цеха...	334
Звездец не пройдет, или Баллада о дружбе	336
Ой, где вы, мои пальмы.....	340
Нету в жизни смысла.....	342
По миру ходит кризис, как медведь...	343
А на тебе мешки и ведра...	344
«Спокойно, шансы есть, он всех сильнее»...	346
Самогоном пропитан я, бормотухой отравлен.....	348
Ты украл нодулярный чутун.....	349
Я был в делах отчаянный и храбрый...	350
Я приехал в составе друзей.....	352
Я распределился после вуза на завод.....	354
Закусь к водке укропом и перцем...	356
А враг был и резок и точен в ударах.....	358
Летят сквозняки напролом.....	359
А ты прозреть заставишь и слепого...	360

Друг при друге завод и поселок.....	362
Лед вокруг водокачки — замерзшая лужа.....	363

Раздел VI

Вот он, дом наш — розги, плети.....	366
Говорила мать: «Не плачь, не выдам».....	368
Ехал, ехал купец, путь далек.....	371
Девки головы потеряли.....	372
Девкам пол пятки жжет.....	374
Залетного соколика свинтили с потрохами...	376
История одного города	377
Холод. Тяжелые тучи.....	378
Конь мой околел. Я в телегу впрягся...	380
Эй, земляк, слышишь.....	381
Мы гуляли, мы плясали.....	384
В жилах кровь леденеет и стынет...	386
Мы за Яблочный спас выпивали.....	387
Над нами небеса высоки и бездонны.....	390
Хрип и топот. И поле без края.....	391
Познакомьтесь, зовут меня Гоги!.....	394
Гражданин проводник, меня Гиви зовут.....	397
Товарищи, братья, друзья.....	399
Вай-вай-вай, какие люди есть в столице!.....	402
Приезжай к нам, друг-товарищ дорогой.....	404
Я на рынок ходил, мандарин продавал...	406
Дорогой, тормози свой машина.....	408
Вот уже и сумерки, люди ходят криво...	410
Осколки, обломки, ключья...	412

Я с друзьями запил, загулял.....	414
Я шагаю с песней по просторам.....	416
Ярко-красный шелк, темно-синий бархат.....	418
Я люблю с алкашами стоять у подъезда...	420
Я красавицу Валю позабыть не могу.....	422
Я пашу на земле, я дела свои в суд направляю.....	425
Я о подвигах грезил, о славе мечтал.....	426
Я служу тыщу лет, тощим стал, как скелет...	428
Мы вчера с Антохой, с дружбаном...	431
Плач офицерской жены	434
Не чудик, не шизик...	435
Мы смеемся до икоты...	438
В пустых колосьях ветер вязнет.....	440
За что вы меня судите...	442
Нас холодные сумерки взяли в тиски.....	444
Мы с Петрухой работой завалены.....	445
Песня сознательного подростка	446
Саня Дудин стоит у обрыва.....	448

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, читатель. Перед тобой — сборник не то стихов, не то песен, сам разберешься, если захочешь. Я никогда не считал себя «бумажным» поэтом, т. е. не писал рифмованных текстов, чтобы их потом кто-нибудь читал. Но всю жизнь эти тексты пишу и исполняю их при случае под гитару — для «своих», — по ходу застолья, в горах, на спортивных сборах и т. д. Одни тексты стали песнями, другие нет, но с некоторых пор уважаемые мной люди — профессиональные поэты, выступая перед публикой со своими стихами, стали заодно исполнять и мои тексты — тоже как стихи. Эти люди и надумили меня издать этот сборник.

По разным причинам мне не нравятся слова «бард» и «поэт», но на вопрос «ты кто такой?» ответ у меня есть. Я русский литератор, т. к. пишу по-русски, а песню считаю разновидностью литературы.

Перед каждым разделом этой книги — короткое предисловие, чтобы было более или менее понятно, откуда что у автора взялось в смысле содержания текстов.

В этом разделе — песни, так или иначе связанные с моим любимым временем в истории России — девяностыми годами прошлого века. Родившись 1 апреля 1956 г., в веселый такой день, я и дальше был достаточно весел, идя по жизни, а уж в девяностые веселья было — хлебай не хочу. Разумеется, было и много трагичного и неприемлемого для нормального человека в эти годы, но в смысле трагизма, считаю, ни одно из десятилетий в российской истории, строго говоря, не лучше и не хуже всех остальных — везде и всегда свои горести и беды, а время, когда ты молод, всегда кажется лучшим после того, как достаточно поживешь на этом свете.

Песни первого раздела книги посвящены моим друзьям и коллегам, с кем я оказался в те годы в самой гуще событий, — мы занимались бизнесом, я работал начальником службы безопасности одного из московских холдингов, председателем правления банка, коммерческим директором совместного предприятия, сам начинал и заканчивал бизнес-проекты — иногда удачно, иногда неудачно, и т. д., и т. д., много ездил, много повидал разного народа. Главные мои чувства к тем, кто был рядом со мной в те годы, — это огромная любовь, это удивление безграничной одаренности наших людей (в общем-то, что захотим, то и сделаем), это уважение к моим руководителям, партнерам и подчиненным, это вечная и искренняя благодарность им за совместную работу. Мне повезло с коллегами и друзьями — так мало кому везет, я это сейчас понимаю и посвящаю им, иногда напрямую, иногда косвенно, те песни, что собраны в первом разделе этой книги.

* * *

Вчера я в полночь-за полночь чаевничал у Нюрки.
Она торговлю двигает, у ней деньжищ вагон.
Она меня в Анталию пригласила, где турки, —
От бизнеса развеяться, отдаться воле волн.

Она мне полубовница, и я ей полубовник, —
Не так, чтобы уж очень уж, а два-три раза в год.
Пока я ложкой в чайнике заваривал шиповник,
Она в пиджак мне сунула билет на самолет.

Я жену люблю, Валентину!
Но отвязка всегда нужна!
Ты меня извини, скотину,
Ты меня не ругай, жена!

Это я так в уме подумал,
А в семейный нырнул уют —
И сижу за столом, угрюмый:
Мол, опять на край света шлют.

Вот я легенду двигаю, да складно так и ловко:
«Ты в Тулу съезди к матери, картошки привези,
А я в Самару — в Куйбышев лечу в командировку,
Партнеры ждут. Все схвачено, и сделка на мази».

Она вздохнула: «Ладно уж, раз надо, значит надо»,
Еды мне на дорогу наложила пять кило, —
Держись, мол, там Поволжье, там окопы Сталинграда,
Но я тебя дождуся всем хреновинам назло!

И чтоб мне без гульбы, без шашней!
И махнула мне вслед рукой:
«Будь здоров, дорогой, не кашляй!
Помни главное: я с тобой!»

Я в подъезде пошел вприсядку!
И по правде, и наяву
В Шереметьево, на посадку,
Как ошпаренный, когти рву!

И мы взлетели с Нюркою, я был слегка под «газом»,
Она шептала: «Милый, дорогой мой человек!»
И локтем в полудреме мне подбила оба глаза,
Когда я стюардессу в грузовой повел отсек.

И вот она, Анталия, — и жар, и страсти пламя,
И розы, и настурции — убиться-помереть!
Я Нюрку с ног до маковки осыпал лепестками,
Когда мы с нею ездили развалины смотреть.

Я с судьбою счастливой свылся, —
Галстук, вазу купил, кинжал,
Я верхом залезал на сфинкса,
Нюрке сверху букет бросал.

Под предлогом просмотра мумий
Я ее затащил в музей
И в глухом углу без раздумий
На нее налетел, как змей!

А напротив, вон, как корова,
Жвачку ртом, как траву, жуя,
Танька, сволочь, стоит, Блинова, —
Смерть-погибель, беда моя!

Под облупленной штукатуркой
Пальцем тыкает в экспонат
И меня углядела с Нюркой,
И орет мне: «Предатель! Гад!»

Она с моей Валухой — закадычная подруга,
Они по парикмахерским сидят с ней в бигудях.
Она мне рожу хлещет, завывает, словно выюга,
А я, хрипя и плача, бьюсь, как мышь, в ее когтях!

Мне воздух режет легкие, мне крик забил трахею:
«Танюха, не закладывай, помилуй, пощади!»
Я бусы золоченые повесил ей на шею
И брошку с перламутрами пришили ей к груди.

Танька добрая, извинила
Мне мой грех. Я от сердца ей
Наложил в кулек сувениров:
«Все твое! Забирай! Балдей!»

И она вдали, за дверями
Средь густых растворилась трав,
Нюрку взглядами, как гвоздями,
Напоследок исковыряв!

А мы свое продолжили, мы были в прочной связке, —
В омара вилок тыкали, глазели на рассвет,
Мы с ней оттарабанили неделю, словно в сказке,
И даже мне взгрустнулось, что Вальки с нами нет.

В последний вечер за нос нас вела судьба слепая.
Кабак. Танцуем-прыгаем. И тут же — вот те на! —
Блинова Танька с хахалем под ручку выступает,
И рядом — моя Валька, раскрасавица-жена!

И какой-то скот с пьяной рожей —
Хрен Иваныч, сморчок в очках,
На нее свою лапу лóжит
И целует ее впотьмах.

Я спихнул со стола тарелки:
«Валька, сволочь, — кричу, — стоять!»
И охранники, вон, как белки,
Меж столами давай скакать!

Вот я в закусь клыки вонзаю,
Глаз шампанским хочу промыть.
Бред! Подстава! Я точно знаю,
Что такого не может быть!

И Валька нас увидела, скукожилась, пригнулась,
Потом на Нюрку зыркнула, все сразу поняла.
«Я в Туле там у матери...» — сказала и запнулась,
И к нам двоим помчалась, как пуля, как стрела!

Она на Нюрку топнула копытом, как кобыла,
И волоса ей вырвала, и серьги из ушей,
На них Блинова Танька, вон, туфлею наступила
И вбок моргает хахалю: «Спокойно! Все о'кей!»

Валька в тонусе! Бой! Коррида!
Свалка, месиво! Лязг зубов!
«Хочешь семью разрушить, гнида?
Дохлый номер! У нас любовь!»

И сморчку по очкам досталось,
И столы летят из окна,
И толпу, что на крик собралась,
Мочит Валька, моя жена!

Потом в одном и том же мы летели самолете,
Она сдала мне хахаля, когда я попросил:
«Петров, мол, зам. бухгалтера, сотрудник по работе,
Два года уговаривал и вот — уговорил».

Он пиво пил из горлышка, — какой-то мятый, блеклый,
«Твоя-то где?» — шепчу ему. «Махнула в Краснодар!
Сказала, что к брательнику поехала за свеклой.
А что?» «Да так, нормально все. Молчу. Не мой базар!»

Вот мы выпили, приземлились.
Вот и счет уж потерян дням.
Вот мы с Валькою помирились,
В зоопарк пошли к лебедям!

Валька булку кусает хмуро,
На природу глядит вприщур:
«Ах, какая я все-тки дура,
Что у фирмы купила тур!»

Валька в землю ногой молотит
Да об дерево бьет плечом:
«Пусть обратно нам деньги плотят, —
То, что отдых наш омрачен!»

Вот я дома рубаю студень,
Нож железный зажав в горсти:
«Мы в суде их, козлов, засудим!
Валя, милая, не грусти!»

1997

ВИШНЁВЫЙ САД

В Лос-Анджелес приехал Миша Змей
С товарищами — бизнес поднимать.
Он жить намерен лучше, веселей,
Пахать, как конь, и прибыль наживать.

И вот уже торопятся ребята
В хоромы, в резиденцию магната, —
Посланцы из заснеженных глубин.
Их жизнь держала сызмальства за жабры,
А тут ливреи, люстры, канделябры,
Форель в фонтанах и в саду павлин!

Хозяин, мистер Смит, чеканил шаг
С бокалом — от буфета до стола.
И Миша думал: «Крепкий ты чувак,
И я хочу иметь с тобой дела!»

И он из кресла рвался, как из клетки,
Фломастером рисуя на салфетке
Финансы, обороты, капитал...
И Смит руками, как в лесу от веток,
Отмахиваясь, ел своих креветок,
И кайф ловил, и в сторону зевал.

Его в Сорбоннах, в Кембриджах растили.
Он знал одно, но твердо о России,
Что там на конях скачут казаки!
И он, губу кривя, глядел на Мишу
И на ребят. И рев скотины слышал,
И стук дубин. И протирали очки.

«От ваших рыл разит самой землей», —
 Куря сигару, думал мистер Смит.
 И Миша Змей ни с чем, усталый, злой,
 Махнув стопарь, ушел и был забыт.

Он прилетел в Москву, он ровно за год
 Догнал и перегнал Восток и Запад,
 Поднялся так, что даже не достать.
 Он доказал, что мозг — залог успеха,
 И он опять в Лос-Анджелес приехал
 С ребятами — на солнце загорать.

Он на горе увидел особняк,
 Он снизу вверх рванул со всех копыт —
 Там человек в саду чеканит шаг —
 Да это ж он, тот самый мистер Смит!

Он полагал, что Змей жует опилки,
 Что он галопом в поисках горилки
 С товарищами скачет по степи,
 А тот опять нашел сюда дорогу,
 Стоит себе в туфлях на босу ногу,
 И жив-здоров. И хочет все скупить.

Они прошли в гостиную, присели.
 И Миша извинился: «Ближе к цели.
 Тебе — «лимон», идет? А хата — мне».
 И Смит налил, и Миша выпил кратко, —
 Сказал: «О'кей, до дна и без остатка!»
 И постучал костяшкой по стене.

«Почем цена?» — спросил он, весел, пьян.
 Ответ услышал, бровью не повел,
 И тут же притаранил чемодан
 И положил наличные на стол.

В саду, в прохладной мгле горел устало,
 Как будто извиняясь, вполнакала,
 Над фруктом фиолетовый фонарь,

И мистер Смит, грустя, глядел на Мишу,
 А тот рукой махал: «Мы все напишем,
 А ты пока под пальмой покемарь».

И ветерок сквозил едва-едва,
 И мистер Смит припомнил прошлый год —
 Креветки, кайф и Мишины слова:
 «Финансы, график, бабки, оборот».

Ребята подошли, открыли флаги,
 И Смит, рисуя подпись на бумаге,
 Считал навар, прикидывал процент,
 И, выпив за безбрежность океана
 Предложенные Мишей полстакана,
 Сказал: «Олл райт. Я в плюсе. Хэппи-энд!»

И сборы были быстры, меньше часа.
 И сторож — нелегал из Гондураса
 Был на задворках брошен, позабыт.
 Но Миша взял его, оклад прибавил
 И фронт работ на вид ему поставил:
 Глинтвейн варить на всех, чтоб без обид.

И, проглотив полсотки на «ура»,
 Он посмотрел на волны, на закат
 И объявил с ближайшего бугра:
 «Здесь будет заложен вишневый сад!

Мы вишню продавать в корзинах будем.
 Мы силой никому грозить не будем,
 Чего нам швед, у шведа денег нет!
 Чего француз, чего нам Конго, Чили,
 Свои бы спьяну залпом не накрыли,
 На прочность проверяя белый свет!»

Закончен отпуск, гладь на море, тишь.
 Вот Змей в контору Смиуту шлет привет:
 «Гуд бай, май фрэнд, я знаю, ты грустишь,
 Бери ключи, живи, пока нас нет!

Мы сад посадим, хочешь, будь при деле —
Глава плодово-ягодной артели,
Законный шеф структурного звена!»
И мистер Смит узоры на паласе
Чертил носком туфли и в знак согласия
Кивал, не понимая ни хрена.

Ребята улетели, он остался.
Он отошел от шока, оклемался.
И, всем ученым книжкам вопреки,
Он знал, что будет денег выше крыши,
Он в гамаке дремал и четко слышал
Дыхание деревьев, голос Миши.
И хруст купюр. И протирал очки...

1993

* * *

Она хранила в сердце, словно в сейфе,
Любви, надежды, веры сладкий хмель.
Три слоя краски у нее на фэйсе.
С такою рожей — только на панель!

Она на ней куражилась не хило
Среди отребья, сброда и зверья,
Она там школу жизни проходила,
Она ее прошла от «А» до «Я».

И вот отель, и бар для интуристов,
Картины, свечи, мрамор, полумрак,
Где, сыт и пьян, настойчив и неистов,
Отвязки хочет каждый старый хряк!

Она входила в зал, едва кивая
Угрюмым лбам, застывшим при дверях,
И за спиной шептались: «Центровая»,
И трепыхались тени на столах.

И барменши-девчата, в мягком стиле
Вертя концами вытянутых жал,
Ворованную выпивку глушили,
И пианист Бетховена играл.

Ее душа куда-то вдаль стремилась,
Как по волнам летящая ладья,
Она в него, очкастого, влюбилась
Не сразу, а немного погода.

Ее слегка от градусов шатало,
Она губу кривила во хмелю,
И, уходя с другим, ему шептала
Три слова правды: «Я тебя люблю!»

Он пил коктейль, он локоть на отлете
Держал, как граф, за пальмами, в тени:
«Окрас лица и должность по работе
Меня в тебе смущают, извини...»

И вот однажды, в полночь, в непогоду
Братки пришли — под «газом», хороши:
«Эй, ты, дружище, сбачай для народа,
А ну, давай про Мурку, для души!»

Адажио, казалось ей, в бемолях
Он исполнял по типу «ля мажор»!
Культурный, он сказал им с дрожью, с болью:
«Пардон, я занят», — и потупил взор.

И он хреначил пальцами проворно,
И отморозок с бритой головой,
Затвор двумя руками передернув,
Погладил ствол с ухмылкой кривой.

Он гладил стольник лапою мохнатой,
Но все равно простой ответ ему:
«Я доиграю «Лунную сонату»,
А уж потом заказ у вас приму!»

Она рванула вскачь легко и быстро,
И хмель долой, и ни в одном глазу:
«Ребята, не стреляйте в пианиста,
Я глотку за него перегрызу!».

Фонтан шумел-журчал, скрипели стулья,
С поста, крестясь, слиняли два жлоба,
Когда братки, обкуренные дурью,
Пошли вразнос, и грянула стрельба!

Наперерез огню метнулось тело,
Качнулись люстры (но не в этом суть),
Она его собой прикрыть успела
И полкило свинца взяла на грудь!

Потом она без ласки, как попало,
На смертном одре брошена в углу,
В больнице, в «Склифе», кровью истекала,
Шепча три слова: «Я тебя люблю!»

И он не смог снести тоски-печали,
Он к ней пришел, чтоб кровь свою отдать,
Ей из него три литра откачали,
И организм раздумал помирать!

И вот, приняв по стопке, чуть на взводе,
В обнимку, по шоссе, сквозь дождь и град
Они вдвоем из города уходят,
Они идут куда глаза глядят!

1997

* * *

Полюбила мента, аж мурашки по коже.
Он меня в «воронок» для прогулки берет.
Автомат, как бревно, под сидение ложит,
И целует мне щеку, и мчится вперед.

Ему денег дают, он стоит, водит жалом.
Он душевный, он свой, не хапуга, не хам.
Он меня приглашал, я плечом пожимала.
Я стеснялась сказать, что работа моя по ночам!

Мы с девчонками сняли троих на вокзале,
Привели их на хату, от кайфа кривых.
Но пришли мусора, двери «фомкой» отжали
И стоят на пороге, и мой среди них!

Полюбила мента! Ну чего теперь делать?
Он с облавой пришел, чтоб порядок блюсти.
Я к нему в полутьме подступаю несмело:
«Это я из-за денег пошла на такое, прости!

Называй меня чучелом, драной мочалкой,
Я кругом виноватая, бей, не жалея, —
Сапогом, портупеей, резиновой палкой,
Прогоняй меня, дуру, в загринок, в зашей!»

Полюбила мента! Нюрка смотрит ехидно,
Как я плачу навзрыд, и портьерой в углу
Закрываю лицо, потому что мне стыдно.
Он чего? Он идет, громоухая копытом, к столу!

Он налил и кивает: «Кончай тары-бары!
Нам по двадцать процентов за «крышу» отстег.
Я возьму с тебя десять — свои, нет базара!» —
И вцепился мне, сволочь, в карман, как бульдог!

Я к нему подошла, я дала ему в рыло!
Он меня пятерней потрепал по плечу.
...Полюбила мента, а потом разлюбила.
И проценты без скидок и льгот регулярно плачу...

1992

* * *

У солдата на сердце ненастье,
Он пришел из чужой стороны.
У солдата рубцы на запястьях,
Он из плена вернулся, с войны.

Ой, гармони лихой переборы,
Ой, вы, травы в степи, ковыли!
Там, за степью, холодные горы,
Там товарищи в землю легли.

Воздух Родины черен и горек,
И луна, как покойник, бледна,
И подсолнух прилег на заборе,
И сосед закурил у плетня.

Он от едкого морщится дыма,
То ли крик из груди, то ли стон:
«На тебя еще в прошлую зиму
Похоронку принес почтальон!

И жена твоя в дальние страны
Без оглядки за счастьем шальным
Унеслась за моря-океаны,
Укатила под ручку с другим!»

Парни спяну, чихая от пыли,
Мимо окон солдатских бредут.
Позабыли его, позабыли,
Развеселые песни поют!

Ветер черную треплет рябину,
Девки пляшут вдали, голоса.
«Я с чужбины пришел на чужбину», —
Смотрит в угол и шепчет солдат.

Он сидит на завалинке с краю,
В три погибели скрючен, согнут.
Люди знать ничего не желают,
Развеселые песни поют...

1997

* * *

*Выжившим и погибшим участникам событий 3-4 октября
1993 года в Москве посвящается эта песня.*

Увы! Октябрь уж наступил! И все по новой, все по кругу —
Опять столица на ушах, и на одну — другая рать,
Трамваи в сумрак унеслись, вороны — к югу с перепугу,
И вот на площадь, в шум и дым, пришел скрипач и стал играть.

И фрак, и волосы до плеч вгоняли нервных в изумленье,
«Ложись, нарвешься, идиот!» — народ, глаза, горло драл,
А он не слушал, он хотел стрельбу и смерть хоть на мгновенье
Остановить, убрать, прикрыть. И он играл, и он играл!

А на него смотрели все, а по нему лупили с крыши,
И парк осенний, золотой был на ветру навеселе,
И город был, как желтый дом, и пули-дуры, словно мыши,
На все лады сновали, сволочи, по листьям, по земле.

Живая музыка к сердцам рвалась из тьмы, как кровь из вены.
Как рыбу, музыку глушил, — шумел, гремел безумный бал,
И люди падали вокруг, а он наяживал Шопена,
И гильзы сыпались к ногам, а он играл, а он играл!

И снайпер медлил, веселясь, и спать хотел, и ждал антракта,
И мы успели ускользнуть, а он играл, а он сумел
Стрельбу и смерть остановить на миг, на вздох, на четверть такта,
И он играл, и он играл, и белый свет остался цел!..

4-5 октября 1993

* * *

Слякоть, стужа на дворе, и заняться нечем,
 Но пришла весна-красна, и ко мне домой
 Развеселый ухажер заглянул под вечер,
 Симпатичный, весь в кудрях, стройный, молодой!

«Извиняюсь, виноват, я с дороги сбился», —
 Он мне на ухо шепнул и у печки сел.
 Мама милая моя, он в меня влюбился,
 Он мне ручку целовал и романсы пел!

«Вы прекрасны, госпожа, словно Мона Лиза, —
 Он, как мяч, вокруг меня прыгал вверх и вниз, —
 Честь имею предложить в качестве сюрприза
 Руку, сердце и билет в свадебный круиз!»

Я от счастья впала в бред и к нему в объятия
 Как лебедушка плыла, чтоб ему сгореть!
 Он мне брошку и значок нацепил на платье,
 «Собирайся, — говорит, — и со мною едь!»

Море синее. Стамбул. Прилетели, здравствуйте!
 Петька (так его зовут) кофту мне купил,
 Он под вечер в номерах озверел от страсти
 И давай меня терзать до потери сил!

Я очнулася к утру. Я не понимаю,
 Что за бабы в бигудях в холле водку пьют,
 У меня уже тоска по родному краю,
 Там веселье, Первомай, танцы и салют!

Мысли бегают в башке, скачут, как цыплята:
 Дом свиданий, храм любви — вот где я живу,
 Здесь молотят и бомбят русские девчата,
 Я в натуре весь расклад вижу наяву!

Вечер. Петька протрезвел, об меня согрелся:
 «Обслужи-ка ты поди дорогих гостей!»
 Я ему: «Чего ты, Петь, белены объелся?»
 Лучше ты уж нож возьми и меня убей!»

У меня его жлобы паспорт отобрали.
 Я во гневе, как в огне, заживо горю!
 Я к клиентам не вяжусь, я им на рояле
 Исполняю полонез и глинтвейн варю.

Две недели, месяц, год вою, как собака,
 Я кричу ему: «Подлец, ты же обещал
 На лазурных берегах в княжестве Монако
 Мне под пальмой в знак любви подавать бокал!»

Я рыдаю, я грущу по родным Мытищам!
 Петька в грязь меня втоптал, словно он спьяна
 На ромашку наступил черным сапожищем,
 Словно сердца у него нету ни хрена!

Я в ботинок острый гвоздь положила Петьке,
 Чтобы кровь ему пустить, вору и врагу,
 Надоел он мне, козел, хуже горькой редьки,
 Я по улицам сквозь дождь к пристани бегу!

Месяц бродит среди туч, старичок сутулый,
 Лодка мчится по волнам, я рулю веслом,
 Я по компасу плыву в Ялту из Стамбула,
 Мне стихия холодит рожу сквозняком!

У меня в душе звенят скрипки и свирели,
 Мне родные погранцы, вон, кофий подают,
 Поначалу сгоряча расстрелять хотели,
 А теперь кричат «Ура!» и чечетку бьют!

Возле борта собрались и меня щекочут
 Два веселых дружбана — боцман и старпом,
 Мне механик-моторист смотрит в ясны очи,
 Просит фотку подарить в дембельский альбом.

По каютам крепко спит войсковое братство,
 Я письмо пишу в Стамбул, излагаю суть:
 «Я опять тебя приму, только ты исправься,
 Только ты на этот раз человеком будь!»

1997

* * *

Я Андрюху, друга, тыщу лет не видел.
 Он по стилю жизни парень хоть куда.
 Он когда-то в школе мне два зуба выбил,
 А потом мы стали не разлей вода!

Я его недавно в ресторане встретил,
 Рядом с ним какой-то мутный контингент
 Щупальцами шарил, шелестел, как ветер:
 «Пей до дна, товарищ, брат, кирюха, кент!»

Я понял: разводилово, охота!
 Они ему втроем со всех сторон
 О бизнесе бурobili чего-то
 Под скрипки и хрустальный перезвон.

Он кайф ловил в усиленном режиме,
 И ветер за окном был зол и лют,
 И я ему сказал: «Не пей с чужими!
 Чужие до добра не доведут!»

Я его в курилку оттащил насилиу:
 «Тут у них, по ходу, полный беспредел!
 Ты послушай, парень, что со мною было,
 Я с такими так же здесь же вот сидел.

Так же рядом терлись виртуозы, профи.
 Только я отвлекся, и уже привет —
 Намешали, суки, клофелину в кофий,
 Я на месте рухнул. Даже пульса нет!

Я на шоссе очнулся, возле леса,
Как жалкий головастик на мели,
Я в транс вошел, я стал седым от стресса,
Когда меня в больницу привезли.

Прикинь, Андрюха: мрак, подвал, каталка.
Вперед ногами еду, не пойму:
Куда? Зачем? Ни шатко и ни валко —
В какую степь, за что и почему?

Мне со стен на морду падает известка,
О шершавый кафель колесо скрипит,
Санитары шутят матерно и хлестко,
Мол, лежи, не вякай, ты уже убит!

Если б не заначка в потайном кармане,
Та, что душу греет и хранит меня,
Я б увяз навеки в коме, как в тумане,
Дальше — морг, могила, и прощай, родня!

Они меня к жмурам как раз катили,
Мол, по пути дойдет, и все дела!
Но «пятихатку» в лапы получили,
И смерть меня зигзагом обошла.

Судьба сама распределяет роли,
Кому чего. Прорвемся, не впервой!
Меня в реанимации кололи
Четыре дня подряд, и я живой!

Я тупой, однако. Стыдно! Зенки прячу!
Врач меня утешил: «Есть еще тупей, —
Без заначки ходят. Ладно, будь! Удачи!
И не пей с чужими, со своими пей!»

Я к метро помчался — рысью, ноги в руки!
Перстень, крест нательный, пропуск в Белый дом,
Портмоне, кредитку — все забрали, суки,
С кем я водку квасил за одним столом!

И все же я не в коме и не в яме!
Андрюха, мы с тобой не фраера,
Но мы смеемся с новыми друзьями —
Ты помнишь? — мы так пели у костра.

Они смеялись тоже, гадом буду,
Когда мою кредитку в банкомат
Совали и куражились, паскуды:
«Не мерзни там в лесу. Спасибо, брат!»

Вот такое дело, друг ты мой Андрюха,
И скажи мне, где ты видишь тут людей
Из сидящих рядом, что тебе на ухо
Шепчут сказки. Брось их! Со своими пей!

А он ворочал вилкой в винегрете
И, как блаженный, дергал головой:
«Кирей, ты у меня в авторитете,
Но тут маячит сделка — о-е-ей!»

И я ему: «Братан, да это ты ли?
Да брось ты их, забудь про эту шваль!»
Но нет, они ему еще налили
И с ним решать вопросы укатили —
На «джипах», в ночь, в неведомую даль.

С утра звонок. Да чтоб вас, елки-палки!
Андрюхин голос — будто бы вблизи:
«В больничный морг без спросу, по нахалке
Какие-то лохудры и мочалки
Меня, живого, катят на каталке!
Спасай, Серега, денег привози!»

2015

* * *

Ну, Вась, ну что ты сразу так хватаешь под микитки?
 Ну сядь ты, как положено, за жизнь поговори.
 Я для тебя заначила различные напитки, —
 Гулянка будет, праздник от заката до зари!

Вот я с ним за компанию шарахнула полстопки,
 И вся душа покрылася туманной пеленой,
 Я даже туфли новые достала из коробки:
 Вась, правда, я красивая? Поговори со мной!

Свеча на подоконнике, шампанское в бокале,
 Он у меня на шее, как на вешалке, повис,
 Ему четыре месяца зарплату не давали,
 Он слабый, он на лавке развалился и раскис.

В кудрях его — опилки, а в душе — дыра сквозная,
 И я над ним порхаю, словно чайка над волной,
 Романс о хризантемах с табуретки исполняю.
 Очнись, Васек, я вот она! Поговори со мной!

Все тихо. Даже в ухе заржавела перепонка.
 В печи гуляет ветер, и огонь едва горит,
 А за окном раскинулась родимая сторона,
 И люди спят, и некому со мной поговорить!

Вот я сквозь рожь высокую к товарищам в общагу,
 Чумазого и тощего, тащу его домой.
 Он бредит. Он копытом колошматит об корягу,
 А ему прическу рву: «Поговори со мной!»

С рук на руки сдала его, в платочек прослезилась,
 Домой, как дура, шлепаю под темною луной.
 Вот я к столбу фонарному плечами прислонилась:
 «Скажи хоть слово, родненький! Поговори со мной!»

1996

* * *

Колюня с дудкой бегаёт под хохот лягушачий,
 А я гармошку дедову достал из сундука.
 Мы все, что было, пропили, теперь у нас задача
 Девчатам на завалинке забавать песняка!

Худые и очкастые,
 У наших у ворот
 Они гуляют, шастают
 Все ночи напролет!

Они к нам, крошки-лапочки,
 С пригорка — косяком!
 И мы сидим на лавочке
 И семечки грызем!

Их в помощь к нам прислали по путевке комсомола.
 Они и в ус не дуют, что попали в переплет.
 Они хотят на зорьке хоровод водить веселый,
 Они его и водят — влево-вправо, взад-вперед!

Наташка перепелкою
 Поет про небосвод,
 Она орехи щелкает
 И семечки грызет.

Синицы, крылья сизые,
 Садятся на плетень.
 А дома в телевизоре
 Туфта и дребедень.

А там вожди, как клоуны,
А нам на них плевать.
Друг друга с полуслова мы
Умеем понимать.

Вождей, вон, рядят в тапочки,
Да в белые притом.
А мы сидим на лавочке
И семечки грызем!

Девчат обратно в город на *автобузе* увозят,
А Танька схоронилась под яблоней в саду,
Кричит: «Пошло все к черту! Я с ребятами в колхозе
Любовь свою до гроба обязательно найду!»

Она с себя сняла очки,
От страсти вся кипит,
И с Васькой, вон, на лавочке
В объятиях сидит,

Прической, рыжей гривой,
Как знаменем трясет,
Смеется: «Я счастливая!»
И семечки грызет.

Они в плакучих ивах чуть не померли от смеха.
Кругом дожди, распутица, сплошная круговерть.
А значит, то, что хрен вам всем, поди за ней приехай!
А прыгнешь с парашютом, то поди потом уедь!

Автобус уплывает,
Словно лайнер, в темноту.
Тамарка, звеньевая,
Прицепилась к кусту!

Она из строя смылась
И теперь кричит: «Побег!
Я к рейсу не явилась,
Я свободный человек!»

Нащупав мордой чашку,
За ударный выпив труд,
Наташка, словно пташка,
Верещит: «Я тоже тут!

Вы — джентльмены, мы — леди,
Мы вам польта будем шить,
Мы в город не поедем.
Мы в деревне будем жить!

Луна лучи вонзает,
Как ножи, в ночной покров.
Валюха вылезает
Из крапивы, из репьев.

У ней один девиз:
«Любовь — прекрасная страна,
Ее, хоть удавись,
Не завоюешь ни хрена!»

Мы пляшем в честь восхода,
Мы свистим на журавля!
И с нами вся природа,
Вся родимая земля,

Кузнечики, козявочки,
Суглинок, чернозем,
И мы сидим на лавочке
И семечки грызем!

И мы гудим, гуляем,
Из костров летят угли!
Валюха с Николаем
Убежала в ковыли.

Она кричит: «Победа,
Я в набат желаю бить!
Я город не поеду,
Я в деревне буду жить!»

* * *

Жизнь меняется, как будто я в блокноте
С новой строчки начинаю новый лист.
Я в Чикаго прилетел на самолете,
Перспективный молодой специалист.

Алкоголь дает изжогу после пьянки.
Я от проводов еще не отошел.
Я грызу свои московские баранки.
Я в витрины носом тычусь, как осел.

Вот контора, где приезжих нанимают.
У меня азарт борьбы, глаза горят.
Я талантлив, гениален, точно знаю!
Я Америку приехал покорять!

Вот хохочут мне в лицо: «Какой ты быстрый,
Глянь в окошко — слева, справа, там и тут
С целью денег бакалавры и магистры
Грузят, пилят, сеют, пашут и куют!»

Я в другую дверь, а там у них все то же:
Мистер в галстук сидит, хлебает чай,
Резюме мое прочел и подытожил:
«Хочешь жить — бери лопату и копай!».

Я, как чайник, закипел: «Зачем лопата?
Аспирант я, экономику учу.
Вы не в курсе, вы не поняли, ребята,
Я финансами заведовать хочу!»

Вот мне мистер намекнул про чувство меры.
Я виденье увидел среди бела дня,
Что свобода, вон, сама из-за портьеры,
Как пантера, хочет прыгнуть на меня!

Утро. Первый уик-энд. Лежу на койке.
Что поделаешь, уже который день
Я строителем работаю на стройке.
Я в провале, я ослаб, как старый пенёк.

Я уродуюсь за жалкие коврижки,
Я в песке, в цементе по уши увяз.
Я, как проклятый, пашу без передышки.
Мне дают четыре доллара за час!

А жара вокруг, ну просто адский пламень!
Я вообще не понимаю ни черта,
У меня в башке туман, на сердце камень,
Скрип в коленях и в суставах ломота!

Я ворочаюсь во сне, вздыхаю тяжело,
Вижу провода свои в аэропорт, —
Слева Ньюшка под рукою, справа Машка,
Сыт и пьян я, весь в помаде, весел, горд!

А на этих авеню экстаз не в моде.
Я искры в глазах ни разу не нашел!
И вокруг меня, холодный, ходит, бродит
Абсолютно безучастный женский пол!

Я мигнул одной: «Эй, ты, пойдем по пиву!»
А она возьми да крикни: «Караул!»
И башкой трясет, и рвет руками гриву,
Будто я в бараний рог ее согнул!

И всю ночь за мной — мигалки и сирены!
Я в озерах трепыхался, как карась,
От прожектора нырял, как от рентгена.
«Руки в гору, — мне кричали, — сука, мразь!»

Им про то, что я — великий, нету дела.
Мне ишачить и держаться на плаву
Хуже хрена с горькой редькой надоело!
Я билет беру на Родину, в Москву!

Вот и встреча — Машка с Нюшкой всему свету
За меня готовы глотку перегрызть.
За столом сию с бокалом, с сигаретой,
Весь в помаде, сытый, пьяный, обогретый,
Перспективный молодой специалист!

1993

* * *

Из отчего дома — со страху
Остаться, в чем мать родила,
Она на панель, как на плаху,
Стуча каблуками, пошла.

В Москву, как из темного леса,
Явилась тайком, налегке.
Ее называли принцессой
Ребята в родном городке...

По нервам скребет, как пилою,
Шальная трамвайная трель.
Понурая, как с перепоею,
Принцесса идет на панель.

Ах, как она раньше летела
Во всю свою юную прыть
На танцы, на бал, и хотела
Красивые туфли носить.

Из термоса чай среди ночи
На точке хлебает она.
Девчонки, вон, рядом хохочут,
И тем, видит Бог, до хрена —

Как Светку вчера два баклана
Мурлом окунали в бокал,
Как пьяный дурак из нагана
В упор ни в кого не попал!

Да, вот оно — сердце Отчизны,
 Безумных ночей круговерть.
 А дома веселья и жизни
 Ни грамма, одна только смерть.

А здесь даже самые звери
 С тобой производят расчет.
 Москва, хоть слезам и не верит,
 А денег на туфли дает.

И паспорт при ней, и причина
 От радости прыгать и петь.
 С полтинника ей половина,
 Со столбика — больше, чем треть.

...Подружек ряды поредели
 Под скрежет железных зубов.
 Принцесса стоит на панели,
 Родной вспоминает Тамбов.

Там муж ее, знатный ворюга,
 Чего-то крутил и вертел.
 И выла за окнами выюга,
 И он был азартен и смел.

Он пил по утрам, он питался
 Шампанским, пока был живой,
 И розами вечно кидался,
 И гордо мотал головой.

Свежи были чертовы розы,
 И он был не страшен, не стар.
 «От пьянки подох, от цирроза», —
 Ей в морге сказал санитар.

Он был у начальства в почете.
 И, лясы точа от балды,
 Коллеги, друзья по работе
 У гроба сомкнули ряды.

А после, скорбя из-под палки,
 В прохладу его и уют
 В казенном свезли катафалке
 И дали прощальный салют!

...Машины проносятся мимо.
 На точке — антракт, перекур.
 И город, как клоун без грима,
 Уныл на рассвете и хмур.

И опер, смотрящий за точкой,
 Придурок, скотина и жмот,
 Хлебнув из горла в одиночку,
 С собой ее даром берет.

Он взял ее, слабый и хилый,
 И, в угол забросив сапог,
 Лежит — крокодил крокодиллом,
 Таращит шары в потолок.

Он зелье заморское курит,
 Лицо — как из синего льда.
 Она его грохнет, в натуре,
 Вот только не знает, когда.

Лихое срывается слово,
 Как дверь со скрипучих петель,
 С обкусанных губ. Завтра снова
 Вставать и идти на панель.

И, как по волнам каравелла,
 Она, чуть качаясь, плывет.
 Клиенты ее королевой
 Зовут и берут в оборот.

И старый пенек с «Мерседесом»,
 И юный заморыш в пенсне,
 И опер, ходок по принцессам,
 Ее вспоминают во сне.

...Тверская огни зажигает.
Сержант у ларьков, как паук,
В засаде застыл, и гуляют
Влюбленные пары вокруг.

Шагает весна по столице,
Безумный бушует апрель.
Летят перелетные птицы.
Принцесса идет на панель...

1997

* * *

Колька мой в Америку попал.
Он точил детали на станке.
Он деньгу кувалдой зашибал
От родного дома вдалеке.

Он вернулся, солнцем опален,
По поселку ходит, хвост трубой,
Он в очках и шляпе, как шпион,
Кофий пить пришел ко мне домой.

Я на Кольку искоса гляжу.
Вроде он, а вроде и не он.
Страсти нет, порыва, куражу,
Прямо как в меня и не влюблен!

Раньше было все, как у людей:
Брал за шкурку, нес на сеновал,
Песни пел, свистел, как соловей,
Стих, сонет мне на ухо шептал!

Он родные, русские слова —
Тыщу, две, а может, даже три
Знал до буквы — умник, голова,
Все забыл, не помнит, хоть умри!

Я кидаю шишки в самовар.
Он мне цифры пишет на листке,
Где какая скидка на товар,
Что почем от дома вдалеке.

Я ему: «Как жизнь у них, Колюнь,
Как искусство, Гегель там, Матисс?»
Он помаду, пудру и шампунь
В нос сует мне — на, мол, подавись!

Он в кульке гостинцы приволок,
На столе рядком их разложил.
В столбик ручкой вычислил итог
И сидит, как мумия, застыл!

Он налил сухого по чуть-чуть.
Мы в окно смотрели на закат.
Зодиак искали, Млечный Путь,
Жвачку ели, чипсы, шоколад!

Он со мной все грани перешел,
А потом не в шутку, а всерьез
Все, что он рядком ложил на стол,
Что осталось, взял да и унес!

Я хожу по стенке на ушах.
Коля, милый, родной, дорогой,
Где твоя широкая душа,
Что они там сделали с тобой?

Где он, где страстей твоих накал,
Нежных чувств огонь и фейерверк?
Лучше б ты уж водку выпивал,
Но со мною вел, как человек!

Месяц в небе скрылся, как птенец.
Дождь по крыше польку проплясал.
Колька, сволочь, вспомни, наконец,
Все, что ты мне на ухо шептал!

Он к Танюхе лазит по ночам.
Мол, культура, Запад, все дела!
Танька в школе учит языкам
И сама, вон, в курс меня ввела:

Он пять букв заморских изучил,
Для него и восемь не предел!
Я стою, рыдаю, нету сил,
Он слова родные позабыл,
А чужих запомнить не сумел!

Страх на сердце давит, как свинец.
Ветер бьет по морде наповал.
Коля, милый, вспомни, наконец,
Все, что ты мне на ухо шептал!

1994

* * *

Дом постарел, даже стены как будто кривы.
Вот ты и здесь, и тоскою полно через край
Сердце твое. Все вокруг — чуть живое, увы! —
Эти летящие клочья последней листвы,
Этот раздолбанный вдребезги старый трамвай.

Ты — вот отсюда. Ты парень не промах, —
Лихо взлетел, — говорят, даже пьешь
Кофе с дружками в Кремле на приемах
И миллионы лопатой гребешь.

Старая ведьма, соседка-злодейка
Чушь, ерунду у тебя за спиной
Сдуру несла: «Пропадет за копейку
Тот, кто забудет дорогу домой!»

Кризис пришел, и дружки озверели твои,
С кем ты последнюю банку ли, бочку икры
Мирно делил, а теперь, хоть им лоб раскрой,
Запросто, влежку спляшут канкан на крови —
Да ведь и пляшут уже, как шакалы, шустры!

Искоса так посмотрели, сурово,
Спор был недолог про совесть и честь, —
Все им отдал подобру-поздорову, —
Банков одних — аж на пальцах не счесть.

Вот и похмелье, как водится, — словно
Кончился космос. А дальше вразброс
Годы твои, как дубовые бревна,
Вниз полетят под уклон, под откос.

Вон, посмотри, деревянный красавец-гусар
Возле качелей бессменно стоит на посту.
В окнах знакомые вроде звучат голоса
Слушай, не спи! Ты своих узнавал за версту!

Слышишь, гитара! — поют — уж не те ли,
С кем ты расстался, кого променял
Черт-те на что, а потом еле-еле
Ноги унес и себя потерял.

Снова ты шепчешь: «Прощайте, ребята!»
Саблею машет гусар: «Да постой!
Здесь тебя помнят и ждут, ну куда ты?
Сгинут навек, пропадут без возврата
Все, кто забыли дорогу домой...»

2015

* * *

Две дырищи в голове —
 возле уха, сбоку, с краю,
 Меня возят по Москве,
 а я кровью истекаю.
 «Скорой помощи» сестра
 лезет, бедная, из кожи —
 С часа ночи до утра
 сдать, спихнуть меня не может.
 Эй, водила, жми напрапалую,
 сквозь метель рули назло врагу!
 Из «двадцатой» в «шестьдесят седьмую»
 мы летим по встречной сквозь пургу!
 Мне бы только в койку, как в берлогу,
 вон туда, где стены и уют.
 Я с носилок в дверь просунул ногу,
 а меня по ней щипцами бьют!
 Нет ни коек, ни бинтов,
 ни еды, ни персонала!
 Я им денег дать готов —
 я даю, кричат, что мало!
 Пациенты на пути
 ненароком возникают:
 «Ты подох уже почти!» —
 и пиджак с меня снимают.
 Я опять в пути: ворота, стенка,
 снова слезы лью, как из ведра.
 То ли это госпиталь Бурденко,
 то ли Соколиная гора!
 Впереди приемные покои,
 мы в гудок гудим — никто не рад.

Мужики в халатах, оба-двое,
 дверь плечами держат и молчат.
 На меня напoлз туман,
 я в критическую фазу
 Впал, как в море-океан,
 пульса нету, меркнет разум.
 Я шепчу: «Привет братве!»
 Будь здорова, мать родная!»
 Меня возят по Москве,
 а я кровью истекаю!
 И, как пес шальной с цепи,
 в рай душа сорваться хочет.
 «Братик, милый, потерпи», —
 медсестра, крестясь, бормочет.
 Мне ножом раскрыли рот,
 дали курева, жувачки,
 Вот водила достает
 самогонку из заначки.
 Дали выпить в меру сил,
 морду тряпками протерли.
 Я уже глаза раскрыл,
 кайф возник в груди и в горле.
 Шеф, серьезен и силен,
 мне шприцом, нахмутив брови,
 Колет в вену самогон:
 «Вот тебе, заместо крови!»
 Он со мной, спаситель, спец,
 он трясет меня за плечи:
 «Оклемался? Молодец!
 А чего, вот так и лечим!»
 Фонари. Туман. Луна.
 Звезды, знаки-зодиаки.
 Хвори нету ни хрена!
 Зажило, как на собаке!
 В голове, легки, чисты,
 мысли кружатся, как чайки,
 По сугробам, сквозь кусты,
 я иду к Смирновой Райке.

«Скорой помощи» сестра
 мне сигналил: «Дай ей жару!»
 «Шагом марш, — кричат, — ура!» —
 вместе с шофером на пару!
 Я машу им варежкой вдогонку,
 я ору, восстав из забвения:
 «Верьте в жизнь, гоните самогонку,
 я пошлю вам сахару, друзья!
 Дай вам Бог веселья и здоровья,
 ясных глаз, бутылку и бокал,
 Чтоб душа гуляла, чтобы кровью
 никогда никто не истекал!»

1994

* * *

Вот такое вышло дельце —
 В нас буржуй вонзил клешню, —
 Наш завод сменил владельца,
 То бишь продан на корню.

У буржуя, как у волка,
 Страсть на роже, кайф, азарт,
 И на тыкве треуголка.
 И кликуха — Бонапарт.

Цифры, цифры — в оба уха
 На него со всех сторон,
 Сколько бабок надо вбухать
 Плюс к тому, что вбухал он, —

Услыхал, а после стрелку
 С губернатором забил
 И назад, на опохмелку
 В Монте-Карло укатил.

Мы с трофеями от домны
 Сквозь туман домой бредем,
 Чугуна стране даем мы
 И себе чуть-чуть берем.

Нам с охранником Илюшкой
 Дружбу нравится водить,
 По балде чугунной чушкой
 Он не хочет получить!

Мы от бед не унываем.
Из-за туч глядит луна,
Как мы весело шагаем
В пункт приема чугуна.

Вьется по лесу тропинка
Меж оврагов и болот,
То березка, то рябинка,
Кто их, на хрен, разберет?

Там у бабушки Матрены
Возле рощи, впереди,
Огонек горит зеленый —
Кому надо, заходи!

В сундуке, в печи, в корыте
На учете каждый пуд, —
Вот сюда, сынки, кладите,
Кому надо, заберут!

Самогон в стакане синий,
На тарелке помидор.
«Приносите медь, люминий,
Расширяйте кругозор!»

С машинистом дядей Колей
Мы знакомы тыщу лет.
Тыщу лет он с нами в доле,
У него вопросов нет.

Он нарочно ход убавит
Возле лесополосы,
Подождет и дальше правит,
Усмехается в усы!

Из вагонов тонн по восемь
Мы за эти пять минут
Под откос тихонько сбросим —
Наших много, все возьмут!

Много тем у нас в запасе —
Фурмы, фитинги, цемент,
Гвозди, гайки, деньги в кассе,
И литье, и инструмент.

Металлурги — наше имя!
Жизнь и вправду удалась,
Если дружишь со своими,
Если есть взаимосвязь!

У бухгалтерши у Даши
Пляшут зайчики в зрачках:
«Это все родное, наше,
Значит, к черту рабский страх!»

«Для чего, — кричит, — для дела
Нам извилины даны,
Лишь бы все вокруг гудело,
Лишь бы не было войны!

Лишь бы колос в чистом поле
Колосился в меру сил,
Лишь бы друг наш дядя Коля,
Там, где надо, тормозил!»

Вот хозяин из Парижа
На побывку прикатил,
Ходит, смотрит. Ну, смотри же,
Пей, что раньше не допил!

Он глотает валерьянку,
Он живой едва-едва,
Он прочухал всю изнанку,
Кто из нас хозяевá!

«Ватерлоо, блин, подстава!» —
Он мотает головой, —
Типа шведа под Полтавой,
Типа фрица под Москвой!

Он сражен гипнозом, трансом, —
 Это нежно так ему
 Наш директор по финансам
 Объясняет, что к чему.

Мол, старались, дохли, с понтом,
 То да се, и денег нет, —
 Дебиторка, капремонты,
 Губернатор-миroeд!

И заводу не житуха,
 Если денег — полный шиш!
 Ты еще немного вбухай
 И обратно едь в Париж!

Он коньяк хлебает молча,
 Он в печали день-деньской.
 Воздух горек, и по-волчьи
 Воют ветры за рекой.

Он хреначит водку с горя,
 Он нажрался, как свинья,
 Вспоминает сине море,
 Хочет в теплые края.

Он не рад пейзажам нашим,
 Не желает впасть в инфаркт,
 Мы ему вдогонку машем:
 «До свиданья, Бонапарт!

Оставайся в главной роли,
 Лишь бы век твой долог был!
 Лишь бы друг наш дядя Коля
 Там, где надо, тормозил!»

2003

* * *

Ветер гложет голую березу,
 Волк в лесу петляет между пней,
 А у нас поминки по колхозу,
 Мы сидим, справляем сорок дней.

Что нам делать, если край родимый
 Сбросил нас к чертям, как лишний вес?
 За окном кудрявая рябина,
 А у нас в душе дремучий лес!

Наша цель — спокойствие народов.
 Мы сварили вкусного борща.
 Мы не хотим распрей и разводов,
 Хотим жить в колхозе сообща.

Мы три буквы пишем на заборах:
 «SOS!» Спасите нас! Быстрей, сюда!
 Жизнь, как талый снег, в родных просторах
 Исчезает к черту без следа!

Бригадир Степан пришел в контору,
 Чтоб сразить начальство наповал,
 И ушел, и к трактору, к мотору
 Сам себя цепями приковал.

Он сидит в промасленной одежке,
 Он один, на холоде, в степи,
 Без еды, без девок, без гармошки
 Под луною воет на цепи!

Проезжают мимо паровозы,
Самолеты, сволочи, летят,
И по нам, по нашему колхозу,
Видит Бог, не плачут, не грустят!

...Мы в пучину мрака попадаем,
Как на шахте угольной в завал,
Мы прожектор в небо направляем,
Чтобы нас хоть кто-то увидал!

Комбайнер Колюха куролесит,
Машет в космос кепкой, пиджаком:
«Эй, — кричит, — мы вот они, мы здесь!
Мы не только жили, мы живем!»

...Думы в мозге пчелами роятся,
Как штрафную пили, посошок,
Как на зорьке шли опохмеляться,
Как нам вместе было хорошо!

Рыбаки на лодках проплывают,
Самосвалы грузами гремят,
Ни хрена про нас не понимают,
Мимо, вдаль — спешат, спешат, спешат.

Кто-то шлет любимым девкам розы,
Кто-то в бой ведет стальных коней,
А у нас поминки по колхозу,
Мы сидим, справляем сорок дней!

Ветры в поле воют, как шакалы,
И над ухом грохает стакан!
И Колюха звездам шлет сигналы,
И прикован к трактору Степан...

1989

* * *

В горле хрип, и в ушах паутина,
Да и рожу бы надо помыть.
Саня, друг, одолжи мне единый,
Ехать не на что мать хоронить!

Брат Серега пришел и, опилки
Отряхая с кривого мурла,
Мне портвейну налил из бутылки
И проямлил, что мать умерла.

Он собрал со стола стеклотару,
Он селедку сожрал и салат.
Мы с Сережкой идем по бульвару
На метро «Ботанический сад».

И снежинки свистят, словно пули,
На ветру. Мы на пару минут
У столба в стороне тормознули,
Чтоб согреться и мать помянуть.

Ветер воет уныло и тяжело,
И Юпитер на небе померк,
И какие-то падлы в фуражках
Нам с Серегой кричат: «Руки вверх!»

Нас ведут к «воронку», как баранов,
И под бодрые визги «налей!»
Хлещут водку из наших стаканов
И сержант, и бухарик-старлей.

...И в застенках, где не было света,
Нас ментура за глотку брала,
Я срывал с них, козлов, эполеты
И кричал им, что мать померла!

...Мы очнулись от сна и от бреда,
Нас резиновой палкой в плечо,
В шею ткнули: «Ступайте отседа!
Живы, целы, чего вам еще?»

И часы без стекла и без стрелок,
И единый, что дал мне Санек,
Все пропало, как в топке сгорело, —
И ремень, и последний шнурок.

...Ни гроша, ни стакана, ни корки,
Ни гвоздей, чтоб табличку прибить.
Мы с Серегой сидим на пригорке.
Ехать не на что мать хоронить...

1998

* * *

Было трое нас, стало двое.
Скомкан, вывернут белый свет.
Все горбатое, все кривое,
С нами был наш друг, был — и нет!

Прячем головы от печали,
На пол валимся под кровать,
Мы с Илюхою выпивали
И еще хотим выпивать!

Не до шуток нам, не до смеха,
Нам Илюха кайф опроверг.
Он в Америку переехал,
Он хороший был человек!

С тополей листва облетела.
В домино стучим во дворе.
Никому до нас нету дела.
И костер у нас догорел.

Старшина сучит сапогами!
Без Илюхи жизнь холодней!
Мент, иди сюда, вышей с нами
За товарищей, за людей!

Ох, житуха ты, нескладуха!
Белый свет померк и поблек.
Мы за друга пьем, за Илюху.
Он хороший был человек...

1991

* * *

А у судьбы клыки кривые, острые,
Я помню ту лихую кутерьму,
Самыгин Саня выжил в девяностые,
И я ему за это руку жму.

Его три тыщи раз партнеры предали,
И бизнес, как фруктовое желе,
Глотая, прокуроры с ним обедали
С браслетами стальными на столе.

Свой воз тянул и тянет
При всем при том
Мой друг Самыгин Саня
По кличке Сом:

«Пробьемся. Знайте, люди,
Придет наш срок!
Как скажем, так и будет!» —
Твердил Санек.

Твой офис — твоя крепость, твое логово.
С легавкою в тандеме, сыт и пьян,
Здесь мелкий хлюст, шестерка из налоговой,
Мизинцем оттопыривал карман.

Он мог тебя, как пепел, как труху смести,
Мы знали, что пройдет психоз и бред,
Что есть предел и подлости, и глупости,
И поняли потом: предела нет!

Ты в детстве не был тихим,
В боях крепчал,
Не то чтоб стал ты психом —
Да нет, не стал.

Но в буйство-то впадаешь,
Когда хамят —
Идешь и побеждаешь.
Нормально, брат!

И если точит ножик зло проклятое,
То и добро, стремясь к балансу сил,
Должно быть с пулеметом и гранатою.
Ты это знал. И в «Джипе» их возил.

Тебя хотели взять быки мордастые
Со всеми потрохами под крыло.
Ты встретил их. Потом, живя и здравствуя,
Они себе признались: «Повезло!»

Ты с ходу: «Ну, разведка
У вас, жлобов!
А в русскую рулетку
Сыграть слабо?

Давай, старшой, чего ты,
Уж коль пришел?
Тащи свою пехоту!
Стволы на стол!»

Они слиняли, так порой случается,
Хлебальники — как спиленные пни!
И ты сказал тогда: «Чего печалиться?
Россия — это мы, а не они!

А наше дело — помнить этих ухарей
И в бой идти, когда зовет труба!»
Спасибо, Саня! Я всегда на шухере.
Я тоже выжил, глядя на тебя!

Лимон. Коньяк в стакане.
В окне луна.
Давай накатим, Саня!
За нас! До дна!

Уснешь — труба разбудит.
Ты дал зарок:
Как скажем, так и будет!
Живем, Санек!

2014

* * *

Кто-то сыпет в бульон специи,
Кто-то в супе сухарь мочит.
Гриша Штульберг живет в Швеции,
Потому что он так хочет.

Гриша в ВУЗе учил формулы,
Здесь, у нас, в те года, прежде,
Он хотел посещать форумы,
На конгрессы хотел ездить.

Он на выезд подал, надо же!
Ох, от злости зрачки сузил,
Ох, и встал на дыбы, на уши
Факультетский актив в вузе!

Вася Зайцев, комсорг, староста,
С вариантом в верха вышел:
«Может, тюкнуть его? Запросто!
Раз — и все! И прощай, Гриша!»

«Мы у дома в долгу отчего! —
Он кричал, — а ведь есть лица,
Что без всяких причин хотят, вон,
Из советской страны смыться!»

Гриша — к девкам, а те — в сторону:
«Ты нам синус чертил, катет,
А теперь, вон, предал Родину!
Мы не любим тебя, хватит!»

Как пчела на стекле мечется,
Клавка — бьет головой в стены:
«Он debil! Вот и пусть лечится!
Сульфазина ему в вену!»

Опер Пнев снаряжал в путь его,
По затылку свистком стучал,
И, как спину хлеща прутьями,
Вслед кричал: «Сионист! Сука!»

«Зверь! Скотина! Фашист! Быдло! —
Клава в бусах, в туфлях стильных
Возле трапа ему выдала, —
Хоть и парень ты наш, сильный!»

...Время — лекарь. Пять лет минуло.
Гриша в гости, в Москву мчится:
«Эй, родные мои, милые,
Я хочу к вам в процесс влиться!»

А на Родине тьма-тьмушая.
Вот товарищ, Смирнов Севка,
По руинам, мотор мучая,
Гришу в гости везет, к девкам.

Чтоб с почетом приезд праздновать,
Чтоб сверкали вокруг очи,
Гриша девкам всего разного
Накупил — раздавать хочет.

Девки, скалясь, глядят в рот ему.
Пляшут, мордами бьют в бубен:
«Ничего, что предал Родину.
Мы твои, мы тебя любим!»

Девки гольфы, носки меряют,
Скачут, шустрые, как мыши:
«Верим в счастье, в вождей веруем,
А еще — больше всех — в Гришу!»

Он в кабак зарулил с Клавою.
Клава млеет, едва дышит,
Поварешкой икру хаает,
«Молодец, — говорит, — Гриша!»

За окном кореша Клавины
Мерзнут, хором орут хриплым:
«Человек он простой, правильный,
Он нальет нам, и мы выпьем!»

Он налил, он махнул штопором,
Он им закусь — плоды манго —
Дал, и Клавку зовет шепотом
В номера, танцевать танго.

Гриша помнит себя все-таки,
Карандаш, чтоб писать, точит,
Он колготки привез, зонтики.
Он металл покупать хочет.

Заводские спецы — ордами
По веревкам к нему — с крыши!
Водку пьют за успех ведрами,
Заклучают контракт с Гришей!

Замы в шляпах из недр шествуют
Строим, важные, как танки:
«Адрес дай, мы хотим в Швецию.
Надо счет открывать в банке!»

Мы тут горе не зря мыкали,
Мы ломаем дверьми пальцы:
Нет люминия, нет никеля,
Но зато есть в костях кальций!

Гриша всем отстегнул поровну,
Он суставом во тьму хрустнул.
И воротит лицо в сторону,
Потому что ему грустно.

Год прошел. Грише груз вешают
 На весах, он пинком вышиб
 Сто печатей — и в путь, в Швецию,
 Хочет плыть. Будь здоров, Гриша!

Месяц скрылся, скользнул ящерицей,
 Туча бродит с волной рядом.
 Девки в трюме, сто штук, прячутся,
 Им в Стокгольм позарез надо!

Не успевшие влезть носятся
 Вдоль причала, грызут сваи,
 Тянут руки, на борт просятся,
 Примоститься хотят с краю!

Ждут, лохматые, как веники,
 И горластые, как галки.
 Он им центы давал, *пфенниги*,
 Девкам жить без него жалко.

Опер Пнев ощутил судорогу,
 В пене плещется, как лебедь:
 «Референтом хочу к Штульбергу,
 За портвейном в продмаг бегать!»

Клава горькой слезой давится:
 «Возвращайся скорей, милый,
 Корешам моим кайф нравится,
 Мне кранты без тебя, вилы!»

По карману, смеясь, хлопает
 Вася Зайцев, зампред, шишка:
 «Мы в бюджете дыру штопаем.
 Есть контакт! Молодец, Гришка!»

Грусть-тоска у ГАИ местного.
 Зам по службе в Стокгольм пишет:
 «Нам зеленые брать не с кого
 Возвращайся скорей, Гриша!»

1992

* * *

Я в загранку плавал, видел праздник, видел волю.
 Город Сан-Франциско — это сказка и мечта!
 Нас на берег тройками пускали для контроля,
 И четвертый в спину нам смотрел из-за куста.

Замполит на судне — Тимофей Кузьмич Степанов —
 Свой был в корень, в доску, зря не вешал нам лапшу.
 «Время нынче лютное, — вздыхал он над стаканом, —
 Братцы, будьте бдительны, я очень вас прошу!»

И вот она пришла, заря свободы.
 Я снова здесь — по бизнесу, один.
 Залив, туман, прохлада, пароходы.
 И мент с усами умный, как дельфин.

Я при деньгах — толкаюсь в райских гуцах,
 В густых сетях сезонных распродаж!
 Чесотка, дрожь в ладонях загребущих.
 Иду на «вы», на штурм, на абордаж!

Для жены любимой, для опоры и надежи,
 Я за тыщу долларов сюрприз хочу купить —
 Что-нибудь на молниях, из меха ли, из кожи,
 Чтоб его до старости носить ей не сносить!

Вижу красным бархатом обитые ступени,
 Тварь меня кудрявая куда-то волокет,
 В зал заводит за руку, а там — стриптиз на сцене,
 Бабы пляшут, скачут — вот такой вот переплет!

Они передо мной, как заводные,
Напересменку бюстами трясут,
Нормальные, веселые, простые
Девчата без заскоков и причуд!

Я пиво пил, я вилкой тыкал рака,
Я чью-то руку стряхивал с плеча,
И образ выплывал из полумрака
Родного Тимофея Кузьмича!

Ах, как фигурировала рыжая красавица!
Я гляжу — поддтая, кричу: «Ну, ты даешь!
Ханку жри поменьше, и копыта не отвалятся,
Тоже мне, халтурщики, культуры ни на грош!»

И она бегом ко мне: «Откуда, мол, и кто ты?
Из России? Знаю, там сугробы, там Сибирь,
Там медведей ловят мужики-мордовороты,
В общем, я люблю тебя, красавец, богатырь!»

Вот мне под нос суют сухие вина:
«Ну что, бокал для дамы? Сей момент!»
Кузьмич учил, но я забыл, дубина,
От пьянства проглотить медикамент!

Официант не баловал закуской,
Но подливал, скотина, во всю прыть:
«Ты русский человек или не русский?
Ну покажи, как ты умеешь пить!»

Рыжая в антракте тихой сапой, левым бортом
Подгребала, щурилась: «Смотри, я вся горю!
Мы поладим, сделай мне мороженого с тортом!
Ну давай, давай, давай, давай еще по стопарю!»

Я от горьких думушек отмахивался кепкой,
Я на всех шампанского поставил сгоряча,
Но во мраке мозга, в мозжечке жила зацепка —
Незабвенный образ Тимофея Кузьмича!

Он говорил: «Свобода — это здорово,
Но вы же, братцы, валенки на вид!
Да здесь любая ушлая оторва
Вас в ноль секунд по киру охмурит!»

Я понимал, собравшись с силой духа:
Хотят спойть, но чтоб не наповал!
Мне рыжая крутила мочку уха,
А бармен ей подмаргивал, кивал.

Он губищи скручивал в недобрую ухмылку,
Я сидел у стойки, как на иглах, на углях,
Наконец додумался: «Почем у вас бутылка?»
«Двести!» «В чем, простите?»
«Уж наверно не в рублях!»

Мне как будто трактором наехали на спину,
Раскрутили, сволочи, шутя, как пацана!
Зелень контрабандную, зашитую в штанину,
Я им честно отдал, не осталось ни хрена!

Я взят врагом, сражен по всей науке!
Чувак за стойкой строг и величав.
Они меня нагрели на три штуки,
Кислятиной шипучей накачав!

Капкан, петля, бермудский треугольник!
И по коврам ступая, как по льду,
Я им на чай швырнул последний столик:
«Знай наших, падлы, я еще приду!»

Я неделю целую почти что не питался,
Рейса ждал обратного под сень родных рябин,
С алкашами, с пьянью на окраинах вращался,
Залезал на пальму: «Эй, Россия, я твой сын!»

Вот супруга с тещею пасут меня, встречают:
«Где подарки?» «Нету...» — по спине мурашки, дрожь.
«Ну чего, как съездил?»

«Все нормально, — отвечаю, —
Город Сан-Франциско удивительно хорош!»

Прошла весна, и лето пролетело.
С двумя братьями еду на Бродвей.
Четвертый нами взят для пользы дела —
С Петровки скромный труженик, старлей,

Чтоб нас берег от нечисти поганой,
Чтоб в рог трубил про шухер и аврал,
Чтоб днем и ночью честно, без обмана
Из-за куста за нами наблюдал!

1994

* * *

Я в кафе после смены считала рубли,
Он на «газике» ехал по трассе.
И свистел соловей, и сирени цвели
В день, когда я ему отдалась!

И рябило в глазах от тюльпанов и роз.
Он меня, продавщицу простую,
Полюбил всей душой и в Москву перевез
На Вторую Тверскую-Ямскую.

Он там жил, как умел, с неба звезд не хватал
И с судьбой не вступал в перепалку,
Он тянул свою лямку — металл продавал
Худо-бедно, ни шатко ни валко.

Он однажды лежал на перинах без сил,
По спине меня лапою гладя,
Когда в черных очках в нашу дверь позвонил
Его родич, двоюродный дядя —

Тот, что с ходу врага разнесет в пух и прах, —
Он большая и важная шишка,
Он резервы страны на секретных складах
Сторожит с автоматом под мышкой!

Он бумаги нам дал: «Все нормально, братан, —
Роспись-подпись, лицензия, квота.
Сделай дело, Санек, и себе на карман
Полпроцента возьми с оборота!»

Сашка рожу расправил, расцвел, просиял,
 Невзирая на нервны тики,
 Он сурьму и свинец на комиссию взял,
 И люминий, и *кобаль*, и никель!

Словно счастье само к нам пришло пировать:
 Мы на марше, на светлой дороге!
 Сашка в Лондон поехал — металл продавать,
 И меня прихватил для подмоги.

Мы от трапа до биржи пешком добрались,
 Чтобы денег заначить на кашу.
 Он все продал «на раз», и деньжищ — завались,
 И в отеле три номера — наши!

Сашка мозг подключил: «Ты послушай, Марусь,
 Все за нас. Мы придержим добычу —
 Я на ценных бумагах волчком крутанусь
 И навар в двести раз увеличу».

Он ушанку свою заломил набекрень
 И при помощи тонкого нюха
 В курсы акций, в какую-то хрень-дребедень
 Миллионы казенные вбухал!

Вот неделя прошла, и вторая идет,
 Я не верю глазам — Сашка в плюсе!
 Он мне утром наливку в постель подает:
 «Ну чего? Гутен морген, Маруся!»

Мы сидим у камина, стучим в домино.
 Мне достался шестерочный дупель.
 Все шикарное здесь — и хрусталь, и вино,
 И моллюски, и устрицы в супе!

У меня от фужера на пальце мозоль,
 Сашка бровь мне щекочет губою:
 «Ты моя королева, а я твой король,
 Мы начальники жизни с тобою!»

Вон лакей в панталонах, изящный, как граф,
 Перед нами на цирлах елозит,
 Он нам русскую кухню с букетом приправ
 На колесиках в номер привозит.

И «Зубровка» в стаканы рекою лилась,
 И с намазанным хреном на рыле
 На серебряном блюде лежал, развалясь,
 Поросенок, зажаренный в гриле!

Но уже за окошком злодейка-судьба
 Нож точила всерьез, не для виду,
 И вдали водосточная выла труба,
 Словно пела по нам панихиду!

И в то самое утро, когда мы в лапту,
 В волейбол в наших «люксах» играли,
 Он газету прочел и глядит в пустоту —
 В трансе, в «штопоре», в полном провале.

И сквозняк, как стервятник, носился спьяна,
 Лез за шиворот, зол и задирист,
 И очнулся Санек: «Все, Маруся, хана,
 Наши акции в пыль превратились!

Ох, мне тыкву с резьбы снимет родина-мать,
 То бишь маковку на хрен открутит:
 Сорок восемь «лимонов» (откуда их взять?)
 Я ей должен в зеленой валюте!»

Зайчик солнечный в рюмках крутился, подлец,
 И веселые бегали блики,
 Будто все там светилось — и медь, и свинец,
 И люминий, и *кобаль*, и никель!

И трамвай за окном одинокий визжал,
 И к заутрене в колокол били,
 И, казалось, смеялся, вздохнул хохотал
 Поросенок, зажаренный в гриле!

«Резко вздрогнули, Маня, полундра, аврал!» —
 Мне Санек прохрипел в перепонку,
 Он манатки мои в чемодан покидал
 И свистит, вон, тревожно и звонко.

Я вцепилась в диван изо всех своих сил,
 Он мне руки скрутил: «Я — хозяин!»
 И меня, как бревно, по коврам покатил:
 «Шутки в сторону, Маня, линияем!»

Мы по «черным» ходам наугад, по прямой
 Рвали когти, зверея от пыли,
 Мы средь громов и молний под мутной луной
 На моторке Ла-Манш переплыли!

Мы, как воры, в бегах, мы до ручки уже
 С ним дошли, до последнего края!
 Я в Багдаде хожу втихаря в парандже,
 Он метлою мечеть убирает.

В расшибалку, в пристенок, в «очко» и в «буру»
 Сашка режется с местной шпаною.
 Он от радости скачет, как зверь кенгуру,
 Я в подушку по-тихому вою!

У меня от жары, от хлопот и забот
 «Крыша» едет конкретно, вчистую!
 Я тайком по ночам шью ковер-самолет, —
 Пусть он в город родной нас двоих унесет
 На Вторую Тверскую-Ямскую...

1998

* * *

Я дело открыл. Сердце ноет, болят виски.
 Жлобы-амбалы взяли на абордаж,
 Один прикладом с меня уронил очки,
 Другой потрепал по скуле и сказал: «Ты наш!»

Куда деваться бедному интеллигенту?
 Скупаю оптом решетки, замки, засовы.
 Мой брат на Брайтоне чахнет, считает центы,
 Зато спокоен и трезв. И живой, здоровый.

Я жить хочу, репетирую ближний бой —
 Поднял кулак, подбородок прижал к плечу,
 И, чтобы держать удар, целый день башкой
 О шкаф с разбега стучу, стучу, стучу.

Куда деваться бедному интеллигенту?
 Да в бой как раз, если жизнь на лопатки ложит!
 Народ меня знает и даже сложил легенду,
 Что я кулаком на скаку убиваю лошадь!

А я не хочу никому ничего ломать,
 Я с томиком Фета хочу в гамаке дремать.
 Хочу под каштаном жену обнимать-ласкать.
 Ласкаю. И бронезилет забываю снять.

Я в строки вникал, понимал на линейках ноты:
 Жизель-Шекспир, адажио, Шишкин-Пушкин.
 Теперь я врагов по кликухам пишу в блокноты,
 Я «Байрона» — урку в законе — держу на мушке.

Какой к черту Фет? Я вариться, как гусь, устал
 В кипящем котле — в круговерти, в пучине дел.
 Мне Вадик Егоров свой сборник в подарок дал,
 А я, типа, даже и буквы забыть успел.

Мне вместо зеленых пальм снится злая выюга,
 Взамен перелетных птиц — пулеметные ленты.
 Мне в Штаты валить не резон — там с деньгами туго.
 Куда деваться бедному интеллигенту?

1998

* * *

Я из всех алкоголиков
Самый грозный и злой.
До икоты, до коликов
Люди ржут надо мной.

Супом в родичей брызгая —
В гущу, в месиво рыл,
До свинячьего визга я
Во хмелю доходил!

Вот надежда забрезжила,
Вот я в клинику лег.
Мне светило заезжее
Измеряет зрачок.

Сам-то — zenки навывкате,
В волосах — кутерьма.
Говорит: «А реши-ка ты
Теорему Ферма!»

Он развел на ходу меня.
Он окурок догрыз:
«Ну! Вперед! Так задумано!
Отличись! Будет приз!»

Мол, пока не подавишься,
Водку жри задарма!
Будешь цел, если справишься
С теоремой Ферма!

Пульс мне тюкает в темечко:
«Тук-тук-тук, твою мать!
Это тьфу, это семечки —
А плюс Бэ доказать!»

Пьяной мордой ворочаю —
Я могу, я такой!
Мы ребята рабочие,
Мы народ заводской!

Руки-ноги у нас крепки,
Голова — как броня!
Интегралы, как айсберги,
Обступили меня.

Эх, как конь, въехал в тему я,
Эх, полно куражу!
Я «на ты» с теоремой,
Я ее докажу!

Как в бескрайнюю реку я
Наугад сиганул.
Днем и ночью кумекаю!
Мрак! Кошмар! Караул!

Вроде рядом решение!
Черт! Опять упустил!
То ли лох я с рождения,
То ли просто дебил!

Я теперь под подушкой
Авторучку держу.
Я с соседкою Ксюшкой
Больше в парк не хожу.

Бог с тобой, что ты, Ксения,
От меня без ума,
У меня отношения
С теоремой Ферма!

Я погряз в геометрии,
Ох, и гнида она!
Ни бельмеса не петрю я,
Не рублю ни хрена!

Я не пью. Я для тонуса
Жгу в потемках свечу.
Пирамиды и конусы
На обоях черчу.

Ночь холодная, черная.
Я от ветра хмельной.
Зинку, тварь подзаборную,
Обхожу стороной.

Синус, тангенс а ну-ка я
Начерчу на снегу!
Пить портвейн с этой сукою
Больше я не могу!

Я, как леший, щетиною
Весь зарос до ушей.
Прочь гоню хворостиною
Дружбанов-алкашей.

Не хочу под бульдозером
С похмелюги храпеть,
А хочу на симпозиум
В самолете лететь!

Я полгода отшельником
Среди формул прожил,
Даже в гости к братьям
На блины не ходил.

В парке бегаю с бобиком,
Был да сплыл алкоголь!
Я в делении столбиком
На поселке король!

«Запорожец» сверкающий
У меня в гараже.
Не крутой я пока еще,
Но в подкрутке уже!

Не лопух-подмастерие,
Не ходок за вином,
А главбух в бухгалтерии
На заводе родном!

Эх, спляшу-ка «Калинку» я!
Может, я и debil,
Но вдвоем вместе с Зинкою
На мехмат поступил!

Мы в болоте не ползаем,
Быть фуфлом не хотим!
Мы в Париж на симпозиум
В самолете летим!

2004

* * *

Я к нему у стойки подседа:
Извини, подвинься, дружок,
Ты за мною вслед, было дело,
Бегал всем ветрам поперек.

Что-то ты помятый, понурый,
А ведь был красавец, орел,
А ведь окрутил меня, дуру,
И на ровном месте развел.

Помнишь — трень да брень, трали-вали,
Соловьи, луна, юный пыл!
Ах, как мы с тобою гуляли,
Как нас ветер вольный кружил!

Помнишь, ты кивал: все в порядке,
Трезвый, сволочь, был, как стекло,
И меня купил, как перчатки,
Так оно с тех пор и пошло.

Помнишь, как меня до упада
Твой партнер поил, старый черт,
Как ты мне сказал: «Очень надо!»
И отправил с ним на курорт.

Ты у всех парней меня отнял,
Женихов порвал в пух и прах,
А сейчас меня за три сотни
Снимут у тебя на глазах.

Ты опять налил, еле дышишь,
Эк тебя скрутило, браток,
Ты живьем зарыл меня, слышишь?
Да зачем, скажи, да за что?

Кем ты стал, смотри, Боже правый,
Даже не с кем горькую пить!
Где он твой партнер, пень трухлявый?
Мне наш долгий путь не забыть!

Не забыть, как в ночь поезд мчался
И как пол ходил ходуном,
Как в безумном танце метался
Одинокий лист за окном.

Как я, дура, лезла на стенки,
Под откос рвалась на ходу...
Ладно, извини. Время — деньги.
Я вон с тем, пузатым, пойду...

1992

* * *

Я ходил по грибы, разливал на троих,
 Был ударник по выплавке стали,
 Водку пил за вождей, я работал на них,
 А они из меня кровь сосали!

Я окурок без фильтра ворочал во рту,
 Шуровал в эпицентре завала,
 Состоял на виду, на хорошем счету,
 Руководство меня уважало.

А потом, когда танки пошли по Москве,
 Я броню им царапал гвоздями,
 Воздвигал баррикады, сигналил братве:
 «Ну-ка, вы, все сюда, со стволами!»

Год прошел, и второй, вот сосед между дел
 Мне с балкона стакан переправил.
 Пьем за жизнь. Это он тогда в танке сидел,
 Это он меня на уши ставил.

Эх, Москва, август месяц, души моей взлет!
 А теперь мы с соседом в упадке.
 Он по новой поллитру за горло берет, —
 «Эй, — кричит мне, — смотри, все в порядке!

Те же рожи вокруг, тот же самый оскал, —
 Урки в штатском, готовые к шмону,
 Так зачем же я танк на тебя направлял,
 Так зачем ты держал оборону?»

Вот еще один год отвалился, увял.
 Я в больнице лежу, в коридоре.
 Хворь на сердце наехала, как самосвал,
 Нет надежд, помираю от хвори!

Нету света в окне, есть скопление туч.
 Вот сосед мне, тот самый, моргает, —
 Он здоров, он пришел ко мне праздновать *пучт*,
 Он мне кровь перелить предлагает.

Хмырь в халате кирнул и засунул, смеясь,
 Под наркоз меня, как в душегубку,
 Группу крови соседа прикинул на глаз
 И в меня перелил через трубку.

Я очнулся к утру. Группа крови не та,
 А сосед скалит зубы, как лошадь,
 «Все подошли, — кричит, — а тебе ни черта!
 А тебя им слабо уколошить!»

Я лежу. Он кладет мне компресс на хребет,
 Пьет портвейн у меня в изголовье.
 Он давил меня танком, но он мой сосед,
 Мы свои, мы повязаны кровью!

Он щеку и губищу в усмешке кривит,
 Он от винных паров веселится:
 «Завтра ты меня танками будешь давить,
 А потом со мной кровью делиться!»

Кто свои, кто чужие в родимом дому,
 Мы не знаем, мы пьем, не кося.
 Кто я сам — свой? Чужой? Ни хрена не пойму!
 Эх, Расея моя, эх, Расея...

1992

* * *

Мир и в правду очень тесен.
Я в асфальтовый каток
Въехал в лоб на «Мерседесе»,
В гипс попал, на койку лег.

Я, не двигаясь, дурею:
«Эй, заведующий врач,
Ты мне ноги побыстрее
К организму присобачь!»

Затихает сердце, слышь,
Превращается в угли!
Это смерть, когда лежишь.
Доктор, дай мне костыли!

Меня терзает персонал,
И я, любого черта злей,
Еще в наркозе осознал,
Чего им надо от людей!

У медбрата — дым из пасти.
Он кричит мне: «Лапоть, лох,
Это радость, это счастье —
То, что ты еще не сдох!

Твои ломаные грабли
От гангрены не спасти,
А из капельницы капли
Потребляешь — так плати!

Капля — доллар. Сам считай,
Сколько денег в день в ходу.
Скинь их на пол невзначай
Под кровать, а я найду!»

Мне в нос перловку и компот
Со всех сторон силком суют,
«Гони рубли, — кричат, — урод!»
И костылей мне не дают!

Мне вшиваются, как гвозди,
Взгляды грозные в глаза.
Нянька, черная от злости,
Жалом водит, как гюрза:

«Дай средствá на опохмелку,
На учебу, на семью,
И я тебе согрею грелку
И микстуру в рот налью!»

Я все пропил, я пустой,
Но в постели у меня
Под подушкой в час ночной,
Чья-то шарит пятерня!

У них в ладонях, в пальцах зуд,
Они шипят: «Дыши ровней!»
И, как мешок, меня трясут
И не дают мне костылей!

Их ближайшая задача —
Простыней меня накрыть,
На задворки захреначить
И на полку положить.

Там жмуры, как фон бароны,
Отдыхают, там покой.
Я лежу, как гусь вареный,
И кружатся, как вороны,
Чьи-то рожи надо мной!

Говорят, что пульса нет
И что я — мертвее пня,
Тушат лампу, гасят свет,
Им все ясно про меня!

Профессор, гад, потушил взор,
Махнул рукой: «Хана, капут!»
И на каталке прямо в морг
Меня из лифта волокут!

Я плыву, как на пароме,
Перевозчик хмур, суров:
«То, что ты еще не помер,
Чем докажешь, кроме слов?»

Это дедушка Пахом,
У него бычок во рту,
Он ладонью, как веслом,
Разгребает темноту.

Он из флакона отхлебнул,
Тряхнул седой головой
И мне налил, и вдаль зевнул,
Ему плевать, что я — живой!

Я на пол, вбок валюсь, впотьмах,
Я стойку делаю, держусь,
И на руках, и на руках
По коридору уношусь!

Я бегу, а мне вдогонку
Крик надсадный, словно нож,
Разрывает перепонку:
«Врешь, собака, не уйдешь!»

Нянька белая, как марля,
В грязь готова лечь костями:
«Денег дай, и все нормально!
Ну хоть цепь с себяними!»

Мчусь за совесть и за страх,
До последней капли сил.
Я умею на руках,
Я в гимнастику ходил!

«Жить стало явно веселей! —
Мне ветер в уши просвистел, —
Ему не дали костылей,
А он ушел, куда хотел!»

И хрип, и топот за спиной,
И враг — в засаде, в стороне,
И темнота вокруг — стеной,
И сила есть, и пульс при мне!

И ни тропы, и ни огня,
К своим шагаю, как в бреду,
И там не спят, там ждут меня,
И я дойду, и я дойду,
И я дойду, и я дойду!

1994

* * *

Мы с супругою Марусей дом задумали построить,
Мы вложили сбереженья, чтобы прибыль наварить.
Нам структуры обещали в десять раз доход утроить,
А потом его по новой в двадцать раз учетверить!

Год проплелся, как колхозная кобыла.
Вот мы приняли по стопке ровно в пять!
Это утро новой жизни наступило,
Можно выручку с наваром изымать!

Я постригся и побрился, на рубаше вывел пятна,
Я костюм надел — ей-богу, в первый раз за десять лет,
В банк пришел — к окошку, к стойке: «Братцы, вклад хочу обратно, —
Плюс проценты — *дивиденты*! Вот мешок мой, вот пакет!»

А у них на стенках — графики, расчеты,
А на лицах — безмятежность, благодать:
«Отвали, моя черешня, мы банкроты.
Мы не можем ничего тебе отдать!»

Что ж, облом. Бывает, ладно. У меня в восьми конторах
Деньги крутятся — все выверено, распределено!
Я бегом через дорогу — наводить там страх и шорох.
Офис. Очередь. Ограда. Страшно. Холодно. Темно.

А из окон — автоматы, пулеметы,
А из двери голос мрачен и тяжел:
«Ты чего, козел, не видишь, мы банкроты,
Нет денег и не будет. Прочь пошел!»

Я — в сберкассе — на трамвае. Я там тоже обозначен,
Мне очкастая мегера огласила результат,
Я услышал и затрясся, стал горбатым и незрячим!
«Я вам смерть устрою, суки, от патронов и гранат!»

Я как будто в единицах — в литрах пива —
Двести кружек им оставил на счету,
А назад беру одну и с недоливом.
Все на ветер, все сквозь пальцы, в пустоту!

У меня болезнь случилась — белка — белая горячка.
Я глаза залил сивухой, взял бульдозер напрокат,
Со двора на них наехал, мне полтинников полпачки
С перепугу отстегнули. «Больше нету», — говорят.

Мы с супругою прикинули потери.
Мы в обнимку вместе встретили рассвет.
«Ты прости меня, Маруся, я им верил,
А они мне — хрен на рыло, и привет!»

Мы шампанское достали, яйца чистим на газету,
Мы стаканы ставим на пол, дальше думаем, как жить:
Стены голые. Разруха. И не сядешь — стульев нету!
Мы тогда их все продали, чтобы в выручку вложить.

Нас сосед вторые сутки спиртом поит,
Он пожар в душе не в силах усмирить, —
Место знает, где удвоить и утроить
Сумму денег, а потом увосьмерить!

Из-под плинтуса последнюю заначку
Мы с Марусею, рыдая, достаем.
Мы к соседу приближаемся враскачку,
Он ведет нас за собой. И мы идем...

2001

* * *

Нет у прав у меня, и талон — три недели — просрочен,
 Я к тому же нетрезв, я для Алки фиалки везу.
 «Мусора» мельтешат среди ночи в кустах у обочин,
 Встали. Ждут. Наготове свистки и стволы на весу.

Они хотят денег, им надо дать в лапу.
 Но я «лимон» ровно уже другим дал.
 И я лечу мимо. Эй ты, старлей, лапоть,
 Уйди с пути. Скользко! И мне проспект мал!

Я «сто сорок» иду, и вдогонку, по свежему следу, —
 Кавалькада — сирены, мигалки сквозь дождь напролом!
 Только ход не сбавлять! Я до Алки своей не доеду,
 Если их в дураках не оставлю за первым углом.

Они хотят денег! И я кричу: «Звери!
 Да вам давно надо воткнуть в капот флаг,
 Где кости крест-накрест и посреди — череп!»
 А мне платить нечем, и, значит, я — враг!

Я ныряю под мост, а у насыпи — черные тени,
 Это в кожаных куртках ОМОН мне сигналист: «Стоять!»
 Ухожу во дворы, бью бордюры, считаю ступени,
 А они без колес. Это значит, что будут стрелять!

Они дела знают. Они ребят ловят,
 Они ко мне тянут ручки сквозь тьму.
 Сегодня им скучно. Они хотят крови,
 А я хочу Алку. И я на газ жму!

Переулок. Пустырь. Поворот. Вот из сумрака вырос
 Честный фраер — фонарь, свет пролил на меня мусорам.
 Ты же, сволочь, сто лет не горел, что с тобой приключилось?
 Хватит! Фазу руби! Я конторе на лапу не дам!

Все. Бензина ни капли. Конец. Я повязан. Достали!
 Но в «лопатнике» тоже, хоть падай, хоть плачь, ни хрена!
 Закусь, курево взяли, фиалки — и те отобрали,
 Пнули бампер ботинком. Ушли. Я один. Тишина.

И мне пешком к цели, вот там, в саду, в парке
 Шагать, углы резать, петлять среди пней.
 У них у всех — «пушки», у них у всех палки.
 А у меня Алка. И я иду к ней...

1993

* * *

Ночь. Мы одни в палате, как в могиле.
Спит мертвым сном охрана на постах.
Друг подышал, пока мы водку пили,
В рай тихо плыл с улыбкой на устах.

Нас восемь рыл. Мы восемь литров съели.
Дурик в пенсне сказал: «Хана! Капут!
Кайф у врачей, качели-карусели —
С Сашкой, ментом. Они к нам не придут!»

Гришка стакан за пазуху упрятал, —
Красный, кривой, безумный щурит глаз:
«Полный вперед! Лечи его, ребята!
Если не мы, то кто вместо нас?»

Дрозд за окном среди скрипучих сосен
Пел, а у нас беда справляла бал.
«Друг — среди нас. И мы его не бросим! —
Хроник Колян со стула прокричал, —

Не потерплю, не дам козлам поганым
Брата, бойца оттарабанить в морг!
Нет, никогда коллегу, корефана
Смерть не возьмет на понт и на измор!»

Мы на него насели всей палатой.
Чайный экстракт, глюкозу, люминал,
Кальций и хлор, сульфаты, блин, нитраты
Друг с наших рук глотал, глотал, глотал!

Васька, хохол, горилки ему с перцем
Ввел двести грамм — в артерию шприцом,
Шнур отодрал от лампы и сквозь сердце
Ток пропустил: «Товарищ, все путем!

Тост номер раз: за то, чтоб ты не помер,
Чтоб за любовь хмельное пил вино!»
...Друг подышал под капельницей в коме.
Свет не горел, и дождь стучал в окно.

Финиш. Причал. Швартовка на тот берег.
Жизнь — на нуле, а смерти — пруд пруди!
Петька в слезах петлю отгрыз от двери:
«Мы победим! Братан, не уходи!»

Он проскрипел протезом необутым
Вальс про любовь, и к телу, вон, к ушам
Шланг прикрепил: «Вранье, что все там будем!
Друг, шевелись, и ты не будешь там!»

Он стрептоцид на грудь ему насыпал, —
Жила змеей забилась возле лба.
В горле, в груди пошли сухие хрипы,
Пульс проступил, и дрогнула губа!

Друг взял стакан, просунул палец в прорезь —
Сквозь простыню — рефлекс тренировать:
«Пью за людей, за то, что вы боролись —
Чтоб нам всегда бороться, побеждать!»

...Вот — новый гость в каталке, у порога.
Утро. Подъем. Медсестры в медный таз
Бьют молотком: «Братишки, ради бога!
Черт вас дерит! Спасайте, на подмогу!
Если не вы, то кто вместо вас?!»

* * *

Я сегодня интим заказала заранее.
Он обязан, собравшись с остатками сил,
Уделить на меня хоть частицу внимания,
Ну давай, уделяй, что ж ты zenки залил?

Он теперь бизнесмен, а ведь был классным шофером,
Мне подарки из рейсов в мешках доставлял.
Он сидит вон, бузит, коньяку хочет с кофею
И кричит мне, зараза: «Маруся, аврал!»

Я ему: «Дорогой!», он: «Молчи-ка ты в тряпочку!»
И махает мне тапком, не ставит ни в грош,
Будто я для него насекомая бабочка:
«Дай баланс дочитать, ну чего пристаешь?»

Он сейчас будет трубку терзать телефонную,
Я уже к ней ревную, как к бабе живой.
Я ему тычусь в спину, как в стену бетонную:
«Да очнись же ты, черт, я твоя, я с тобой!»

Я смотрела кино, как графья обращаются
С контингентом графинь — все «мерси» да «бонжур»,
На каретах в обнимку по рощам катаются,
И притом у них с деньгами полный ажур.

Я страдаю от снов, от навязчивой мании.
Я хочу, чтоб он трезвый, на фоне зари
Уделил на меня хоть частицу внимания!
Ну давай, уделяй, черт тебя подери!

Я хочу с ним закат наблюдать под березами,
Чтобы все щебетало и ветер сквозил,
Чтоб душа наполнялась сладкими грезами,
Ну иди сюда, гад, что ж ты zenки залил!

1990

* * *

Прощайте, друзья по оружию!
Я еду из Белых Столбов —
С Наташкой налаживать дружбу,
Имея прицел на любовь.

Она мне, пропащему, рада,
Я психом там был, чтоб не сесть,
Мы ложками бились за правду,
За совесть, свободу и честь.

Наташа разводит дебаты,
Метет с непривычки пургу:
«В начальство иди, в депутаты!»,
И я отвечаю: «Угу!»

По первой программе — парламент,
Друзья на помине легки:
И бабы, как галки, горланят,
И горло дерут мужики.

С наушником, с проводом в ухе,
Мой кореш базарит — Федот,
Да он же со мной на спецухе
В дурдоме трубил прошлый год!

Наташка шипит, словно кобра,
Впивается взглядом в экран
И локоть сует мне под ребра:
«Ты лучше, чем этот баран!»

...Я взял у братвы на раскрутку
«Лимон», и еще полтора,
В шалман заглянул на минутку:
«Гуд бай! — говорю, — фраера!»

И вот, как кремлевские звезды,
Глаза у Наташки горят.
Я в деле. Я партию создал.
Сам черт мне, в натуре, не брат.

Я принял сто грамм для отваги,
Я косы Наташке заплел.
Я план начертил на бумаге
И в бой без оглядки пошел.

Я в область по первому снегу
Цистерну «Столичной» привез,
С разбегу залез на телегу
И речь в микрофон произнес:

«Я вам закрома и сусеки
Наполню едой и питьем,
Здесь будут молочные реки,
А также пивной водоем!»

На фоне берез и заката
Я в кепке, как Ленин, стою:
«Товарищи, братья, ребята,
Я счастья для вас накую!

Я дам вам и хлеба, и чаю,
И коням насыплю овса,
Ответственно вас призываю
Отдать за меня голоса!»

И вот, чертыхаясь с похмелья,
Подходит угрюмый народ
И мной привезенное зелье
Ковшами, кастрюлями пьет.

Ударникам — доза двойная!
Они из канав, из-под свай,
Усы рукавом вытирая,
Кричат мне: «Добавку давай!»,

А после, от пуза насытись,
Меня лобызают, а я:
«Вот здесь, — говорю, распишитесь, —
Мои дорогие друзья!»

Народ мне желает успеха,
Сует полевые цветы:
«Из центра до нас не доехал
Никто, никогда, только ты!»

Девчата, устав от «Столичной»,
Орехи грызут у плетня:
«Смотрите, а он симпатичный!»
И ловят за шкирку меня.

Пока я с какой-то заразой
Вкушаю тепло и уют,
Груженные водкой КаМаЗы
В соседние села идут.

И вот, одурев от изжоги,
Кривя половину губы,
Домой по Смоленской дороге
Я еду, считаю столбы.

Семь штук насчитал, даже восемь,
И вот я — в родимых краях,
Как лошадь, груженная возом,
К Наташке приполз на бровях.

Пока я смеюсь до упада
И пью за страну, за народ,
Наташка моя куда надо
Листы подписные несет.

И вот результат — все в ажуре,
Я выиграл, победа за мной!
Я в стену, в бетон со всей дури
От радости бьюсь головой!

Как граф, вон, уже, разодетый,
В хоромы иду заседать,
И галстук на мне, и штиблеты,
Привет тебе, родина-мать!

На крыльях готовый летать я,
А рядом гурьбой тут и там
Мои дорогие собратья
По мраморным ходят полам.

По кругу гуляют, как пони,
Во всей депутатской красе,
Не каждый тут — урка в законе,
И психи, конечно, не все.

Но вон за колонной, у елки
Чинариком тихо смолит
Браток мой, Матвей Перепелкин,
Причесан, помыт и побрит.

У нас с ним — стремление к цели
В извилинах, клетках, костях,
Мы в «Кащенко» вместе шизели,
Мы с ним гнали дуру в «Серпах».

А вот мой сосед по этапу,
Колюня по кличке Барбос,
Шестерке башляет на лапу,
Чтоб водки в графине принес.

Сержанта доводим до сути:
«Расклад на сегодня простой.
Мы кто? Мы вершители судеб!
А ты — хренота хренотой!»

Мы пишем любимому куму,
Он смотрит нас в телеке, пьянь:
«Ты видишь? Мы выбраны в Думу!
Поди нас, паскуда, достань!»

В буфете сидим в перерыве,
Как люди, за круглым столом,
Жуем авокадо и киви
И сок ананасовый пьем.

Федот не спеша подгребают
Со взносом от общей казны,
Фарфоровой фиксой сверкает,
Смеется: «Привет, пацаны!»

Он пьет из горла за победу,
В салат окунает мурло:
«Никак, если честно, не въеду,
Куда это нас занесло!»

Степан из курилки вылазит,
Он мастер, умелец, мастак
Налаживать тесные связи,
Учет и контроль на местах.

Он письма читает. Нам пишут
Отряды удельных вельмож,
Им всем депутатскую «крышу»
На блюдечке вынь да положи!»

Он хочет очерчивать контур,
Искать путеводную нить,
Чтоб нам без базара, без понту
По совести все поделить.

И вот он тасует колоду,
Он гений, талант, голова, —
Ростов, Минеральные Воды,
Алтай на кону и Тува,

И прочие дальние дали,
И Питер, и Псков, и Байкал —
Мы все меж собой разыграли,
За дружбу подняли бокал!

И в тесном кругу, не для прессы,
На карте рисуем флажки,
Взаимно блюдем интересы
Залетным ветрам вопреки.

Федот философией занят:
«Урал от меня далеко —
Стоит, как стоял, и не знает,
Что я его выиграл в очко!

Я буду запасы из недров
Черпать, как из черной дыры,
И млеть от души среди кедров
С хозяйкою Медной горы!»

Федоту — все сливки и сгустки,
А мне — ни туды, ни сюды
С верховьями Нижней Тунгуски
И краем Курильской гряды!

Но вот мне Колюня на шару
От щедрой души отстегнул
Целинных земель два гектара
И Волгу, и Крым на разгул!

И не было жизни счастливей,
И времени нет веселей!
В буфете сидим в перерыве
И пьем за страну, за людей!

Вот я до Наташки дорвался,
У ней катаклизмы в мозгу:
«Чтоб завтра же, гад, отыгрался!»
И я отвечаю: «Угу!»

В глазах ее сонных, зеленых
Лукавый горит огонек.
Она королей мне крапленых
Сто штук заготовила впрок.

Она их в рукав мне, зевая,
Зашила, чтоб было чем крыть:
«И чтоб без Приморского края
Обратно не смел приходить!»

Мы вместе с тобою в два счета
Согнем, кого надо, в дугу!
Ты птица большого полета!
И я отвечаю: «Угу»...

1995

* * *

Путь держу от угла до угла я
 Взад-вперед, без конца и без края.
 Из-за синих морей на минуту домой
 Я вернулся, и город — любимый, родной
 Знать меня не желает.

Он в туман завернулся, как в шубу,
 И дожди, палачи-душегубы,
 И траву, и цветы обкарнали под ноль,
 И кривая луна, перекатная голь,
 Из-за туч скалит зубы.

Вот и дом мой, убогий и сырый.
 И чердачные черные дыры
 Все живое вгоняют в тоску и озноб,
 И в углах сквозняки завывают захлеб —
 Проходимцы, проныры.

Что-то пьяное, подлое, злое
 Прячет нож под дырявой полою,
 И сосед мой, зубами стуча, как скелет,
 Мне с балкона кричит: «Вам конец! Ваших нет!
 Разбежались без боя...»

Сброд послушный, поганая свора —
 Доходяги, сморчки-мухоморы
 Осеняют стаканом меня, как крестом.
 «Ты на них нас оставил, — вздыхает мой дом, —
 Вот и все разговоры».

Ветер лоб мой целует и студит.
 Я верчусь, как дурак: где тут люди?
 И туман лезет в окна, как в головы бред.
 И стаканы звенят. Вижу сам — наших нет.
 Наших нет и не будет.

Мне перила ладони ласкают.
 Прочь тащусь, и бреду, и петляю,
 И опять из небесных неведомых нор
 Дождь выходит, вихляясь, как пьяный танцор,
 И следы, вон, мои превращает в нули,
 И любимый, родной, лучший город земли
 Знать меня не желает...

1993

* * *

Пьяный кто? Кто водку пьет
И башку на лавку ложит,
Ему ворон глаз клюет,
А он «кыш!» сказать не может,

В лужу рухнул — и каюк!
Мы не водимся с такими,
Нам завод — отец и друг,
Металлурги — наше имя!

Греть бы горло кофейком,
Да куда там — хрен на рыло!
Жизнь железным каблуком
Нас к асфальту придавила,

Развернулась во всю прыть,
С разворота бьет наотмашь,
Заграбастать, проглотить
Хочет враг родной завод наш!

Вьюга воеет, как шакал,
Черный дым лохмат, как веник!
Раньше акции давал
Нам завод вместо денег.

«Мусор, фантики, фуфло», —
Мы их звали, и поди ты —
К нам посланцев занесло
От финансовой элиты!

Крыша едет, хоть убей, —
Нас в заводоуправление
Пригласили, как людей,
На фуршет, на угощение.

Там жуют уже салат
Воротилы и деляги,
Что скупать у нас хотят
Наши ценные бумаги.

Нам рисует наш процент
В перстнях бык бритоголовый —
Типа как бы референт
От хозяев держит слово.

Мол, не будет ваш завод
Бедной золушкой, изгоем,
Мы повысим оборот,
Мы рентабельность устроим!

Он кромсает огурцы,
Морщит хмурое хлебало:
«Выше голову, творцы
Раскаленного металла!»

И с печатью, тут как тут,
На какой-то, типа, справке
Расписаться нам дают
Две очкастых шмакодявки!

Бригадиры, мастера —
Мы сидим и водку хлещем,
Нам главбух кричит: «Ура!
Будем жить! Кредит обещан!

Словно райские сады,
Будут домны плодоносить,
Будет круто, без балды,
Надо делать, чего просят!»

Громыхают костыли.
Нас согнали, как баранов.
Вот добавку принесли —
По сто грамм для ветеранов:

Мол, куда там, кто, зачем
Свои акции заначил?
Мол, еще перцовки тем,
Кто коньяк не дохреначил!

Против жира, полноты
Девкам дарят витамины:
«Ишь, ты, лютики-цветы,
Незабудки, блин, жасмины!»

Брага льется из бадьи,
И где надо, в ходе пьянки,
Ставят подписи свои
Молодые заводчанки!

Вот еще по пятьдесят
Под грибочки и селедку!
Флейты, скрипочки звенят,
И охрана бьет чечетку!

Чашки-кружки кувырком,
Потолок дрожит от пляски!
Зам по сбыту под столом
Пьет «Шампанское» из каски!

И гармошка, вон, визжит,
Словно баба на базаре,
И гульба вокруг кипит!
И главбух в углу кемарит.

Эх, живем, душа поет!
Есть сомненья — рви их с корнем!
...Как мы пропили завод,
Мы теперь уж и не помним.

Жизнь пошла не в склад, не в лад,
Нас овчарки охраняют,
Нас по-черному гнобят,
Лупят, тюкают, пинают.

Мы глазенки тихо трем
С перепоя полотенцем,
А в башке у нас волчком
Слово крутится — «Освенцим».

Раньше грохнешься в кювет —
Всей бригадой похмеляют,
А теперь и денег нет,
И работать заставляют!

День и ночь труба зовет,
Воет волком в оба уха,
Зря мы пропили завод,
Зря послушали главбуха!

У него от Бога дар,
Он развел нас всех не слабо,
Он имеет гонорар —
Дивиденды в виде бабок.

Он хороший человек,
Он, когда их получает,
Нас — друзей своих, коллег —
Пивом с воблой угощает!

2004

* * *

Слякоть, сумерки, талый снег.
Вот от нас от всех в теплый край
Укатила Оля навек.
Эй, Серега, друг, наливай!

Оля нам махала платком:
«Как мне быть-то, братцы, когда
Все зима, зима за окном,
Все беда, беда и беда».

Старый дом заснул под дождем.
Во дворе пустом ни души.
Оля, где ты, мы тебя ждем,
Отзовись, ответь, напиши!

В ледяной промозглой ночи
Черный ворон чертит круги.
Ольки нет. Кричи, не кричи.
Нет людей. Господь, помоги!

Мы с Серегой горькую пьем,
Дом родной угрюм, как тюрьма.
Все беда, беда за окном.
Все зима, зима да зима...

1998

* * *

Тучи бродят хороводом зловещим
Над природой, над погасшим костром.
Мы на бревнышке сидим, водку хлещем,
Коротаем жизни срок под кустом.

Вариации на вольные темы
Мы пропели. Голос был, больше нет.
Отцвели ко всем чертям хризантемы,
И Кирюха повалился в кювет!

Девки сгрудились вдали за рекою —
Машут, прыгают, зовут для гульбы.
Мы вздыхаем — не поймем, что такое?
Мы спокойны. Мы молчим, как дубы.

Девки поняли расклад, перестали
Понапрасну нам сигналить подъем.
Мы работали весь день, мы устали,
Мы на бревнышке сидим, водку пьем!

Спал Сережка, но засек глазом зорким:
Девки ожили на том берегу,
К ним какой-то гад плывет на моторке,
И еще один — верхом на кругу!

Это что же нам, вообще нет просвета?
Есть просвет! И есть разбег, чтоб нырять,
И Кирюха, вон, восстал из кювета:
Посошок! Прыжок! Догнать! Перегнать!

Волны. Ветер-весельчак ржет, как лошадь,
И моторка, вон, уже за спиной!
Девки бегают, кричат, бьют в ладоши,
К девкам лезет на причал парень Гоша —
Весь в наколках, словно челн расписной!

И Кирюха, пучеглазый, как рыба,
Бьет руками по песку что есть сил:
«Девки, милые мои, всем спасибо!
Я моторку обогнал, я доплыл!»

И Сережка, хохоча до упада,
Гладит девок, он кураж приобрел:
«Я ведь плавать не умел, вот досада,
Но ведь я до вас достиг, это ж надо!
Посмотрите на меня, я орел!»

Пьем, гуляем! Хорошо! Все тут наше —
Лес и поле, весь пейзаж, вся река!
...Если девки с того берега машут,
Надо плыть и не валять дурака!

1990

РАЗДЕЛ II

В следующем разделе — песни, посвященные моим друзьям-спортсменам, с кем я или соревновался, или играл за одну команду, или кем просто восхищался со стороны.

С семи лет я регулярно занимаюсь спортом и до сих пор не могу остановиться. В детстве это были футбол, волейбол, легкая атлетика, бокс, велосипед...

С 1979 г. занимаюсь, иногда с большими перерывами, гребным слаломом — сложным и красивым видом спорта: в потоке бурной воды висят ворота, которые надо пройти, не задев вешек, как можно быстрее — у кого минимальное время прохождения и минимальный штраф, тот и выиграл. Профессиональным спортсменом я никогда не был, но за сборную Москвы на чемпионатах и кубках СССР в 1980-1988 гг. выступал, и двух- или трехнедельных сборов с ежедневными двухразовыми (иногда трехразовыми) тренировками в моей жизни было немало. Рядом со мной были уникальные таланты, уникальные ребята, со многими до сих пор дружу, мы помним наш спорт тех лет — экстремальный, честный, бескорыстный; мы были молоды и счастливы, этим людям я и посвящаю второй раздел книги.

В нем же — песни о «смежном» виде спорта, которым мы много лет занимались, — это спортивный сплав по горным рекам высшей категории сложности, где нет ни ворот, ни очков, ни секунд, где задача — пройти на катамаране (каяке, каное, двухместной байдарке...) маршрут от точки А до точки Б. Это я объяснил особенности текстового содержания второго раздела.

* * *

Бежим полсотни. Я в отрыв без дураков
 Ушел со старта по накатанной лыжне.
 Мне ветра посвист — как победы вечный зов,
 Я от народа, от собратьев в стороне.

Они к медалям наострили лыжи,
 Им надо жить, им надо денег и призов,
 А я соперника не вижу, я соперника не вижу,
 Качусь под горку, как трамвай без тормозов!

Да, я настроен всех разделить в прах и пух,
 А им ломаться на подъеме — смерть, беда!
 Они пыhtят, как паровозы: «Чух-чух-чух!»,
 А я в отрыве: «Эй, счастливо, господа!»

Они за мною шлют вдогонку для престижу
 Смирнова Ваську — восходящую звезду,
 А я соперника не вижу, я соперника не вижу,
 Да я уже, вон, засыпаю на ходу!

Ах, как я вкалывал на сборах, как пахал,
 Пока он с бабами в беседке водку пил,
 Я бегал кроссы, я под штангой подышал,
 А он под шланга шарил, сволоочь, под колхоз косил!

Он режет угол за пригорком, черт бесстыжий,
 Ишь, кровь из носа, захотел меня достать!
 Но я рванул, и он отстал, и я соперника не вижу,
 Одни сугробы, елки, палки, тишь да гладь.

И вот я первый, только где он, тот один,
 Чтоб руки-ноги не хотел держать в узде,
 Чтоб он мне крикнул: «Прочь с дороги, сукин сын!»
 И чтоб победу рвал зубами — где он, где?

Вон, юниорши понеслись, как антилопы,
 Смотрю на лица: страсть, порыв, огонь, оскал!
 У них борьба, и, значит, быть рекордам мира и Европы,
 А я опять на «двойку с плюсом» пробежал!

Я пьедестал топчу, и рядом, чуть пониже —
 Второй, чуть жив, и третий, Васька-обормот.
 Я им привез по семь минут, и я соперника не вижу
 Который раз, который день, который год.

Вон, главный спонсор, как верблюд, воротит морду
 И, от досады пьяный, злой, в метель плюет.
 Он мне заказывал рекорд, но нет рекорда
 Который раз, который день, который год...

1987

* * *

*Песня посвящена моим друзьям-спортсменам,
выигрывавшим соревнования в далекие советские
годы, несмотря на все трудности той поры.*

В работе, в труде я упрям, как баран, как боров.
Я в спорте герой. Я за шкурку поймал судьбу.
Я к другу на свадьбу сбежал на три дня со сборов,
Гуляй — не хочу! Аж глаза до сих пор на лбу!

Я пил, как и все, от кого-то зачем-то драпал,
За кем-то гонялся, а после в обратный путь
Меня провожали, и Леха, жених, у трапа
Налил посошок мне: «Езжай и в призерах будь!»

Я в первый пробился ряд.
Я выиграть медаль могу!
В Европе — чемпионат.
Я тыщу пятьсот бегу.

Я — русский спортсмен!

До Лондона рейс. Мой сосед — мужичок не хилый,
Он в черных очках, с бородой, мускулист, плечист,
Я выпить ему предложил. Он, мрачней могилы,
Сидит и молчит. Я решил, что он террорист.

Террор — это жесть! Я к пилотам его в кабину,
Скрутив, приволок: «Он нас всех подзорвет к чертям!»
В кабине сказали: «Иди и пропись, дубина!»
И сдали меня на земле под арест властям.

Мне в нос протокол совать
И пальцы катать должны.
По ходу, им всем плевать,
Что я чемпион страны!

Я — русский спортсмен!

Я в ухо констеблю дал, я к дверям прорвался,
Мне ветер веселый и вольный башку вскружил,
Я ночью к своим по лесам, по оврагам мчался.
Эх, черт! Я мениск надорвал, повредил ахилл!

И вот наш отель. Я с какой-то красоткой в баре
На автопилоте махнул коньяку стакан!
Пока нам шеф-повар на кухне бифштексы жарил,
Я с ней у окна за портьерой крутил роман!

Я завтра пойду на риск,
Рвану из последних сил!
Ах, если б не мой мениск,
Ах, если б не мой ахилл!

Я — русский спортсмен!

...Я вышел на старт. Вот уперлись шипы в колодки.
Я, в общем-то, трезв, я нащупал стезю свою —
Всегда побеждать, а у тренера — сказ короткий:
«Не выиграешь, сволочь, пеняй на себя, убью!»

Пошло! Понеслось! Первый круг — все не так уж плохо.
Дыхалка при мне. Скоро финиш. Рывок! Пора!
Еще и еще! За страну, за ребят, за Леху!
Я выиграл! Свершилось! Победа! Я жив! Ура!

Мне тренер накроет стол.
Он верит в мою звезду.
Я первым опять пришел.
Я выиграл. Я денег жду.

И мне скоро вновь бежать.
Он руку трясет мою:
«Ты должен их всех порвать.
Не выиграешь, гад, убью!»

Я — русский спортсмен!
Я — русский спортсмен!
Я — русский спортсмен!

2015

* * *

Греби, кто хочет, по прямой, где тишь да гладь,
А это слалом, это бурная вода!
Ты в травмах по уши увяз, тебе плевать,
Ты стартовал! Тебя списали навсегда!

И все же нет с тобою сладу,
Когда ты трезвый, как стекло!
Крутись, вертись, держись, не падай,
Ты чемпион, а не фуфло!

И ты гребешь до слепоты, до рваных жил!
Твои соперники с тебя не сводят глаз!
Ты ветеран, но каждый помнит, кем ты был!
Твой план, твой путь — победа, кубок! Здесь! Сейчас!

Они сильны! Порви их к черту!
В кипящий вал вонзи весло!
Ты не отстой, а мастер спорта!
Ты чемпион, а не фуфло!

Вода ревет, по морде лупит наповал,
И на тебя, рассыпав кудри на ветру,
Блондинка с берега глазееет сквозь бокал,
Ты зол и резок, ей такие по нутру!

И ты уйдешь сегодня с нею,
Пожаром страсти опален.
Ты победил! Ты всех сильнее!
Ты чемпион! Ты чемпион!

2001

* * *

Два вожатых, физрук, даже повар за них играют —
Тоже, мол, пионеры, в футболках — поди пойми.
Вся неправда на поле — в воротах, по центру, с краю,
Наше дело с Володькой — иди и ложись костями!

Ливнем косым и колючим газон искромсан.
Падаю, сбили, свисток — как собачий вой!
Сдвоенным центром играем в атаке, бьемся,
Вовка Пролетов стоит за меня стеной!

Будут, будут голы, да уже, вон, в паденье, с лету
Я один вколотил, и вратарь, как подбитый гусь,
Вбок башку уронил. Мы ведем. Я бегу к Пролету:
Ну и пас был, спасибо, мы сделаем их, клянусь!

Нет, не прокатит у них без борьбы, без боя
Взять меня в клещи, от судей прикрыть спиной
И садануть по ахиллу прямой ногою,
Вовка Пролетов стоит за меня стеной!

Он их снова отвлек на себя, он сейчас прокинёт
Мяч на ход мне, а им — только волосы рвать, вопить!
Вся неправда, я знаю, умрет, околеет, сгинет,
Все вранье, видит Бог, рухнет наземь, слетит с копыт!

Тонут они — вот и в драку уже полезли,
План прост и ясен: порвать нас любой ценой!
Гиблое дело, ребята, конец вам, если
Те, кто в игре, друг за друга стоят стеной!

Вовкин дриблинг на скорости — полный улет, ей-богу!
Все. Финальный свисток. Пять — один, им и впрямь конец.
Их опорный хавбек мне шипами вонзился в ногу
Напоследок, в подкате — Сережка, известный спец!

Сколько ж боев потом было — прорвался, выжил,
Топаю, топаю в гору, тот матч со мной, —
Вижу, ясней не бывает, ребята, вижу —
Вовка Пролетов стоит за меня стеной!

2015

* * *

Злые, здоровенные, не страшны собаки нам,
Не страшна жестокая местная шпана,
Мы идем по улице с Мишкой Шабакимым,
У него широкая, крепкая спина.

На спортивных сборах мы третьи сутки пашем.
Мишка тренирует нас, хоть и сам в строю.
«Черт-те что, — вздыхает он, — если в лоб не дашь им,
Мало что получится. Вот я и даю».

Мы по гребному слалому всего лишь подмастерья,
Но боремся, воюем, скоро будем мастера.
Я чайник. Это факт. Зато на трассе, словно зверь я!
Когда-нибудь и мы покажем класс, расправим перья,
Учи нас, Миха! Кубки брать пора!

Из воды, из месива, из кипящей пены
Он за шкирку тащит нас, если дело дрянь,
Он мозги вправляет нам: «Веселей, спортсмены!
Каждый — жми на полную! Первым, лучшим стань!»

Нынче за границей спрос на чемпионов,
Вот и Миху нашего стали приглашать —
В Австриях, в Швейцариях у альпийских склонов
Баб заморских фитнесу в клубах обучать.

И мы ему кричим: «У нас в России девки краше!
Любая нафуфырится — и вот он, идеал!
А там у них и плеткой-то особо не помашешь
На сонных и ленивых», и мечты сегодня наши —
Чтоб Мишка никуда не уезжал!

Миха усмехается: «Эй, ребята, что вы?
Лежебоки, лодыри — тема не моя!
Если вы по-честному жилы рвать готовы,
Значит, мы единая дружная семья!

Значит, надо вкалывать, да чтоб цель имелась,
Чтобы, глядя в зеркало на подбитый глаз,
Утром после праздника поднимать хотелось
Гирю двухпудовую триста сорок раз!»

Он даже в стужу лютую нас загоняет в лодку
Резиновой скакалкой. Он орет, и хрен бы с ним.
Он за здоровье нации порвет любому глотку,
И мы молотим веслами по холодку, в охотку,
И мы ему «спасибо!» говорим!

Змий зеленый запросто вил из нас веревки,
Но уже сознание завелось в башке,
Мы теперь стесняемся после тренировки
Водку пить стаканами в темном закутке!

Катаклизмы, кризисы душат нас и давят.
Братцы, будем крепкими недругам на страх,
Чтоб рука сгибалась в локтевом суставе,
Чтобы хруста не было в шейных позвонках!

Промиллей нет в крови у нас, полно адреналина,
Хоть я и не дурак поднять бокал
За то, чтобы народ махал веслом, а не дубиной,
Чтоб скрепами спортивными был связан воедино,
Чтоб Мишка никуда не уезжал!

2015

* * *

Мне дали пас: «Ваш выход, юный гений!»
Я у Фортуны сызмальства в чести.
Но что-то не выходит у меня без приключений
Центрального защитника пройти!

Наш козырь — прессинг. Тактика простая:
Коса на камень. Схватка. Спор мужчин.
Я от него со свистом на три метра отлетаю,
Когда борьба идет «один в один».

Он у себя в штрафной — хозяин, царь,
Живой заслон, булыжник, монолит.
«А ты ему по щиколотке вдарь!» —
Мне тренер в перерыве говорит.

«А ты ему на бутсу наступи!
И сам же упали, не будь ослом!
Не тормози, не мешкай, не тупи —
С пенальти, как положено, забьем!»

...У немцев, я слышал, их тяга к шнапсу
Им, в общем-то, почти и не вредит,
А тут, вон, у меня от порошков, пилюль и капсул
Глаза наружу лезут из орбит!

В коленях ощущаю тремор, тряску,
Зато могу любого разорвать!
И врач со мною строг, но терпелив и даже ласков:
«Пойми, сынок, ты должен это жрать!»

Я это жру, и псевдоэфедрин
Грызет меня и глушит изнутри,
Аорту атакует, сукин сын,
Мозги и мышцы, почки, пузыри!

И тренер мне с три короба наплел:
«Ты свой, ты наш, найди себя в игре!»
И я ищу. Но помню тот футбол,
В который мы играли во дворе!

...Вот новый матч, точней, плохая пьеса,
На сцене финт ушами, ход конем —
Нам жилы рвать за кубок — никакого интереса,
Мы им трофеев без боя отдаем!

«Эй, ты, куда бежишь, не на пожаре, —
Шипят партнеры, — дурья ты башка!
Они в чемпионате нам на финише подарят
Без шума и без пыли три очка!»

И комментатор сумрачен и зол
В кабине, как в собачьей конуре.
Он видит все насквозь. Прощай, футбол,
В который мы играли во дворе!

Есть уговор. Все схвачено. Размен —
Как в шахматах, культурно, по уму,
И долбаный хваленый супермен,
Такой, как я, не нужен никому!

Мне бромантан в крови делов наделал.
Меня на поле глючит. Мяч в игре.
Души давно уж нет, но помнят ноги, помнит тело,
Как мы в футбол играли во дворе!

И я хет-трик исполнил, и арбитру
За то, что он все знает, глаз подбил!
Он раньше продавался с потрохами за поллитру,
Теперь за новый «Лексус» всех покрыл!

И я врачу в сердцах порвал пальто,
Сержантику фуражку покусал,
И тренерскому штабу, кто есть кто,
Я характерным жестом показал!

И я уже уволен — в пять секунд!
Такая, вот, ребята, хреновня,
Бессмысленный футбольный русский бунт
Им явно не по нраву от меня!

...На кухне у соседа — жбан рассола,
Луна в окне монетой на ребре
Застыла. Наливаем. Пей, Колюха! Нет футбола,
В который мы играли во дворе!

Я выучусь, Колян, пойду в банкиры,
Поймаю свежий ветер в паруса!
Куплю любимый клуб, где технари и бомбардиры
Творить на поле будут чудеса!

Я в типовом контракте слово «шиш»
Фигурным шрифтом жирно пропишу —
Кто совесть продал — все, ребята, кыш!
Со свистом мимо кассы пролетишь,
Кто свой — большие тыщи — знай, услышь —
Греби лопатой, милости прошу!

И у страны моей разлад, раскол
Пройдет, как гематома на бедре,
Я научу ее любить футбол,
В который мы играли во дворе!

2015

* * *

Мы отмечали «золото» с субботы
Четыре дня подряд, и вот — среда.
Я разложил троих. Я бросил с лету.
Я капитан. Я гений. Я звезда.

Последний матч — в гостях у красно-синих.
Я здесь в спортшколе в детстве начинал.
Меня трибуны любят, словно сына,
И девки — штабелями, наповал!

В воротах Леха — он из всех один
Не в курсе дела: этот матч — не наш.
Ему, вон, хлопают: сынок, остынь!
Нам надо в лиге уцелеть: уважь!

У шайбы Славик —дохлый, как коряга,
И с бодуна трясется голова!
Нам дан приказ: без крови, без напряга
Отдать очко. А, может, даже два.

И тренер, дурик, с рожею отечной
Еще вчера нам кинул пробный шар:
Нам все равно. Мы первые. Досрочно.
По три «косых» на рыло — ваш навар!

У нас же семьи. Мы сказали: «Пять!»
И каждый хлопнул по рукам: «Живем!»
И только Лехе, вон, потеть, пахать,
Ему ворота — словно отчий дом.

У них по плану — натиск, буря, бойня.
Они по нам прошлись, как утюгом.
Любимый город может спать спокойно,
В верхах договорились обо всем.

Братва валяет ваньку, как умеет,
Хотя в коленках вовсе не слаба,
А комментатор врет и не краснеет:
«Идет бескомпромиссная борьба!»

«Какого лешего ты вдурь попер? —
На Леху щерятся — кончай гастроль!»
Судья дежурит у ворот, как вор,
А он идейный, он стоит «на ноль».

Он ничего не понял в этой сваре —
Что нас сожрут, как жареных курей,
И он на всю катушку комиссарит:
«Ребятки! Дорогие! Пошустрей!»

Они в атаку рвут, как кони в мыле,
А мы стоим: руби нас, бей, громи,
Нас на корню сегодня закупили
Со всеми потрохами и костями!

У Лехи полный и сплошной кураж!
Ах, что творит он — цирк, балет, кино!
Ему плевать, что этот матч не наш,
Он их отправит отдыхать на дно!

И зал ревет до судорог, до дрожи,
И даже в ложе крик: «Ломай его!»
У красно-синих зеленеют рожи,
Они не могут сделать ничего!

Его наперебой валяют, месят,
Он третий час за нас, за сволочей
Ломают горб на пульсе «двести десять»,
Он ловит все, хоть режь его, хоть бей!

И пусть нули на них глядят с табло,
Как два бельма. Им даже так сойдет.
Им надо выжить всем смертям назло.
Они шипят ему: «Умри, урод!»

И темпа нет. Чем дальше, тем спокойней.
Меня тошнит от этих скоростей,
А им плевать с высокой колокольни,
Что я их не считаю за людей,

Что я из них любого ради смеха
Могу на расшнурованном коньке,
Вертаться волчком, достать, догнать, объехать
С «бычком» в зубах и с кружкою в руке!

«Расслабься, парень! Не гони волну!» —
Я Лехе клюшкой по щиткам стучу.
И он ответил, словно нож воткнул:
«Слабеешь, парень! Я играть хочу!»

И мне, как будто мышь из-за сарая,
Шальная шайба прыгнула на крюк.
Я из угла, из зоны начал, с края,
Я на рысях влетел в центральный круг.

И мне мозги замкнуло напрямую,
Я мчусь вперед, как мчатся поезда,
Я масть поймал за шкирку козырную,
Я капитан, я гений, я звезда!

Я знаю — им каюк, веревки, вилы!
Меня, как палача у плахи, ждет,
На месте спотыкаясь, квелый, хилый,
От страха одуревший страж ворот!

У стража, вон, под маской морда меркнет.
Я — перед ним, а он — передо мной.
Я бросил хитро, кистью, в левый верхний,
И он лежит, и шайба — за спиной.

Горит фонарь — налитый кровью глаз!
Да, я забил. Я их обрек на смерть!
Простой, как палка, и прямой приказ
Я с похмелюги позабыть посмел!

Я на скамью, к своим качусь, враскачку,
Я всех подвел, я слово не сдержал:
«Простите, братцы, белая горячка!
Затмение. Яма! Сумерки. Провал!»

Хоть в петлю лезь, хоть режь коньками вены!
Так получилось. Память подвела!
И вот конец. Победа. Вой сирены!
И сверху крик: «Мочи его, козла!»

И я бегу, коньками пол кромсая,
По коридору, рысью, напрямик,
В меня фанаты стульями бросают,
Меня сержант хватает за кадык!

Асфальт. Ступени. Искры из бетона.
Автобус наш вдали, как свет в ночи!
Они из стен родного стадиона
Руками вырывают кирпичи!

И вот рука висит, и нос расквашен,
И все, и, кроме зуба, нет потерь.
Водителю спасибо, дяде Саше,
Что он успел закрыть за мною дверь!

Команда в сборе. Едем. Пиво хлещем.
Мы с ними разобрались, как с детьми.
Приехали. Сидим. Банкет обещан.
Сезон закончен, черт его возьми!

И тренер тарахтит, как балаболка,
И Леха жмет мне руку, е-мое!
И дядя Саша, хмурый, весь в наколках,
Чуть-чуть подумав, тоже жмет ее.

Героям спорта — нам, творцам эпохи,
Он помогает шмотки выносить,
И курит, и ворчит: «Спасибо Лехе
За то, что он не дал вас опустить».

Башка гудит моя, как медный таз.
Хвала Создателю, что Леха цел,
Что все мы живы, что простой приказ
Я с похмелюги позабыть посмел...

1996

* * *

Наливай, товарищ! Помнишь, здесь когда-то
Вон от той аллеи до Москвы-реки
На своих разбитых старых самокатах
Мы неслись под горку наперегонки?

Помнишь, друг наш Витька в этом жутком кроссе
Главным был и первым — сила, страсть, азарт!
Он, как черт, носился и в лихом заносе
Жестко, очень жестко бился об асфальт!

Рядом сквер, беседка.
Там сама себе
Бормотала Светка
Из второго «Б»:

«Эх, и мне бы с ними,
С Витькой быть в пути.
Дай им бог живыми
К финишу прийти!»

Нас уже не били, нападая сзади,
Я в упор не видел школьную шпану.
Витька, тот и вовсе шел сквозь них, не глядя,
Каждый день на горку, словно на войну.

Что ему ненастье, ливень злой, проклятый,
Он со свистом мчался в глине и грязи,
Даже, вон, из окон старшие ребята
Вслед ему кричали: «Витька, тормози!»

Нас серьезный дядя
Хлопал по плечу:
«Я, на это глядя,
Тоже жить хочу!»

Он у бакалеи
По утрам торчит
И, за нас болея,
Гладок и побрит.

Он кричал: «А я-то — тоже не дурак, мол»,
За женой гонялся: «Подтверди, Марусь!»
И пустым стаканом как-то оземь брякнул:
«Все, что я задумал, сделаю, клянусь!»

И ведь написал же (он писатель вроде)
Сказку, где по морде получил злодей!
Там, где спорт, там чаще из пике выходят,
И вообще похожи люди на людей.

Им бы с нами ловко
Гнать во весь опор,
Но пришли в спецовках
Мужики во двор

И, приняв на рыло
По сто двадцать грамм,
Все вокруг, что было,
Раздолбали в хлам.

Что-то чинят, строят, вот и постарались,
Вот уже и встала, за версту видна
Поперек бульвара — там, где мы катались,
Длинная, большая, серая стена.

Вот и финиш. Пусто во дворе и в сквере.
Вот и наша трасса поросла травой,
Витьки нет. И Светка до сих пор не верит,
Что навек пропал он на войне чужой.

И шпана из школы
Вся давно сидит,
Витькин свист веселый
Был, да смолк, забыт.

Людям не мешает
Водку пить до дна
Длинная, большая,
Серая стена...

2015

* * *

Нет, я не артист, не герой популярного клипа,
Я просто игрок. Я в футболе со школьной скамьи.
Я в спорте с пеленок. Я форвард таранного типа,
Звезда, бомбардир, и все девки в округе мои!

Я красные розы Тamarке
Из черного «Джиа» бросаю,
Я ей к Первомаю подарки —
«Фольксвагены», «Форды» вручаю!

Трибуны визжат! Я до одури, напропалую,
Кружу, словно коршун, я вижу добычу свою,
Я мяч выгрызаю зубами, лопатками чую:
Сегодня мой Бог за меня! Я смогу! Я забью!

Коллеги мои и партнеры
Хрипят с бодуна, с недосыпа.
Я выпал из общего хора,
Я бьюсь до конца, до упора,
Я форвард таранного типа!

Меня, как сорняк, вырубают, корчуют и косят.
Мой план на игру: подниматься и лезть на рожон!
Вот снова подкат. Вот меня на носилках уносят.
Вот я у хирургов в наркозе лежу под ножом.

Эх, где ты, покой безмятежный?
Мне в ноги, крестясь виновато,
Вживляют железные стержни
Очкарики в белых халатах.

И все, и привет. С костылем ковыляю по парку.
«Допрыгался, черт», — мне фанаты сказали, любя.
Вот я под каштаном ту самую встретил Тamarку,
Она только рыло кривит: «Я не помню тебя!»

На злую судьбу не ропщу я,
Суставы и кости от скрипа,
Придет мой черед, излечу я,
Медаль, без балды, золотую
И кубок страны завоюю,
Я форвард таранного типа!

2012

* * *

Они его подальше от ворот
 Месили и топтали, словно лоси,
 Но мяч из-за спины себе на ход
 Он пяткой через голову пробросил.

Два тайма. Двусторонняя игра.
 Мы на просмотре с Витькою в спортшколе.
 Он лучший левый край, король двора,
 Он впереди, в атаке, в главной роли!

Паника в штрафной, базар-вокзал,
 Сутолока, свара, суета,
 Он защиту в ключья растерзал,
 С ним не могут сделать ни черта!

Петрович, тренер, в кресле между дел
 Подремывал, икая с полувздоха,
 Он на игру, на поле не глядел,
 Петровичу с похмелья было плохо.

Его помощник дергал за пиджак:
 «Смотри, какой пацан, что вытворяет, —
 Второй Пеле, ей-богу, вождь, вожак!
 Он тот, кто видит поле. Он играет!»

Сбили Витьку — встал! И снова сбит.
 «Эй, Петрович, истина проста —
 Даже врач — и тот, вон, верещит, —
 Без таких не выиграть ни черта!

Пусти его в подземный переход,
 Да он и там вприпрыжку, поневоле
 В «час пик» сто раз любого обведет,
 Да он бразильцам запросто забьет
 Через себя в «девятку» с центра поля!»

...Зевал Петрович, старый мухомор.
 Ему разведка знаки посылает:
 «Живей, браток! Сегодня форс-мажор!
 Сегодня в шесть пивную закрывают!»

И расклад прозрачен, как стекло —
 То, что мы бразильцам не чета.
 Десять, двадцать, тридцать лет прошло.
 Мы не можем выиграть ни черта!

Мы покидали с Витькой стадион.
 Они на нас тут даже не взглянули.
 Он вырос. Парк. Пивная. Он? Не он?
 Стакан под нос суют — да не ему ли?

...Петрович с перепою все проспал.
 Он зов души прочухал с полуслова,
 Но все равно в пивную не попал,
 Они ее закрыли в полшестого.

Витьку жизнь терзает, тормошит,
 Бьет по ребрам, лупит, сволота!
 Он в пивной у столика стоит.
 Мы не можем выиграть ни черта...

2015

* * *

А. Прусакову

Саня, стартуй! «От старта слышу», —
 Шутка такая у Сани была и есть.
 Публика ждет. Девкам сносит к чертям крышу,
 Верных фанаток полно у него, не счесть.

Спорт наш красивый, но все же слегка жестокий,
 В «бочках» и сливах спокойного нет житья,
 Двадцать ворот, вон, в бурлящем висят потоке, —
 Быстро и чисто пройдешь — и медаль твоя.

Да, были и мы рысаками, —
 Романс есть про нас, рысаков.
 У Сани в груди до сих пор — буря, пламя!
 На старте атлет Прусаков!

Бывших боксеров, увы, не бывает, братцы,
 Саня у них был и есть до сих пор свой, —
 Воин, боец. Саня знает одно: драться!
 Он не мудрит, не хитрит, он идет в бой!

Саня соперникам вышиб мозгов немало,
 Да и они ему тоже — ну, хоть не все!
 Саня не зря попросился в гребной слалом,
 Вот уж экстрим так экстрим. Он в каяк сел!

Весло, словно палка, у Сани,
 Он вертит им, зол и суров,
 Так кольями бьются в деревне по пьяни,
 Он рвется к победе, башка, как в тумане!
 На трассе атлет Прусаков!

Саня молотит веслом до суставной боли,
 Плечи хрустят, и в глазах, вон, плывут круги.
 Девки орут: «Ты б повежливей как-то, что ли,
 С этой водой-то, включи, наконец, мозги!

Мы, хоть и дуры, но с берега видим ясно:
 Сила без мысли не стоит рубля, гроша!
 Кажется, классик сказал: все должно быть классно —
 Ум у спортсмена, связки, бицепсы, пульс, душа!

Ты будь молодым, но мудрым,
 И месиво пенных валов
 Веслом, как ладонью, ласкай, словно кудри,
 Смелее, атлет Прусаков!»

Саня девчат услышал. Вот и мозг включился,
 Вот он и силу сумел приложить к уму.
 Спорт — не война и не драка, — он вник, врубился,
 В бурную воду атлет Прусаков влюбился!
 Финиш! Он выиграл! Вода помогла ему!

Девки вокруг верещат, потеряв рассудок:
 «Браво, герой! Нам с тобой расставаться жаль!
 Ты приезжай к нам в общагу на пару суток, —
 Лекцию, типа, прочтешь про свою медаль!»

...Он в кассе билет покупает,
 И девки с обоих боков
 Его окружили. И тренер вздыхает:
 «Держись там, атлет Прусаков!»

2016

* * *

Тут делов-то на грош, на пятак —
 Это ясно любому ослу:
 Жизнь прожить на земле надо так,
 Чтобы руки тянулись к веслу,

Чтобы в бурном потоке душа замирала,
 Чтоб мозги набекрень свежий ветер сносил,
 Чтобы ты сквозь пороги с открытым забралом
 Лодку гнал изо всех своих сил.

Я прозрачно хочу намекнуть
 Депутату, министру, послу:
 Это, братцы, особый наш путь —
 Не к баблу, не к бухлу, а к веслу!

Если в кассу, в казну свои жадные грабли
 Ты суешь, не краснея, мол, вот я какой! —
 Знай, что лучше веслом шуровать, словно саблей,
 Чем на зоне кайлом и киркой.

Ты свободу свою береги.
 Будет счастье в доме, будет жизнь,
 Только ты сфокусируй мозги —
 Вместо кассы с веслом подружись!

Если баба ушла — ты в прострацию, в ступор
 Не впадай, не грусти над стаканом в углу.
 Пусть там кудри у ней, все дела, супер-пупер,
 Ты не к бабе тянись, а к веслу!

Если в честной спортивной борьбе
 Ты всю трассу красиво пройдешь,
 Бабы сами примчатся к тебе,
 Вот такая она, молодежь!

Если даже скукожилась печень от пьянки
 Или сгусток бактерий попал в пузыри,
 Ты найди возле речки пенек на полянке
 И сиди, и на воду смотри.

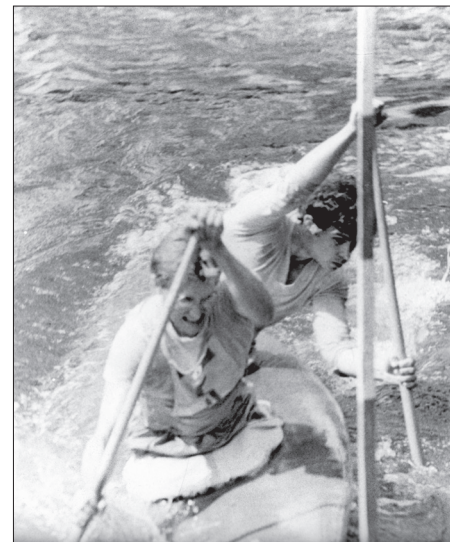
В лодку прыгни, скользи по волне,
 Словно в вальсе гусар на балу!
 Хороши посиделки на пне,
 Коль рука потянулась к веслу!

Кто-то спросит меня: «Ты чего тараторишь
 Все про воду, про весла, про счастье в доме?»
 Палыч мне подсказал, закадычный мой кореш,
 Что весло — это ключ ко всему.

Да к тому, например, что ...ц
 Быстрых, резких в расчет не берет,
 Он по спящим и медленным спец,
 Им всегда раньше всех свой черед.

...Никакой тебя жизненный крен
 Ни в каком не погубит валу,
 Если ты не ...к, а спортсмен,
 Если тянутся руки к веслу!

2016

Борис Немудрякин и Сергей Киреев (справа) — Москва, 1984

* * *

Я всех обвел и бросил. Ура, опять удача!
Потом меня под занавес сразили наповал.
Лица на Катке не было, когда я после матча
На ломаных оглоблях домой пришкандыбал.

Она салат нарезала, достала шпротов банку,
Бутылку откупорила и вдруг как завопит:
«Скотина, тварь, чудовище, вези меня в загранку,
Да я сейчас готовая в галоп со всех копыт!»

Она орет: «Я слышала, в газетах написали, —
И, чтоб молчал, хлебальник мне заткнула холодцом, —
Вчера в Москву приехали купцы из Монреаля,
Они интересуются смотреть товар лицом!»

Ой, худо, ох, не вовремя поломан я и порван,
А Катка, дура, бесится: «Да если хочешь знать,
Ты клад для них, ты золото, им нужен классный форвард,
Чтоб мог от синей линии в девятку попадать!»

Игра через неделю, но какой, к чертям, игрок я?
Ну, что мне, палкой грохать, костылем стучать по льду?
У Катки — волны судорог: «Не будь ты тряпкой, рохлей,
Не то я, слышь ты, к Петьке, к легкоатлету, уйду!»

Рискни, любимый, родненький, и будет все, как надо,
И мы отсюда к лешему соскочим навсегда,
И будет дом под Бостоном, и ранчо в Колорадо,
И жизнь, и счастье полное на долгие года!»

И вот он — день сражения! И Катка мне колено
В зеленке извазюкала, чтоб трещина прошла:
«Поставь ты ее на уши, ледовую арену!
Ну, с Богом, шайба круглая, вперед — и все дела!»

И вот — пошло-поехало — по плану, по науке,
И сердце так и прыгает от радости в груди.
Я им за два периода вогнал четыре штуки,
И слышу: «Ладно, гений. Все зачтется, подожди!»

И шайбу, как на блюдечке, специально мне отдали,
И подсекли, и бросили, башкой вмочили в борт —
Да так, что даже ахнули купцы из Монреаля,
И тренер весь в истерике затрясся, старый черт!

Потом они до бешенства за дружбу пили виски,
А я в бреду под скальпелем кривил кровавый рот!
Все связки мои, косточки, ахиллы и мениски, —
Все шиворот-навыворот, и гипс — на целый год!

Лежу, лежу и Катка, вон, пришла, кусает ноготь —
Тоскует, что утеряна моя бывшая статья:
«Тебе бы перво-наперво беречь больную ногу,
А ты ее пожертвовал, чтоб счастье мне создать!»

Я к ней тянусь ручищами: «Иди сюда, лапуля!»
Она мне: «Я люблю тебя, неважно, что хромой!
Тебя в защиту сватают — в «Звезду» из Чебаркуля.
Там деньги платят, доллары. Тряхнул бы стариной!»...

1996

* * *

В ревущем потоке плот наш
Летит мимо горных сел.
И ветер, что бьет наотмашь,
С ума нас, зараза, свел.

Махнуть бы домой, все бросить!
Как заяц, душа дрожит.
Какая там, к черту, осень, —
Метель над рекой кружит!

И мы в этой снежной каше
Замерзли, как псы в пургу,
И нам из тумана машет
Девчонка на берегу:

«Эй, вы, там, — кричит, — удачи!
Эй, кто на борту? Постой!»
И круглый калач горячий
Успела нам дать с собой.

В сто раз нам теплее стало,
Как будто пришел июль.
«Держитесь!» — она сказала.
«А как тебя звать?» «Айгуль!»

И вскользь, под летящим ветром,
Красива, стройна, легка,
Она улыбнулась вслед нам:
«Храни вас ваш Бог! Пока!»

И впрямь она всех красивше.
Сто лет с той поры прошло.
Мы помним тот хлеб, хранивший
Ладоней ее тепло.

Там в небе орлы кружились,
И мы из последних сил
С рекою безумной бились,
И Бог нас в пути хранил.

Как бусы ее, звенели
В горах голубые льды,
Мы выйти тогда сумели
Сухими из той воды.

Куда б я потом ни мчался —
В Париж ли, в Сибирь, в Москву ль,
Маршрут тот со мной остался,
Где я по горам скитался,
Я помню тебя, Айгуль!

2015

С. Киреев, 1996

* * *

Ветер душу терзает мотивом
Бесшабашным, отчаянным, злым.
По колено в снегу над обрывом
Мы с Макаровым Левкой стоим.

Перевал — три четыреста — вот он,
Воздух светел и чист, как родник.
Черно-белое старое фото
Будет вечно хранить этот миг.

Ах, какой был поход — все сложилось, сошлось,
Эх, сквозняк куролесил в башке!
Мы со свистом сто верст пропахали насквозь
По нехоженной горной реке.

Нас шутя самый первый каньон наш
Завалил, замесил, ну, дела!
Ты меня догонял, Левка, помнишь?
Ах, какая команда была!

Как же ты ее рвал, эту воду —
Весел лязг, словно скрежет ножей!
Я шептал, чуть живой: «Левка, ходу!»
И ребята кричали: «Быстрее!»

Вертикальный уклон. Ни пройти, ни пролезть,
И завалы — один за одним,
Но пока мы команда, покуда мы есть,
Будет все так, как мы захотим!

Что Москва? Пыль да глушь, захоlustье.
Что дома? Корабли на мели.
Свой маршрут от истока до устья
Мы сквозь горы и джунгли прошли.

Цепь каньонов, пороги без счета,
Снег над скалами, чтоб он пропал!
На стене черно-белое фото,
Старый снимок — Кавказ, перевал —

Мы в начале пути, все еще впереди,
И над скользким обрывом крутым
По колено в снегу у скалистой гряды
Мы с Макаровым Левкой стоим,
Мы с Макаровым Левкой стоим...

2012

* * *

Ах, что за жизнь — по холоду тащиться с рюкзаками,
 Ах, что за спорт — на лыжах пробиваться сквозь пургу.
 Ворюга-ветер, веселясь, гуляет над горами
 И шапки снежные с вершин срывает на бегу.

И из потемок человек к палаткам нашим вышел.
 И — спирт из фляги по глотку, и спи хоть до утра!
 А он смеялся: сил полно! А он хотел все выше,
 И он погоды ждать не стал у нашего костра.

И филин ухал на сосне залиvisto и звонко,
 И молча мерзла вдалеке высокая гора.
 «Куда ты, парень, черт возьми! — кричали мы вдогонку, —
 На перевале снег, туман, останься у костра!»

Он был один, он шел и знал: зима в Саянах злая.
 И снежный шторм его накрыл, и кончена игра.
 Метель тайгу заволокла, свистя и завывая,
 И рядом не было своих, и не было костра...

2012

* * *

Ветром, вьюгой прошит насквозь ты,
 В петлю скручен сегодня твой
 Путь к вершине. И только звезды,
 Только звезды над головой.

Стенка. Траверс. И ум за разум
 В этой стуже, во тьме, в бреду
 Завалился, подлец, зараза.
 Эй, вверх, там, не спать на льду!

Вот бы к девкам навеселе бы,
 Вниз под горку — домой, домой!
 Что ж за черти несут нас к небу,
 К синим звездам над головой!

Ты очнулся. Ты как во сне был
 На подъеме, едва живой.
 Взлет! Вершина! И только небо,
 Только небо над головой.

«Флаг вам в руки! — внизу смеялись
 Выше ногу и шире шаг!»
 Крючья вбиты. И мы поднялись.
 Вот и небо! И поднят флаг...

2014

* * *

Михаилу Селезневу

Впереди волна кругая
 Бесится, рычит, ревет.
 По большой реке в Китае
 Мишка в каяке плывет.

Люди, что идут по свету
 С песней по родным полям,
 Были здесь — и все, и нету —
 Сгинули ко всем чертям.

Каждый исполнял свой фортель,
 Каждый был силен и смел.
 Кто есть кто в российском спорте —
 Каждый показать хотел.

Те еще у них манеры, —
 Связи нет и карты нет.
 «Братцы, — не теряйте веры!» —
 Мишка машет вдаль, в рассвет.

Он волну веслом кромсает,
 Перед ним — камней гряда,
 Острая, как сталь, косая,
 Мишка шепчет: «Эй, сюда!»

Он устал с водой сражаться,
 Он уже почти в бреду:
 «Я так не согласен, братцы, —
 Я вас все равно найду!»

Люди на скале повисли,
 Мишкин услышали крик,
 Люди к вертолету вышли,
 У людей по фазе сдвиг.

Им бы ровный грунт потрогать,
 Им бы колбасы кусок.
 Мишка их нашел, ей-богу!
 Верил — это значит смог!

...«Боинг» на родную землю,
 Как мешки, людей везет.
 Мишка в уголочке дремлет,
 Чай во сне с подружкой пьет.

Где-то рядом Марс с Венерой,
 Там своих чудес полно.
 «Не теряйте, братцы, веры», —
 Мишка машет вдаль, в окно...

2010

* * *

Антону Лазько

Вторую неделю
 Река нас утюжит и рвет в пух и прах,
 Идем на пределе,
 На жилах, на нервах, на сжатых зубах.

От этого спорта
 Душа коченеет и мерзнут мозги!
 Каньон — хуже черта,
 Хоть в лес от него без оглядки беги!

Уперлись. Стоим. Тишина. Ни борьбы, ни победы.
 Покой и почет — наш итог и удел, но уже
 Каяк на плаву! Это парень по кличке «Торпеда»
 Со старта бросается в бой на крутом вираже!

Он выбрал свободу,
 Гребни — не хочу! Вот и пенный котел
 По курсу, по ходу!
 Антоха, страхуем, проскочишь, пошел!

Развязка все ближе.
 На сливе — вполрусла — валун-великан!
 Есть тактика: выжить,
 Она же и цель. Выжить — вот его план!

Туман, коридор. Ни тропы, ни медвежьего следа,
 И легкая лодка взлетает и падает вниз,
 Встает на свечу — это парень по кличке «Торпеда»
 Коронные трюки свои исполняет на «бис!».

Сибирь. Все открыто —
 Любые дороги, он выбрал свою.
 Рывок! Что творит он!
 Вираз — шутка мастера, крен на струю!

Висок гладит воду,
 И ранний закат над каньоном багров!
 Он выбрал свободу
 Вот эту, в ущелье, меж двух берегов!

Я знаю: очнется от спячки, похмелья и бреда
 Родная земля. Есть, живут еще люди на ней,
 Да вот он, с веслом, самый быстрый, по кличке «Торпеда»,
 Сквозь волны летит в каяке среди скал и камней!

Атака! Прорыв! Есть борьба, видит Бог, есть победа,
 Пусть те, кто в почете, спокойно отходят ко сну,
 А здесь, впереди — наш товарищ по кличке «Торпеда»!
 И ветер ревет, зубоскалит, балбес, непоседа,
 И легкая лодка, как лезвие, режет волну...

2012

* * *

Сергею Папушу

Ладно, Палыч, давай, наливай по чуть-чуть,
 сядем в круг и ушедших помянем.
 Нам пол-фляги на всех — в самый раз, под упор.
 Крепок спирт твой, и зол, и колюч.
 Завтра ранний подъем. Завтра в связках идти в облаках,
 в предрассветном тумане,
 И на скользкой тропе лед шипами кромсать
 и щекою ловить первый луч.

Догорает костер. Ветер в скалах охрип,
 месяц в небе все ярче и выше.
 Все, как раньше — и звезды мерцают, дрожа,
 словно теплые тлеют угли,
 Словно с нами опять Костя, Сашка, Филипп,
 Паша Венгров, Колчевников Миша, —
 Помним всех, кто по рекам,
 по этим горам до последнего плыли и шли.

За хребты и вершины — еще по глотку —
 что простором и волею дышат,
 За свободу от привязей сплетен и склок,
 за ребят, что отправились в путь.
 Как молитву, твердим: «Костя, Сашка, Филипп,
 Паша Венгров, Колчевников Миша...»
 Пока помним — живем, проще правила нет.
 Ладно, Палыч, налей по чуть-чуть...

2015

С. Киреев, 1996, река Сарыджаз, Кыргызстан

* * *

Е.Заречиной

Ленка скачет на любом перевале,
 Машет сверху: «Эй, кто жив, будь здоров!»
 Мы ее под Эверестом в Непале
 За красоту и осанку прозвали
 Антилопой гималайских снегов.

Ленка бегаёт в Москве марафоны
 В трезвой памяти и в здоровом мозгу,
 На Памире вертикальные склоны
 Ленка влегкую берет на бегу.

Ухажеров штабеля возле Ленки,
 Каждый хочет с ней под ручку пройтись,
 Ленка бегаёт без крючьев по стенке,
 Ты поди ещё за ней угонись!

Вон, в дали туманной точка мелькает,
 Мы сидим, разинув рты, нету слов, —
 Это Ленка облака рассекает —
 Антилопа гималайских снегов!

Ленка — лучшая, ни больше, ни меньше,
 Это круто — с Ленкой в ногу шагать!
 Я бы выдвинул ее в президентши,
 Если б мог я президентш выдвигать!

Вот и носится она, словно ветер!
 Вон, смотрите, среди синих снегов
 Ленка вышла на маршрут на рассвете —
 Антилопа гималайских снегов!

Братцы, всем бы нам такие причуды —
 В облаках вот так конкретно витать!
 Я у Ленки научусь, гадом буду,
 Бегать в гору, а не пиво хлестать,
 Больше бегать, меньше пиво хлестать,
 Быть спортсменом, а не пиво хлестать!

2012

* * *

*Сергею Рагимову, Елене Папуш,
Сергею Папушу*

Мы в гулянках хмельных дотла горим,
И тоска — как наждак в груди,
А у них над высотным лагерем
Звезды — рви да в карман клади.

Холод хлещет в палатку волнами,
Как вода в корабельный трюм.
Два Сереги и Ленка — вот они.
Наши вышли на бой, на штурм!

И месяц на взмах, на раз
Пропал, кривобокий шут, —
Со сцены сошел, погас.
Они все равно пройдут —
За нас, за себя, за всех,
Кто был здесь, кто наземь с ног
Валился горе на смех,
Кто шел и дойти не смог!

Словно пень, пополам расколотый,
Гладкий скальный утес вдали.
Палыч дружит с мозгами смолоду,
Он подумал, сказал: «Пошли!»

Встречный ветер отбой трубит ему,
Свет в глазах был, да сплыл, померк!
Он в уме, но стучит копытами,
Он шагает не вниз, а вверх!

Мы съели когда-то с ним
И соли, и перца пуд.
Да хоть на Луну с таким.
Я знал, что они пройдут!
Да вот и вершина. Есть!
Мороз прожигает грудь!
А им бы до звезд долезть,
А спуск среди трещин крут!

Снег по пояс — трясина, месиво,
А над Ленкой три тонны льда.
Ленка новый подъем приметила:
«Там красиво, хочу туда!»

Там свой шанс до конца ловили мы,
А потом повернули вспять
В кошки-мышки устав с лавинами
Да в рулетку в тот год играть!

Их дразнит, ждет перевал,
Зовет на убой, на слом,
И Ленка дает сигнал:
«Ребята, не спим, идем!»
Их черт по прямой несет,
Их ветры на части рвут,
У них получилось все.
Я знал, что они пройдут!

2014

* * *

Мы в каньоне не видели звезд десять дней.
Видит Бог, нам сегодня опять повезло —
Мы насквозь пронеслись среди скал и камней,
И вода, вон, как скатерть опять, как стекло.

И в потемках листву ветер сослепу скомкал.
У костра, у костра друг мой Колька поет,
И дрожит под луной серебристая кромка —
Вдоль реки, вдоль реки тонкий лед, тонкий лед.

Стынет чай в котелке, тихо струны звенят.
Катька, докторша, раны бинтует мои,
И пока еще тих там, вдали, водопад,
И стрекочут сверчки, как в саду соловьи.

У костра, у костра ветер свеж и свободен,
И высокая ель книзу голову гнет,
Это осень в горах, это снег на подходе,
И дрожит, чуть дыша, тонкий лед, тонкий лед.

Завтра — финиш, прорыв, нам лететь в ранний час
На танцующих лодках сквозь скальный заслон.
Бог нас любит, ребята, удача за нас,
Тем, кто вместе, везет — вот он, главный закон!

Наш костер, наш костер над рекою холодной
В нас навек, навсегда, в сны и память войдет, —
И серебряных струн перебор сумасбродный,
И звенящий в ночи тонкий лед, тонкий лед.

У костра, у костра ветер сосны качает,
К дому, к югу, к теплу манит нас и зовет.
Неужели и там никогда не растает
Между мной и тобой тонкий лед, тонкий лед?

2013

Михаил Селезнев (слева) и Сергей Киреев (справа), 1990

* * *

Осень. Стоянка в каньоне.
Ярок, подлец, ярче всех
Марс на небесной ладони —
Красный каленый орех.

Ветер — как волк на охоте,
Горные тропы пусты,
Вот мы и снова в походе,
Вот мы и снова в пути.

Тихо качнувшись, упала
За перевалом звезда.
Здравствуйте, камни и скалы,
Здравствуй, большая вода.

Нам в эту пору не встретить
Чей-то костер вдалеке,
Нам уходить на рассвете
Вниз по ревущей реке.

Плюхнусь под звездами навзничь,
Пульс куролесит в груди,
Завтра товарищ мой, Палыч,
Скажет: «Сереге, греби!»

Ну, а пока мы, ей-богу,
Что-то тихонько поем,
Нас повязала дорога
Ветром, водой и огнем.

Утро. Поехали, Палыч!
Старт наш — от скальной стены.
С дальних заброшенных пастбищ
Машут нам вслед чабаны.

Волны в хмельном хороводе
Пляшут, мы с ними «на ты»!
Вот мы и снова в походе,
Вот мы и снова в пути...

2001

* * *

По Памирскому тракту такси и трамваи не ходят, —
Слишком пыльно для граждан, а нам, шоферам, в самый раз,
Хоть круты виражи, а в кабине трясет и колотит,
Так, что пальцы немеют и зубы пускаются в пляс.

У природы наш брат
В беспросветной опале.
Камнепады шумят
На любом перевале.
Вид кругом — красота.
Чист пейзаж и опрятен,
А у нас все борта
Из пробоин и вмятин.

Может, завтра одна из лавин вдруг возьмет да свихнется
И с дороги слизнет нас, как хлебные крошки с губы.
Значит, груз не доедет, а тракт и без нас перебьется,
И про это узнают одни верстовые столбы.

Вьюга застит глаза,
Снег на трассе хозяин,
И опять тормоза
Мы на спусках сжигаем.
Вот он, наш отчий дом, —
Перевалы, с которых
Нам лететь напролом
На скрипучих рессорах.

Вот вжимаешься в скалы — пора со двора убираться, —
 Тварь на встречу трехосная — грязью измазанный МАЗ!
 Чтоб разъехаться с миром, ни времени нет, ни пространства,
 Но спасибо, товарищ, что глаз у тебя, как алмаз.

Чуть поморщив лицо,
 Он подвинулся, зная,
 Что его колесо
 В полуметре от края.
 Что меж тех, вон, коряг
 Смерть скользит серой тенью.
 За обочиной — мрак
 И свобода паденья.

Здесь, в горах, слава Богу, понятно, где люди, где звери,
 Человек не лягнет, не укусит, к стене не припрет.
 Мать-стихия здесь может иметь в день по десять истерик,
 Мы не лаемся попусту с ней, мы спокойный народ.

Кто-то в спину нам вслед
 Усмехается криво,
 Что бездонен кювет,
 Что вся жизнь вдоль обрыва.
 С ним пути наши врозь,
 С ним беседуем кратко:
 Мол, держись за сто верст
 От Памирского тракта...

1982

* * *

Свежий ветер, смотрите,
 Тучу с неба смахнул как слезу,
 Реки — тонкие нити,
 Паутиною выются внизу.

Чуть дрожащая дымка
 Над ущельем висит вдалеке.
 Вовка, Пашка и Димка
 Перевалы берут налегке.

Холод, снег в Гималаях, злая поздняя осень!
 План простой, проще нету — вскачь лети напрямую!
 Это наши ребята, это русские лоси
 Все, что видят по ходу, все высоты штурмуют!

Димка всех веселее,
 Снег и стужа для Димки не в счет,
 Вовка — мастер хоккея,
 Пашка лежа сто семьдесят жмет.

Вот они и смеются:
 «Все рекорды, за каждым углом
 Мы не бьем, сами быются,
 Мы размялись, мы просто идем!»

Рвутся кверху ребята, на ходу зубоскалят:
 «Мы не психи, ей-богу, просто сил — выше крыши!»
 И уходят, ступая на хрустящую наледь,
 И — все дальше, все дальше, все быстрее и выше!

Ветер цепкий, колючий,
И туман — тяжелее свинца.
Путь по снегу все круче,
Завтра утром идти до конца.

Край горы, словно бритва,
Облака, словно скулы, скребет.
Завтра главная битва:
К солнцу, к свету, к вершине, вперед!

Вот и ночь промелькнула, и подъем уже начат.
Эти трое на склоне ни черта не боятся,
Это русские лоси по Непалу хреначат,
Это наши ребята, дайте им разогнаться!

2012

* * *

Первый снег
начал танцы свои до упада,
Холода
облизнулись и ринулись с гор.
Пьем за то,
что маршрут наш закончен как надо.
День погас,
и зажегся последний костер.

Было все.
Пропадали мы, но не пропали,
Лезли вверх,
зарывались лицом в облака,
Нас дожди
тыщу раз по щекам отхлестали,
Нас шутя
в дураках оставляла река.

В наши сны
страх стучался, царапался, рвался,
Но в глаза
нам друг другу не стыдно смотреть —
Всем, кто здесь
до последней стоянки остался,
Всем, кого
угораздило в снежную сеть.

Завтра нам
 уходить по скрипучему насту.
 Нам октябрь
 стелет под ноги белый ковер.
 В этот край,
 что людей принимает не часто,
 Мы придем.
 Мы не гасим последний костер...

1982

С. Киреев, 1982, река Обихингоу, Таджикистан

* * *

Семь пятсот высота. Ты на спуске, ты был на вершине.
 Пульс в башке колошматит, чечетку безумную бьет!
 Ты по снегу идешь в облаках, как по зыбкой трясине,
 И ветра завывают вдали вразнобой и вразброд.

Тысяча метров до лагеря по вертикали —
 Вот он, твой путь, тормозишь — значит, дело труба.
 Корчатся в крике, последние силы отдали
 Те, кто внизу, кто зовет и кто верит в тебя!

Вот веселые девки шашлык раздают, хачапури.
 Стоп! Опомнись, очнись. Это бред раздрает мозги!
 Ветер, ветер окреп, и поземка предвестником бури
 Стала вмиг, на глазах. Уходи, уходи от пурги!

В трещинах тьма. Там тебя потом сроду не сыщут,
 Рухнешь — пропал! Сквозняки, вон, тревогу трубят!
 Просто иди, одолей эту чертову тыщу,
 Там, у палаток, не спят те, кто верят в тебя!

Снежный шторм за спиной. Догоняет пурга, догоняет!
 Чуть прощелкал, проспал — и по склону в Тибет улетишь!
 И хребты, и ущелья туман с головой накрывает,
 И луна, помутнев, ускользнула, как серая мышь.

Просто иди! Все. Дошел! Вот потемки кромсает
 Свет фонарей. Ты повис на руках у ребят.
 Жив, правда, жив! В небо каски и крючья бросают
 Те, кто с тобой, кто не спал и кто верил в тебя...

2013

* * *

Николаю Мурашову

Сквозняк на полустанке,
И мачты фонарей —
Как жалкие останки
Погибших кораблей.

И дождь — косой, колючий, —
Пристал, как мошара.
Гудок. Вагон скрипучий.
Поехали! Ура!

Унылый, низкорослый,
Сосед протер очки:
«Зачем вам эти весла
И эти рюкзаки?»

И мы с ним лясы точим
Про жизнь, что бьет ключом,
Горланим, и гогочем,
И кружки достаем.

И Колька тихо-тихо
Гитарный тронул гриф.
Ой, худо было, лихо,
Ой, жив я, братцы, жив!

Он был, как полоумный, —
Орал, махал, свистел, —
Костер на берегу мне
Впотьмах разжечь успел.

...Река нас разбросала,
Но путь один — вперед!
И я кормой на скалы
Летел, как идиот.

Борта по швам трещали,
А там — ищи-свищи,
И я к своим причалил
На тот костер в ночи.

...Гуляем. Где-то рядом
В фуражке проводник,
Как фриц под Сталинградом,
Скукожился, поник.

«Ребята, не буяньте!»
«Да ладно, ты же цел!»
И юный лейтенантик
С улыбкой к нам подсел.

Чужие — не помеха,
Когда они в уме.
Вот так бы нам и ехать
В плацкарте, в полутьме.

С гитарой по кругу,
С вином из алычи,
За Кольку пить, за друга,
За тот костер в ночи.

Вот так бы всем и мчаться
И знать, что устоим,
Что есть на свете счастье —
Причаливать к своим...

2013

* * *

Солнца луч в окошке замаячил.
Я в поход собрался на заре.
А сосед литруху охреначил
И полег под лавкой во дворе.

Я пошел к сияющим вершинам.
Я об них споткнулся, лоб разбил.
Мне шептали скалы: «Друг, скажи нам,
Кто ты есть и что ты здесь забыл?»

Я вгрызался в камни, лез на стены,
Рвался вверх, на штурм, на смертный бой.
У меня замашки рекордсмена,
Девки говорят, что я герой.

Я долезу до неба, я победу
Посвятил им, девкам, как дурак,
А они внизу, вокруг соседа
Хоровод водили так и сяк!

У меня зловещая простуда,
А у них черемуха в саду.
Все, конец, корячиться не буду.
На рекорд, на подвиг не пойду!

Напрягать не стану силу духа.
Во дворе контакт найду с людьми.
Буду охреначивать литруху,
Буду человеком, черт возьми!

...Я к девушкам в логово пробился,
Я с народом выпил, закусил,
Я поймал кураж, развеселился,
А у них у всех — упадок сил.

Я — урод в семействе инвалидов.
Я самой стихии здоровей.
Баб хочу, подруг различных видов,
Всех цветов, размеров и кровей!

Спят в углу подруги дорогие,
Кореша от кайфа полегли.
Я хожу кругами — ностальгия,
И зовет, и манит край земли.

Я заел литруху витамином.
Я один от пьянки не полег.
Я иду к сияющим вершинам.
И рюкзак тяжел, и путь далек!

1985

* * *

Сосульки на стенах, в каньоне темно и пусто.
 Страховка готова, каяк набирает ход.
 Серега Рагимов — король скоростного спуска —
 В ревушем потоке, как проклятый, жилы рвет.

Дай жару, Серега,
 Рискуй, режь углы!
 Как рожа бульдога,
 Осколок скалы.
 Но нет с тобой сладу,
 Пока ты в уме,
 Танцуй до упаду,
 Крутись на корме!

Мы первые здесь, у Сереги разведка боем.
 Он лезет по пенным валам напролом, насквозь.
 Прыжок! Новый слив! Злые брызги — пчелиным роем,
 И каменный зуб — словно вбитый по шляпку гвоздь!

На скользком утесе
 Сосна как скелет,
 Несет тебя, сносит,
 Назад ходу нет!
 Спортсмен или кто ты?
 Не стой на мели,
 Серега, работай
 Веслом шевели!

Алтайская осень, в каньоне колючий холод,
 Тайга ошалела от крика гусиных стай,
 Серега свои номера исполняет соло,
 Кто может, тот должен. Серега, вперед, давай!

Серега, дай жару!
 Заход, водопад!
 Борта от ударов,
 Как кости, хрустят,
 Ну что ты, ей-богу,
 Опять оверкиль!
 Дай жару, Серега,
 Победа — твой стиль!

Дай жару, Серега,
 Со свистом — айда!
 Каскад — три порога,
 Большая вода!
 Под черною тучей,
 Гребь, не зевай!
 Ты первый, ты лучший,
 Серега, давай!
 Серега, давай! Серега, давай! Серега, давай!

2012

* * *

Спокойно, ребята,
 Еще до заката
 Шагать, и шагать, и шагать.
 Шутить через силу
 И рвать свои жилы,
 И глотки луженые рвать.

За камни цепляйся,
 Упал — поднимайся,
 Веселье еще впереди.
 Товарищ, чего ты?
 Глазей на красоты,
 Иди, и иди, и иди!

Метель миновала,
 И вверх к перевалу
 По ломаной рваной кривой
 Взлетим от души мы,
 А там до вершины,
 До неба — всего ничего.

По старому следу
 Вернемся с победой,
 Со склона на ровную гладь,
 Сойдемся на сходку
 И будем в охотку
 Гулять, и гулять, и гулять!

Баранки и сушки
 Веселым подружкам
 Дадим, чтоб на чай заманить, —
 Нащупать зацепку,
 И будем их крепко
 Любить, и любить, и любить!

Про злую житуху
 Слова им на ухо
 Нашепчем опять и опять —
 Потом, а пока нам
 По кручам, по скалам
 Шагать, и шагать, и шагать!

И рвать свои глотки,
 Шнурки и подметки,
 Ползти, и кружить, и петлять
 До крика, до рева
 И снова, и снова
 Шагать, и шагать, и шагать!

1996

* * *

Ущелье. Порог «Харакири».
И в новом жилете своем
Сергея, как маршал в мундире,
Со старта идет напролом.

Река нас приветствует: «Браво!
Еще один чудик и псих,
Он гений спортивного сплава,
В гробу я видала таких!»

«Эй, ты, вылезай, делай ноги! —
Свистит ему ветер, — назад!»
Но нет тормозов у Сереги,
Когда впереди водопад!

Он дьявол с веслом, если вкратце,
Не бицепс под майкой — гранит.
Держите Рагимова, братцы,
Он в космос сейчас улетит!

Здесь лодки с плотами, как хворост,
Ломают вода и жуёт.
Он знает: одна только скорость
Его сохранит и спасет.

И как палачи на расстреле —
Костлявые кедры вдали.
Сергея идет на пределе.
Пора уже, прыгай, рули!

И желтый над скалами месяц,
Как коготь стервятника, крив.
Серегу река рвет и месит.
Он прыгнул. Случилось! Он жив!

В полете душа онемела.
Смешались в одно рай и ад.
Сергея забыл все пределы.
Сергея прошел водопад...

2015

* * *

Хороша река Риони,
Вдаль несемся напролом,
Краше мест во всем районе
Днем не сыщешь с фонарем!
Все нормально, все путем,
Стены скальные кругом.
Умудрившись встать в каньоне,
У костра сидим и пьем!

Наш запас — любые вина,
Двести двадцать килограмм,
Эй, товарищи грузины,
Приходите в гости к нам!
Если ты не враг, не хам,
Избежим кровавых драм,
У народа рот разинут,
Наливает каждый сам!

Удалые мы ребята,
Все спортсмены-мастера,
Пьем с рассвета до заката
И с заката до утра.
Ох, не время, не пора
Отрываться от ведра,
Пропадай моя зарплата,
Вот еще несут! Ура!

Пусть порог нас взял на мушку,
Пусть оскалилась река,
Восемнадцатую кружку
Я освоил в три глотка.

Ох, крепка моя башка,
Как полено, как доска!
Не боюсь пропить подушку,
Не боюсь намять бока!

Знают все — я парень крепкий,
Но сегодня в путь не смей!
Рожа — в клочья, лодка — в щепки,
Нету весел, нет вещей.
Только хмель к башке моей
Прицепился, как репей,
Эй, сюда, товарищ в кепке,
Наливай и пей, пей, пей, пей, пей!

Пей до дна. Печаль прогоним.
Ты нальешь, и мы нальем,
А потом заржем, как кони,
Закудахчем, запоем.
Все нормально, все путем,
Ведро полное крутом.
Хороша река Риони!
Мы еще сюда придем!

1984

С. Киреев (в центре), 1978, река Кодори (Абхазия)

* * *

Эх, печаль проклятая дает мне жару,
Депресняк терзает, колошматит, бьет!
Но Серега Крюков, мой товарищ старый,
Мне сказал с усмешкой: «А пошли в поход! —

Водный, лыжный, горный,
Все равно какой,
Ты мужик упорный,
Так смелее, в бой!

Сквозь любые бури —
Шагом марш, ура!
Ты спортсмен, в натуре,
А не хрен с бугра!»

Вот я и отправился в поход с Серегой,
Чтоб адреналином организм лечить
От кромешной спячки, от возни убогой —
Вот он, лучший метод — носом землю рыть!

В гору на три тыщи,
Закусив губу,
Я взбежал. Глазищи
До сих пор на лбу!

Старт. Порог! Ей-богу,
Нас река река сожрет,
Но кричит Серега:
«Ничего, вперед!»

Где вы, чай с повидлом, кренделя с какавой?
Снег по морде лупит, нет дороги вспять!
Встали. И Серега щурит глаз лукавый:
«Если все замерзнет, будем лед долбать!»

Дождь бузит во вред нам,
Пьяный вусмерть, в хлам!
И палатки ветром
Унесло к чертям!

Он и нас, подлюка,
Волокет во мрак,
И смеется Крюков:
«Хорошо-то как!»

У Сереги — сила! Каждый мускул — камень!
Он мне ногу скручивал тройным узлом,
Типа, для разминки. Я скрипел клыками,
Он меня в байдарку загонял пинками,
А потом обратно выгонял веслом!

С вьюгой вперемешку
Ледяная мгла —
Вот про что усмешка
У него была!

Пропасть. Нет дороги.
На краю стоим.
Взгляд хитер Серегин:
«Это что, экстрим?»

Пить бы мне с ребятами портвейн в подъезде, —
Видно, братцы, в тактике моей прокол,
Может, я не выживу, помру вот здесь я,
Может, зря я с Крюковым в поход пошел?

Выжил. Ну, гляди-ка ты,
Пошли дела!
Хоть глаза навывкате,
Башка целая!

Я не чудо в перьях,
Не тухлявый пень,
Не тюфяк теперь я,
А скала, кремёнь!

Если вдруг задумает судьба по пьяни
Раздолбать счастливую мою звезду,
И вообще по жизни мне хреново станет,
Я с Серегой Крюковым в поход пойду!

Крюков — это круто,
Это круче всех:
Вбок свернуть с маршрута —
Самый главный грех!

Так вот я и шпарю
По прямой. Ура! —
Закаленный парень,
А не хрен с бугра!

2012

* * *

Я в поход собрался с Мурашовым Колькой.
Я четыре ночи штопал спасжилет.
За окном вагона — дождь холодный, колкий,
Поезд еле дышит, чертов драндулет.

Прикатили. Вышли. И веселым ревом
Нас река встречает: всем вам тут хана!
Нас, как рыбу, глушит с Колькой Мурашовым
В вертикальном сливе пенная волна!

«Мы не сброд, не гаврики!» —
Кричали мы реке.
Мы в рекордном графике
Несемся налегке —

День и ночь, по-взрослому,
Не абы как-нибудь,
Наши руки с веслами
Срослись — не разомкнуть!

Аж в загровке спазмы от такой житухи!
Мой товарищ Колька вдумчив и хитер —
Он в сельпо надыбал местной бормотухи
И под звездным небом разложил костер.

Первый тост — за девок, за любовь к России!
Мы Сатурну машем: «Как дела, Сатурн?»
А вокруг заборы — черные, кривые,
И народец бродит — скрючен и сутул.

Кольку сольным номером
Решил я удивить:
«А слабо до моря нам
Отсюдова доплыть?»

Люди там счастливые,
Гласит о них молва —
Сильные, красивые,
Там Родина жива!»

Мы с утра рванули. Нам туда, где солнце,
Где друг другу люди глотки не грызут!
Без просмотра, с ходу напролом несемся
День, другой, десятый, в стужу и в грозу!

Эх, не зря у Кольки кровь кипит в аорте,
Он потом по жизни выиграл все бои,
А ко мне, вон, тоже и в труде и в спорте
Кубки и медали липнут, как репы!

Это после сбудется,
А нынче — ливень, шквал!
Месяц мокрой курицей
Скукожился, увял!

Нынче, как в трясине, я
В печали и тоске,
Где ты, море синее?
Хреново на реке!

Ничего, прорвемся, ходу, Колька, ходу!
Молодым и буйным гонка не во вред!
Мы хотим все сразу — скорость, жизнь, свободу,
Горы, небо, землю, где заборов нет!

Да еще чтоб волны били в лоб, наотмашь,
Чтобы ветер душу прожигал насквозь!
Колька, не забыть мне первый тот поход наш,
Как мы к морю мчались сдуру, на авось!

Срок прошел. До цели
Не успели мы доплыть,
Но зато успели
Кой-чего сообразить!

Братцы, буду гадом —
Счастье рядом, за углом,
Если друг твой рядом
И заборов нет кругом!

2014

С. Киреев (второй справа), 1973, Подмосковье

* * *

Я пень. Я старый хрен!
Но вот вам, всем назло —
Зацеп! Обратный крен!
Опора на весло!

Высокая вода.
Скребусь вдоль серых скал.
Никто свой нос сюда
Ни разу не совал.

Но ты сильнее стократ
Стихии и судьбы,
Когда свои кричат:
«Греби, греби, греби!»

Река в кипящем сливе, в пенной бочке
Вбивает брызги в нас, как гвозди в жель!
Ребята на плоту дошли до точки,
А я плыву в каноэ-одиночке,
Они потом расскажут, кто я есть!

Отвесный голый склон.
Холодный гиблый край.
Я вижу: это он —
Порог «Ворота в рай».

Вдоль скальных берегов
Несутся вслед за мной
Обрывки облаков
Над горною грядой.

Друзья кричат: «Живей!
Кончай крутить башкой!
Ты смелым был в Москве
В пивнухе на Тверской!»

Они правы: «Ты здесь, герой, греби же —
Сюда, по центру, — с краю не пролезть!
Эй, чемпион, к ребятам будь поближе,
Они тебе расскажут, кто ты есть!»

Гребу, несусь, лечу —
Я принял этот бой,
Скольжу, кручу, верчу
Веслом, как кочергой!

Закат — сплошной ожог
У неба на груди.
Прорыв! Вираж! Рывок!
Ущелье позади!

...И мы привяжем плот,
Гитару расчехлим,
И тихо поплывет
Меж сосен синий дым.

Мы вспомним у костра, как наши рожки
Кромсал сквозняк, и марши в нашу честь
Свистел, и мне шептал: «Пройди, ты можешь».
И я прошел. Я знаю, кто я есть...

1999

РАЗДЕЛ III

В следующем разделе — песни о моем дворовом детстве, о школьных друзьях, о событиях юности и молодости, о дорогих мне людях.

* * *

Т. К.

А гости под коньяк сметали походя
Зефир с повидлом, кофе с коньяком,
А мы на крыше корчились от хохота
И танго танцевали босиком.

И звук трубы из старого транзистора,
Звнящий, как тугая тетива,
В душе дрожал надрывно и неистово,
И от вина кружилась голова.

И мы, казалось, видели воочию
Вращенье звезд, вращение земли,
И мордами ленивыми ворочали
Троллейбусы визгливые вдали.

Трамваи тишину терзали трелями,
В ручьях шумела талая вода.
И от весны под утро одурели мы,
И ты со мной осталась навсегда...

2007

* * *

А мы печаль той ночью в шутках прятали,
И чистый снег, светлее серебра,
Над перевалом плыл, и звезды падали,
И мы с тобой сидели у костра.

А путь домой далек, и вор на воре там, —
Народ веселый ходит, пьян и сыт,
И серый снег над серым нашим городом
Который век проклятием висит.

И ты балбесу служишь толстокожему,
Хозяин, бог — подлец и прощенья нет, —
Покой блюдешь, напитки подаешь ему,
Коньяк с лимоном носишь в кабинет,

И режешь ананасы, авокадо ли,
И смертная тоска — твоя сестра,
И помнить нету сил, как звезды падали,
И мы с тобой сидели у костра...

2012

* * *

Акация тощая, жалкая,
Трамваев шальной перезвон.
Он мерз под окошком, он ждал тебя
У каменных круглых колонн.

Ты вышла: «Да ну его к лешему!
Такси! Ну чего ты? Погнал!»
И ветер взхлеб, как помешанный,
Вдогонку тебе хохотал.

И, как под могильными плитами,
В дому, где любви ни на грош,
С балбесом каким-то упитанным
Спокойно и скучно живешь.

И бьется в ознобе и трепете
Вдали, за окном, старый сад,
И к югу, к теплу гуси-лебеди
Над лесом осенним летят.

Вы счастье куете без устали,
Но холод на сердце, зима,
Хоромы с хрустальными люстрами —
И крепость твоя, и тюрьма.

Ты спишь после пива прохладного,
И в памяти он, только он,
Кто мерз у подъезда парадного
У каменных круглых колонн,

Кто в смутную пору далекую,
Как тень, за тобою ходил,
И, глупую, злую, жестокую,
Тебя больше жизни любил...

2009

* * *

Ах, какие там вились вокруг фраера!
Он там сбоку припеку — в нулях, не у дел,
Он влюбился в нее — в королеву двора,
Он был юный спортсмен. Он романсов не пел.

И на потеху котам и воронам
Он до потери рассудка и сил
Каждую ночь у нее под балконом
На перекладине сальто крутил!

«Что мне с этой любви? — хохотала она —
Даже плед из нее, даже плащ не сошьешь!
Я сто раз эту чашу испила до дна,
К мамке топай домой, мелюзга, молодежь!»

Смертной тоской, словно пулей, прострелен,
Он, сколько мог, васьков накупил,
И для нее, для нее все быстрее
На перекладине сальто крутил!

И деревья шептали ему в полусне:
«Ладно, хватит, сдавайся!» Он сдался, и вот
В серой шляпе и в шелковом ходит кашне,
В общей свите коньяк под анчоусы пьет.

Все — рядом с нею: балбес, клоун, даун.
Он среди них, он давно позабыл
Ту развеселую пору, когда он
На перекладине сальто крутил!

И, четвертинку нащупав за шторой,
Дядя Сережа — сосед, старожил,
Вдруг протрезвел: «Кто вы все? Стая, свора!
Нету людей! Был один — тот, который
На перекладине сальто крутил...»

2013

* * *

Был уныл и обычен пейзаж за окном:
 Месяц — крюк для петли, светофор — как скелет.
 Мы на кухне всю ночь просидели втроем:
 Я, Володька и он — настоящий поэт.

И, как колокол, били на стенке часы.
 Он-то знал, что осталось всего ничего,
 Что Володька да я, да дворовые псы,
 Что в потемках скулят, будут помнить его.

Он читал им стихи, он с руки их кормил,
 И страна, как глухая старуха, сквозь сон
 Еле слышит его — нет ни сердца, ни сил,
 И последней листвою бульвар занесен.

Он стоял на балкончике с трубкой во рту,
 Нам вдогонку махал: «Ничего, не беда!»
 Словно в вечность на маленьком хлипком плоту
 Сквозь листвы хоровод уплывал навсегда...

А потом захудалый оркестрик хрипел,
 И летели на гроб комья мерзлой земли,
 И сквозь джунгли домов, где душа не у дел,
 Мы, не видя дороги, с Володькою шли.

Вот поганой метлой гонят псов со двора.
 Спит родная страна. Ей спасения нет,
 Если душу порвали шальные ветра,
 Если сгинул во тьме настоящий поэт...

2005

* * *

В небе холодном тайком, втихомолку
 Лист одинокий летит.
 Озеро дремлет, и ворон на елке
 Зорко за нами следит.

Смех да веселье у пристани старой —
 Возле воды, вон, в кругу
 Песни поют у огня под гитару
 Люди на том берегу.

Хмурые мы и не в меру хмельные,
 Вот и костер догорел.
 Тучи над лесом надменные, злые,
 Ветер нахален и смел.

В споре слова безнадежно и глухо
 Вязнут, как сани в снегу.
 Да обойдут вас разлад, заваруха,
 Люди на том берегу!

Мы ваших песен вовек не слышали.
 Мы голосим невпопад.
 Сердце поет: трень да брень, трали-вали.
 Банки и склянки звенят.

Птицы умчались от нашего хора,
 Бьется в ознобе камыш.
 Как же ты к нам залетел, черный ворон,
 Что ж ты над нами кружишь?

Отблеск костра на воде, как тропинка,
 Вот бы, крестясь на бегу,
 К вам — без оглядки, роняя ботинки,
 Люди на том берегу.

Песни без слов, без души и без плоти
 Нас при себе стерегут.
 Пойте же, пойте, мы слышим вас, пойте,
 Люди на том берегу...

1995

* * *

В окне — деревья ряды кривые и черные,
Летит, летит вагон сквозь холод и мглу.
Плывут, плывут вдали огни семафорные,
И синий луч крадется вскользь по стеклу.

Застолье. Песни. Отблеск костра далекого.
Она в соседнем купе, в полутьме — одна.
Красивый парень кружит вокруг да около,
Лимон кромсает: «Давай за любовь, до дна!»

...Из злой осенней стужи сумерки сотканы,
И он шептал среди хмельной суеты:
«Весельем полон мир, любыми красотками,
А я всю жизнь искал такую, как ты.

С тобой, и только с тобой в кино и на танцы я
Летал бы на крыльях, и сад бы завел и дом»
Она ему: «Да вон, смотри, моя станция,
Бросай гульбу, если так, вставай и пойдём!»

И он под звон стаканов танго насвистывал,
И он под стук колес раскис и размяк,
И сердце, сердце в такт стучало неистово:
«Ну что же ты, иди за ней, сделай шаг!»

И он остался, в гулянке увяз, как в омуте,
А после во сне тыщу лет ей дарил цветы
И вел ее в вальсе по солнечной светлой комнате,
«Ну где она, где, — шептал, — такая, как ты?..»

2010

* * *

В синих сумерках облако, как одинокая льдина,
Отражается в озере зыбким дрожащим узором,
И с отчаянным криком уносится клин журавлиный,
И осенние листья летят над Серебряным Бором.

Москва. Хорошевка. Пустырь возле старой школы.
Живет королевство мое, значит, жив и я,
Вот здесь я и рос, как крапива, шальной, веселый.
Сто лет пролетело. Привет вам, мои друзья...

В прятки, в «штандар», в «слона» мы играли, в лапту, в расшибалку,
Я по этим наукам — магистр, бакалавр, академик.
Вот пожарная лестница — как же я шел к ней вразвалку,
И Наташке кивал: «Хочешь, прыгну? Скажи, мне не жалко!»
И свистел, и бросался в сугроб с самых верхних ступенек!

На клич «Будь готов!» мы в ответ были крикнуть рады:
«Спартак — чемпион!», он с ума, меня, сволочь, свел,
Ах, как мы учились удары держать, не падать,
Ах, как мы рубились с соседним двором в футбол!

Помню лучший наш матч — «восемь : семь», и сосед дядя Саша
Каравеллу — пять мачт — нам вручил: «Это вам — вроде кубка.
Ну, команда у вас!» Помню, как он вдогонку нам машет,
И вздыхает, и курит свою капитанскую трубку.

Семь футов под килем и больше. Река Бездонка.
И берег песчаный до голых корней размыт.
Плывет каравелла, и, следом летя вдогонку,
Взахлеб завывая, сквозняк в парусах звенит!

...Щепки с листьями жгут. Молотками колотят по жести,
Словно в колокол бьют поминальный за серым забором.
Мы на мостике хлипком стоим. Мы пока еще вместе.
И осенние листья летят над Серебряным Бором...

2010

С.Киреев, 1962, Москва

* * *

В старом парке стоим. Нам в лицо смотрят статуи строго —
И горнист, и балбес, вон, из гипса, что бьет в барабан.
Юлька ловит кленовые листья, и друг мой Серега
Португальский портвейн наливает в граненый стакан.

Пьем за школьные годы, за братство дворовое наше,
За живых и ушедших — за верных товарищей пьем,
За отличницу Юльку, что всех веселее и краше,
И смеется она: «Что с того, если жизнь кувырком?»

Муж большой бизнесмен у нее и известный политик,
Он тугим кошельком ловит баб, как плотву на блесну.
Мы с Серегой поем про камыш, Юлька шепчет: «Спасите!»
Мы читаем стихи про любовь, Юлька шепчет: «Тону!»

Ни души и ни чести у мужа. Так есть и так было,
Хоть ищи ты их в полдень с прожектором — ноль, пустота!
«Эх, зачем я назад из Парижа в Москву прикатила, —
Юлька режет лимон, — кроме вас, тут и нет ни черта!»

Ой, пройдет, пошумит листопад, ой, зима будет злая!
Холода, холода свой безумный начнут хоровод!
Мы даем ей перчатки из шерсти, и Юлька, вздыхая,
Португальский портвейн из стакана граненого пьет.

Эх, гитара была б, мы б еще про фонарики спели,
Что в потемках промозглых качаются возле пивной!
Вот сиреневый сумрак ложится на сосны и ели.
Юлька шепчет: «Ребята, пора возвращаться домой...»

2005

* * *

В тамбуре темно. Нам судьба — лютый зверь —
 Полчаса дала, и конец, и отбой.
 Знать тебя не знал, а теперь, а теперь
 Хоть на край земли за тобой.

Карты, смех, чехарда и сумятица,
 И гармошка, и дым папирос,
 И минуты монетками катятся
 Под откос, под откос, под откос.

Нас под стук колес и штормит и трясет,
 И душа и пол — ходуном, ходуном,
 И дела зовут. Вот и все, вот и все.
 Станция, огни за окном...

В стужу, в сумрак, в потемки унылые
 По перрону, по тонкому льду
 Я шагаю. Прощай, моя милая,
 Пропаду я один, пропаду!

На ветру звенят провода, провода.
 Мой вагон ушел сквозь пургу, как в побег.
 Может, укатил от меня навсегда
 Самый дорогой человек.

Вот и все. Прости, господи, смилуйся, —
 Тьма на сердце, метель да мороз,
 И пропащая жизнь покатилася
 Под откос, под откос, под откос...

2004

* * *

Вагон, тьма, далек путь.
 Вот он к ней вошел, сел.
 Перрон плыл сквозь пыль, муть,
 И он ей сыграл, спел.

Скрипит дверь, несут чай,
 Колес стук — дождю — в ритм.
 Он ей: «Сядь, ладонь дай»,
 Она ему: «Гадай, ври!»

Она ему: «Еще спой!»
 И он пел, и дождь лил.
 «Да ты мне совсем свой,
 Да где ж ты всю жизнь был?»

Вагон встал. Огни. Ночь.
 Она в углу. Лицо — в шаль.
 Ему пора шагать прочь.
 И он ушел во тьму, вдаль.

Из тьмы в щель — сквозняк злой,
 И дождь тень его смыл.
 «На всей земле один свой,
 Да где ж ты всю жизнь был!»

В стекле свет ее глаз,
 И дрожь губ, и взмах рук.
 Всего миг, всего час.
 Купе. Ночь. Колес стук...

1992

* * *

В тишине пустого бара
Мы сидели до рассвета:
Он — артист, король гитары,
Я — спортсмен страны Советов.

Лед с бутылками в ведерке,
Пузырьки шипят в бокале,
Мы с Валеркою в Нью-Йорке
Напоследок пировали.

Мы — живучая порода,
Литров выпито без счета,
Мне с Валеркой на полгода
Расставаться неохота.

Мне — в Москву, ему — в Торонто.
В этих Штатах и Канадах
Для прокорма, не для понта
Мы ишачим до упада.

Эх, пора мне, путь далекий,
Я не слишком тут разжился.
За окошком одинокий
Лист оранжевый кружился.

Воробьи клевали корки,
Ветерок прохладный веял,
Мы с Валеркою в Нью-Йорке
Пили пиво на Бродвее,

Разводили трали-вали —
Мол, хотим, чтоб наши мэры
Чуть поменьше воровали
И на лапу брали в меру,

Чтоб расцвел хоть на минуту
От Камчатки и до Крыма
Пьяный вусмерть, битый, гнутый
Край родной, навек любимый!

Мне сознание хмель коверкал,
Я бузил в своей манере,
Я кричал: «Скажи, Валерка,
Как нам жить в эсэсэсэре,

Где с портретов рожи, рожи
Нас лучистым взором греют!
Хоть под лед ныряй, и все же
Возвращайся поскорее!»

По углам, столам и стенам
Свет сиреневый струился,
Было грустно на душе нам,
Я в Россию торопился.

На пол шлепнулась тарелка,
Стекла вдребезги — на счастье!
Помни, помни нас, Валерка,
Возвращайся, возвращайся!

Рядом — статуя Свободы,
Как на марше пионерка.
Посошок! Такси у входа.
Помни, помни нас, Валерка!

Будь здоров! Держись, братишка,
На бегу не спотыкайся!
Без тебя отчизне крышка!
Возвращайся, возвращайся!

1994

* * *

Ветер веселый и шумный
 Всех по домам разогнал,
 Только моряк полоумный
 Топчет промокший причал.

В бухте глухой и укромной
 Смотрит он в черную тьму.
 Тощий, облезлый, бездомный,
 Пес прислонился к нему, —

Носом, холодным, как льдышка,
 Водит, дрожа и скуля:
 «Где он, скажи мне, братишка,
 Борт твоего корабля?»

Вновь без него на рассвете
 Вышла команда в поход,
 Ветер ему, свежий ветер
 Душу терзает и рвет.

Был бесшабашным и юным —
 Вот и чесал кулаки,
 Вот и злодейка-фортуна
 Скалит спросонья клыки.

Взор ее крив и бесстыден,
 Это каюк и петля,
 Если в потемках не виден
 Борт твоего корабля!

К солнцу, к теплу, на край света
 Мчатся друзья без него.
 «Братцы, я здесь!» Нет ответа.
 Нету вокруг никого.

В грусти, тоске и печали
 Воют, скулят враскосьяк
 Пес на промокшем причале
 И полоумный моряк...

1995

* * *

Ветер, ветер летит по бульвару, балбес хмельной,
 И каток в разноцветных огнях, как котел, кипит,
 И у нас под коньками гитарной тугой струной
 Голубой, темно-синий, сиреневый лед звенит.

Мы играем в хоккей. Мы в атаке! Держись, шпана,
 Из соседних домов. Левый край наш, как дьявол, лих!
 Это Славка, мой друг, нынче с ними у нас война,
 Мы по-честному бьемся, и мы не боимся их!

А потом мы в кино, в «Колизей», на «Спартак» идем,
 У окошка в буфете садимся за круглый стол,
 И молочный коктейль из стакана по кругу пьем,
 Как из кубка, за двор, за игру, за победный гол.

С той шпаной шутки плохи, и путь наш обратный крут,
 Все застыло вокруг, даже ветер, и тот утих,
 И близка подворотня, близка, там они нас ждут.
 Друг мой Славка со мною, и мы не боимся их!

Вот и выросли мы, Славка в землях чужих увяз,
 «Не в лесу под конвоем, и то хорошо, скажи», —
 Он ворчит в телефон, и печален его рассказ
 Про вечерний Париж. И метель над Москвой кружит.

Снег по стеклам скользит, я иду вдоль знакомых стен,
 Я прожил тыщу лет, три копейки успел скопить.
 Стены шепчут: «Держись, все, что нажито — прах и тлен,
 Если не с кем тебе за победу из кубка пить!»

Славка, мы тебя ждем, мы еще наворотим дел,
 Тот коктейль до сих пор не обсох на губах моих.
 Помнишь, Славка, как лед под коньками у нас звенел,
 Как Спартак отбивался от острых каленых стрел,
 И как шайба свистела, и мы не боялись их...

2005

* * *

Вечер. Август. Причал. Возле озера клен
 Тихо ветви к закату тянет лучу.
 Мне четырнадцать лет, мне кричат: «Ну, силен!»
 Я с тарзанки ныряю, я сальто кручу.

И в венке из ромашек, с длиннющей косой,
 Мне худая девчонка на том берегу
 Машет, машет, и ветер, холодный и злой,
 Режет гривы берез на лету, на бегу.

Дуры в крашенных кудрях, от дыма хрипя,
 Дрянью какую-то курят, на танцы зовут:
 «Эй, гимнаст, подходи, мы научим тебя
 Кувыряться, как надо, и пить, что дают!»

Я на скорую руку, шальная башка,
 Хлипкий плотик из досок связал-сколотил.
 Дуры вслед мне хохочут: «Ромео, пока!»
 И визжит, веселясь, деревянный настил.

И закат догорел, и озерный простор
 Черен, глух, словно город, сожженный дотла.
 Я гребу, я плыву на огонь, на костер,
 Что худая девчонка в ночи разожгла.

Дождь, подлец, на подходе. Луна высока.
 Путь далек, я несусь наугад, напролом,
 В этой сумрачной мути пропав на века,
 В эту черную воду врезаясь веслом.

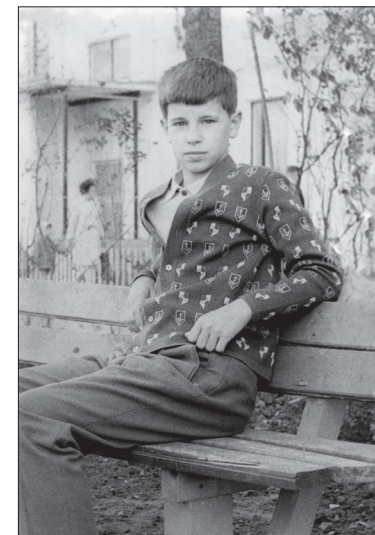
Среди молний во тьме пляшет плот на волнах,
 Как в огнях дискотеки безумный танцор,
 И дрожит на ветру, и мерцает впотьмах
 Еле виден, чуть жив, одинокий костер.

Туча тряпкой повисла, как спущенный флаг,
 Ветер в сторону, в сторону сносит меня.
 Берег. Ночь. Я один среди пней и коряг,
 Где ни света в окне, ни тропы, ни огня.

Я обратно тащусь. Бурелом невлаз.
 «Что с тобою, сынок? — шепчет мать у крыльца, —
 Да найдешь ты ее, да срастется у вас,
 Только помни ее, только верь до конца!»

...Я прозрачное озеро вижу во сне
 И зеленое поле с хрустальной росой,
 И худую девчонку на той стороне —
 Ту, в венке из ромашек, с длиннющей косой...

2003

С. Киреев, 1969, Москва

* * *

Ветки черные хрустят, как сухарики,
И машины — мимо — лодками утлыми, —
Мы, от счастья ошавев, взявшись за руки,
Бесконечными брели переулками.

Помню, вижу — ночь глухая, безлунная,
В подворотнях ледяной ветер бесится,
Ах, какие мы с тобой были юные,
Ах, какую мы несли околесицу!

Ты смеялась: «Ну и ну, что я делаю!»
И углы со мной искала укромные,
Помню эту круговерть оголтелую,
Листьев пьяный хоровод помню, помню я —

И трамваев эти хлипкие палубы,
Эти заморозки злые, осенние.
«Ты мой омут и причал, — я шептал тебе, —
И отчаянье мое, и спасение!»

Я губами в темноте неумелыми
Зацелован был тобой чуть не до смерти.
Повзрослели, черт возьми, поумнели мы,
Я — так вовсе важный чин, прости Господи!

И иду себе под ручку с Фортуною,
Все как надо. От тоски бы повеситься (к счастью, это редко бывает!),
Ах, какие мы с тобой были юные,
Ах, какую мы несли околесицу!

2003

* * *

Возле Чистых прудов воздух вязок и сер, выюга воеет протяжно и тонко,
Но залили каток, — вот и музыка, смех, и летящие в небо снежки.
Нам шесть лет на двоих. Я, как ветер, несусь за красавицей Ирккой вдогонку,
И трезвонит трамвай, и врезаются в лед двухполозные наши коньки!

Помню елку в огнях. Ах, как яркое их свет, ах, как выюга меня завертела!
Я лечу кувырком. Я встаю, чуть живой, я от боли оглох, онемел.
Ирка дует на раны мне: дурень, балбес, знают все, что ты сильный и смелый,
Что ты ловок и быстр, но мне надо, пойми, чтобы ты невредим был и цел!

Я для Ирки конфету под елку кладу. Вот и все. Завтра мы переедем
В те края, где ни Ирки, ни Чистых прудов, ни звенящего синего льда.
Меня за руку тянут: прощайся! пора! И закат над бульварами бледен,
И, снежинку слизнув, Ирка в голос ревет: «Он уходит от нас навсегда!»

Я ушел навсегда. Я живу много лет, от ударов и ран сатанея!
Ветер воеет, как волк, над родной стороной, злы, как звери, мои земляки.
Ирка, где ты, ах! Как тебе среди них? Вот по свежему снегу во сне я
Вслед бегу за тобой. Ирка, помнишь ли ты двухполозные наши коньки?

2004

Москва, Покровские ворота, 1959, С. Киреев с друзьями

* * *

Время вяжет узлы, вьет веревки из нас.
 Друг, смотри, мы идем нашей старой тропой.
 Дождь, как сослепу, спьяну пускается в пляс,
 Бьет чечетку за наш упокой.

Первый шаг, первый шрам, первый шепот листвы
 Мы с собой унесли. Что теперь, что вокруг?
 Лишь кривые канавы да черные рвы,
 Да сержантских копыт перестук.

Мы петляем вокруг, мы не можем найти
 Путь к родному двору, тут и там — пыль и прах.
 Старый дом, старый сад — в тупике, взаперти,
 Подворотни, и те — на замках.

Сад стреножен дождем и повязан стократ,
 Переулок стеной перекрыт поперек.
 На запястьях бульваров — оковы оград,
 На сто верст — ни путей, ни дорог.

Тупики, тупики, и попробуй поди
 До родных пепелищ дотянуться рукой.
 Вот и петлями стали кривые пути.
 Вот и близок он, наш упокой.

Влево, вправо шагнешь — ткнешься носом в забор.
 Мы вдоль пруда пролезли по лезвию льда,
 И последний трамвай нас не принял на борт.
 Прогремел, как дурак, в никуда...

1993

* * *

Город мраком холодным объят
 И по горло листвой занесен.
 Осень. Время потерь и утрат.
 У Сереги молчит телефон.

Дом под дождем перекошен.
 Где ты, Серега? Постой!
 С кем и куда ты несешь свою ношу,
 Кто тебе свой, кто чужой?

«Эй, товарищ, очнись!» — я шепчу.
 Мне в ответ на ветру старый клен
 Голой веткой стучит по плечу.
 У Сереги молчит телефон.

Лютая, жгучая, злая,
 Жизнь, как тугая тесьма,
 Горло Сереге сжимает.
 Новая служба и дружба, я знаю,
 Сводят Серегу с ума!

На фонарь, как на пламя свечи,
 Я в тумане бреду, как сквозь сон.
 Я кружу и петляю в ночи.
 У Сереги молчит телефон.

Эх, выпадает дорога
 Лучшим из наших ребят —
 Муть, глухомань, безнадега!
 Эй, отзовись, мы приедем, Серега,
 Здесь мы, и ну его к черту, ей-богу,
 Время потерь и утрат!

...Свист протяжный в потемках все злей.
 Это ветер под крики ворон
 Обрывает листву с тополей.
 У Сереги молчит телефон...

2003

* * *

Дни бегут разухабистой рысью.
 Снова осень. Октябрь на излете.
 Ветер тронул рябину, и листья
 Закружились в безумном фокстроте.

Вот мой двор — возле парка, налево, —
 Я с ребятами здесь куролесил, —
 Оля, Славка, Серега, ну где вы?
 Я без вас глух и нем, и невесел.

Наша Оля, от слез неживая,
 В синий сумрак, холодный и хрупкий,
 В стужу, в ночь на последнем трамвае
 Унеслась, как под парусом в шлюпке.

Я сто лет здесь кружу тихой тенью,
 Я своих у причала встречаю,
 Как же зол этот ветер осенний!
 Как же я по вам, братцы, скучаю!

Дядя Вася, веселый сосед мой,
 Коньяку мне в беседке подносит,
 В тишине, в полумгле предрассветной
 Режет яблоко, речь произносит,

Что от спячки страна отряхнется,
 Оживет и пойдет на поправку,
 И красавица Оля вернется,
 И приедут Серега и Славка!

Я брожу по пустым переулкам,
 У площадки курю волейбольной.
 Нет ребят, и разносится гулко
 Над Покровкою звон колокольный.

Ветер ветви кленовые клонит
 И антенны, как мачты, качает,
 И трамвай ошалелый трезвонит!
 Как же я по вам, братцы, скучаю!

2004

С. Киреев (первый справа), Москва, 1962

* * *

«Да видал я вас всех, вашу сборную класса,
Нас опять разгромили, и счет по игре», —
Капитан, бомбардир, гений скрытого паса,
Генка шайбу гоняет один во дворе.

Он коронным финтом столб фонарный обводит,
Он обижен на всех, кто ему не чета,
Он и горд, и велик, и силен, и свободен.
Ни чужих перед ним, ни своих, ни черта.

Вот матерый, со стажем, алкаш дядя Саша —
Бывший форвард — стучит по стеклу кулаком:
«Да опомнись, очнись, — он в окно ему машет, —
Кто ты есть без ребят, ты узнаешь потом!»

...Он узнал, что почем, вырос, сел, где-то зажил,
В захолустье каком-то пропал без следа.
Все сгорело дотла, стала пеплом и сажей,
Уж какой там хоккей, все прошло навсегда.

А пока, вон, луна, как карась под корягой,
Вязнет в туче, как в черной дремучей дыре,
И скулит на ветру старый пес-доходяга,
Мы под горку несемся веселой ватагой.
Генка шайбу гоняет один во дворе...

2007

* * *

До утра, до упада, до первых трамваев, помнишь,
Мы по летнему парку гуляли всю ночь с тобой?
Вот и заморозки. Вот и хлещет опять наотмашь
Ветер — лютый и жгучий, холодный, осенний, злой.

И в замерзшее озеро смотрит звезда,
И какой-то понурый чуда-человек
Ходит-бродит в потемках по зеркалу льда,
И летят тополиные листья на снег.

Это я тут, один. Я крутился, скакал, как мячик,
Я к вершинам неведомым мчался, летел вперед,
И не ведал, не знал, что не будет в пути удачи,
Если ты позабыл тех, кто любит тебя и ждет.

Тополь черные ветви раскинул крестом,
Я по тропам знакомым иду, как во сне.
Все прошло навсегда. Тихо в парке пустом.
И летят тополиные листья на снег...

Мне б согреть твои руки, в рассвет убежать с тобою,
Васильки, одуванчики в косы твои вплести.
Жизни нет на вершинах, лишь снег и туман стеною.
Я приплелся, чуть жив, я тебя потерял. Прости.

Голос твой в телефоне чуть слышно звенел:
«Я так долго ждала, да почти целый век».
Вот и заморозки, вот и парк опустел,
И летят тополиные листья на снег...

1977, 1997

* * *

Дом из серого камня. Песочница. Детство. Покровка.
Я здесь Ирке Калининой осенью листья дарил
И пластмассовой шпагой размахивал лихо и ловко,
«Кто обидит тебя, всех ко мне!» — так я ей говорил.

И кораблик, что клеил мне дед из обложки тетради,
Я пускал. Ирка веткой махала: поднять якоря!
И однажды шепнула, по-взрослому, искоса глядя:
«Ты уедешь, ребята сказали, а значит, все зря...»

Вот увозят меня, и трясется трамвай, как в припадке,
А потом я каким только девкам башку не дурил,
И забыл уж, ей-богу, как в парке на детской площадке
Я Калининой Ирке кленовые листья дарил!

Годы мчатся, бегут наугад то галопом, то рысью,
И «Летучим голландцем» вдали серый сталинский дом
Вон, все так же плывет, и в тумане летящие листья
Я на той же площадке ловлю на ветру ледяном.

Мне сигналил трамвай: мол, привет тебе, рыцарь без шпаги!
И озябший фонарь на ветру возле сквера застыл.
«Где ты, где, — я шепчу, — тот пацан из дворовой ватаги,
Что в пруду на Покровке кораблик пускал из бумаги
И Калининой Ирке кленовые листья дарил?»

2005

* * *

Дурнем я был, правду скажу — всю, без утайки,
Я бы таких в шею к чертям гнал со двора.
Мы без звонка в гости гурьбой к Павловой Таньке
Запросто шли — песни всю ночь петь до утра.

Старый наш друг — чайник свистел тенором тонким.
Мир да покой. Плюшевый пес. Пламя свечи.
И в полутьме кактус — и тот спящим котенком
Виделся мне. И завывал ветер в ночи.

Хмель уходил, били часы, струны звенели.
Короток был Танькин наказ, ясен и прост:
«Да обойдут вас стороной вьюги, метели.
Дай вам Господь в гору шагать вместе, не врозь».

Нас по углам век разбросал. Ходим с оглядкой.
Речи, слова лупят в упор, как кирпичи.
Были же мы вместе, не врозь, был же он, краткий
Лучший тот миг, как ни играй с памятью в прятки —
Танька, друзья, снег за окном, пламя свечи...

2015

* * *

Ее волосы были, как волны
 На ветру, что, по-зимнему зол,
 В ночь ворвавшись легко и проворно,
 Как мосты, ваши руки развел.

Ты как рыбку поймал золотую
 Лист березовый в этих волнах.
 Ты шатался в обнимку, вслепую
 С ней вдвоем до рассвета впотьмах.

Двор глухой, где ты с нею простился,
 Был, как тамбур вагонный, уныл.
 Он ни разу тебе не приснился.
 Ты в тетради и книги зарылся,
 Ты навеки ее позабыл.

Что от ночи той давней осталось? —
 Только ветра осеннего свист,
 И души одинокой усталость,
 И в тетрадке засушенный лист.

Город спит, в снежном мареве тонет.
 Ты листок этот хрупкий берешь,
 словно пламя коснулось ладони,
 И по сердцу — морозная дрожь.

Ты в тетрадях черкаешь, не глядя,
 Все подряд. И до одури, всласть
 В том крошечном шальном листопаде
 Вместе с нею мечтаешь пропасть.

Ты в метель из дверей вылетаешь.
 Вон луна — словно рваный лоскут.
 Что за дебри вокруг — знать не знаешь,
 И куда тебя черти несут.

Вот он, двор, вот ее два окошка,
 Пьяный ор, кутерьма, чехарда,
 И визжит, задыхаясь, гармошка.
 И ни тени ее, ни следа.

Дверь. Звонок. Человек на пороге:
 «Нет. Не знаем. Не помним. Привет!»
 И трясется — угрюмый, убогий,
 И окурок летит на паркет.

Эхо, эхо разносится гулко.
 Ты к стене припадаешь спиной.
 И по скользким, кривым закоулкам
 Сквозь сугробы плетешься домой.

Ты до двери дошел, как до точки,
 Ты в постель повалился без сил.
 И рассыпался лист на кусочки.
 Ты под лампой заснул в уголке.
 Ты проснулся. Ты все позабыл...

1985

* * *

И оттепель оставила
 Весь город в дураках,
 Все уплывало, таяло
 И разлеталось в прах.

Летели хлопья снежные,
 И душу бил озноб,
 И мы, хмельные, грешные,
 Куражились взахлеб!

И ветер, черт припадочный,
 Балбес и балагур,
 Бродил аллеей сказочной
 Среди ледяных фигур,

И ведьму, бабуку древнюю,
 Терзал и тормошил,
 И богатырь с царевною
 Простился. Был да сплыл.

И птицы, звери таяли.
 И мы от всей души
 Гуляли, словно тратили
 Последние гроши.

И тени наши тонкие
 Метались, как в бреду,
 И ночь бродила темная
 По тающему льду.

И свет фонарный изморось
 Стирала без следа.
 И расставанье близилось
 Навеки, навсегда...

1978, 1988

* * *

Камнепады, отвесные склоны,
 Снег, завалы, дожди, гололед, —
 Бензовоз, под завязку груженный,
 По Памирскому тракту идет.

Скалы. Пропась. Речные пороги.
 Груз тяжел и круты виражи, —
 Если едешь по горной дороге,
 Значит, крепче баранку держи!

Шóфер Леха на спуске газует,
 Он скользит под углом, на крену!
 Он подругу свою дорогую,
 Катьку, дома оставил одну.

Мысли мрачные мучают Лешу
 И недоброе гложет чутье —
 «Мусор» Петька из города Оша
 Слишком часто глядит на нее!

Он как раз в это время, скотина,
 Пучеглазый и красный, как рак,
 Ей коньяк наливал из графина
 И ботинком стучал об косяк.

Он *сувал* ей сушеные груши,
 И в кулек насыпал карамель,
 И шептал: «Ну, давай, дорогуша!»,
 И волок ее, курву, в постель.

Душат Леху горячие слезы,
Грусть-тоска и кручина-печаль.
Он сидит за рулем бензовоза,
Рвет рубаху и жмет на педаль!

Сизый сумрак и мутное солнце,
Ледяная коварная гладь.
«МАЗ» навстречу, и Леха несется
И не может с рулем совладать!

Он коленом скрипит и ключицей,
Он идет сверху вниз на таран,
И в кабине знакомые лица
Он успел разглядеть сквозь туман!

Там ребята с родной автобазы
И Маринка — любовь юных лет.
Он все понял — мгновенно и сразу —
И направил машину в кювет!

Он товарищам шляпой из фетра
На прощанье в окно помахал.
А кювет там — три тысячи метров —
И смертельной пучины оскал!

Из каньона ударило пламя,
Свет разлился — зловец и багров,
И осыпались бревна с камнями
Под копытами горных козлов!

...Катка долго его — три недели
Вспоминала, а Петька, кобель,
Приковал ее цепью к постели
И терзал, и дарил карамель!

Вот она его локтем, дуреха,
Тычет в спину: «Послушай-ка, Петь,
Ну, а ты бы сумел так, как Леха?
Я прошу, только честно ответь!»

Он сережки вдевает в уши
И с похмелья мычит, как баран,
И смеется: «Давай, дорогуша!»,
И хлебалом скребет о стакан!

Вот у черной скалы утром рано
В белом платье, с компрессом на лбу,
Катка в пропасть бросает тюльпаны
И у Петьки висит на горбу.

И ребята без понта, без дури,
Их погнали, как бобиков, вон!
И билет в Комсомольск-на-Амуре
Дали Петьке в плацкартный вагон.

...Едут, едут колонны по трассе.
Холод, слякоть. Ненастье, гроза!
Труден путь впереди и опасен.
Эй, водитель, проверь тормоза!

Будь, как камень, спокойный и строгий,
Хрен с прицепом на баб положи!
Если едешь по горной дороге,
Значит, крепче баранку держи!

1997

* * *

Карты, песни, фокусы, потеха,
Стук колес, бутылок два ряда.
Он в купе с товарищами ехал
В поезде «Москва–Караганда».

С недосыпу, сдуру ли, по пьянке
Он решил покинуть общий бал,
На глухом дремучем полустанке
За добавкой вышел и отстал.

Звезды, ночь, избушка с огородом.
Там живет обходчица путей.
Он стучит к ней: «Здрасьте, с Новым годом,
Принимай, красавица, гостей!»

Он, как призрак — крест, косое рыло,
Майка, шарф, наколка на груди.
И она вздохнула и открыла:
«Ну чего там, ладно, заходи».

Он супы, салаты ел грибные,
Он глядел украдкой на нее:
Что за черт, откуда здесь такие?
Бог ты мой, да вот оно, мое!

Семафор за окнами маячил,
Синий свет скользил по проводам,
И вдали, впотьмах, крича и плача,
Ветер душу рвал напополам.

Вот с утра объятья на дорожку,
Посошок, последний поцелуй,
И тоска на сердце серой кошкой
Так скреблась, что мама не горюй!

Он кивнул: «Пора. Гуд бай, май леди!»
Он обратно ровно через год
Восвояси с заработков едет,
Полмешка подарков ей везет.

Степь да степь в окошке, тучи пыли,
Вон разъезд, тот самый, промелькнул.
Нету здесь стоянки. Отменили.
Вот и все. Приплыли. Караул!

Дни бегут вприпрыжку, по-собачьи,
И она с перрона иногда
Машет, машет, машет наудачу
Поезду «Москва–Караганда»...

1999

* * *

Клялись не расставаться тыщу лет мы,
И сердце так и прыгало в груди,
Я помню мой звонок велосипедный,
Как я тебе сигналил: выходи!

И нам вздыхал вдогонку старый двор наш,
И был я глупым, юным и шальным,
И ливень ледяной лупил наотмашь,
И мы с тобой неслись по мостовым.

Ни забот, ни печали, —
Мы в саду городском
На траве танцевали
Босиком, босиком.

А потом — стужа, осень,
Первый снег в сентябре,
Эх, продрогли насквозь мы
Во дворе, во дворе...

Другие времена, другие песни,
И небоскреб вознесся к небесам —
Вот здесь, где мы когда-то были вместе,
И старый дом снесен ко всем чертям.

Ты службу служишь строго и серьезно,
Где из окошка — вид на мавзолей,
И дрожь берет от мрамора и бронзы,
И люди не похожи на людей.

Вот и листья опали,
Вот и все позади.
Я тебе просигналю:
Выходи, выходи!

Ты в окно между делом
Бросишь вдаль беглый взгляд,
Ты вздохнешь: «Ну и где он,
Старый дом, старый сад?»

Пейзаж уныл — и ветер, бьющий с лета,
И на кустах сирени первый снег,
И черные чугунные ворота,
И у шлагбаума черный человек,

И небоскреб — урод, индюк надутый
Из серого бетона и стекла.
И заморозки стали стужей лютой.
И ты ушла. Ты к ним навек ушла.

И дрожит, чуть живая,
Над бульваром луна.
Ни собак, ни трамваев,
Тишина, тишина.

Полумрак предрассветный
В ледяном серебре.
Вот и все. Вот и нет нас
Во дворе, во дворе...

2012

* * *

Косяком, вереницей, качаясь, плывут
Облака над Серебряным Бором.
Гости пьют да гуляют, закуски жуют.
Ты сидишь за зеленым забором.

В доме плещется праздник, шумит, как прибор.
Танцы. Смех. Это твой день рожденья.
И за окнами дождик веселый, хмельной,
Как мышонок, скользнул серой тенью.

Певчий дрозд
на высокой сосне
Ноту взял наугад, и ты знаешь,
Что к тебе не придет тот, кого ты во сне
Вот уже тыщу лет вспоминаешь —

Тот, который из школы тебя провожал
И в рубашке наглаженной, белой
Падал ниц пред тобой и по лужам плясал
И бренчал на басах оголтело.

Он тебе одуванчики рвал во дворе
В день рожденья, и ночью бессонной
Пел, свистел и букет оставлял у дверей,
И махал тебе утром с балкона...

Здесь ему
не плясать и не петь
Под прицелом, под пристальным взором.

Гости вышли наружу — природу смотреть.
Сладок рай за высоким забором.

В золотых галунах седовласый лакей
Зажигает огни нал поляной,
И с бокалом хрустальным в холеной руке
Муж твой в штатском сидит у фонтана.

И сверкающих брызг хоровод, фейерверк
Он из кресел своих наблюдает.
Все спокойно у вас. Он большой человек,
Сам живет и тебе не мешает.

Тишина
и прохлада в саду,
Камыши тянут стебли к закату,
И лучи врассыпную скользят, как по льду,
Заплутав среди мраморных статуй.

Вот и ночь. Вот и утро. Роса на крыльце.
И туман, и цветы возле двери.
Ты сидишь у окна — ни кровинки в лице,
И глазам своим сонным не веришь.

Одуванчики — вот они, желтый букет, —
Перевязаны стебли травинкой.
Ты не видишь пути, ты выходишь в рассвет,
Ты дремучие топчешь тропинки.

Ветер стекла скребет. Мимолетная дрожь
Пробегают по шелковым шторам.
Гости спать собрались. Замирает галдеж.
За забором сидишь, за забором...

1999

* * *

Ладья и ферзь в атаке, и легкие фигуры —
За шахматной доскою все ночи напролет
Валерий Николаич, учитель физкультуры,
Сидит под абажуром и чай с вареньем пьет.

Он ждет, и мы приходим, и проще нет беседы:
«Делов, мол, на копейку, чему я вас учу:
«Держать удар и верить: без правды нет победы.
И все. И друг за друга стоять плечом к плечу».

Нас жизнь валила навзничь, безумная и злая,
Лишь Петьке с первой парты все беды нипочем.
Ах, если б только знал ты, Валерий Николаич,
За что и с кем он, сволочь, стоит к плечу плечом!

По горло в суеде мы увязли, как в трясине.
Умри, но кверху шлепай по лестнице крутой!
И мы, герои спорта, на белом «лимузине»
В знакомый двор въезжаем. Но что-то здесь не то.

Сосед, хмельной и сонный, бормочет зло и глухо:
«Весною схоронили. И все. И кончен бал.
От вас же, от великих, ни слуха и ни духа.
Ах, как он ждал вас, братцы, ах, как по вам скучал!»

Плетемся, как с похмелья, и в небе черно-сизом
Озябший, одинокий, последний лист летит,
И кот облезлый скачет по каменным карнизам,
И ветер, ветер, ветер вдогонку нам свистит...

1997

* * *

Лейте, девки, горючие слезы!
Колька — тот, что не хвор и не хил,
Молодой машинист тепловоза,
Нюрку-стрелочницу полюбил.

Нюрка с желтым флажком возле будки
У Колюхи стоит на виду,
И в окно ей цветы, незабудки
Он бросает на полном ходу.

Но однажды во сне, возле двери
Завалившись в опилки башкой,
Изменить ей в циничной манере
Он решил — типа юмор такой.

...Он летит сквозь лиловую дымку
И сигналист, что жизнь удалась,
И с какой-то шалавой в обнимку
Мимо Нюрки проехал, смеясь —

Весь в помаде, с блуждающим взором, —
Он был пьян, как свинья, это факт,
Он в нее запустил помидором —
Не убить, не контузить, а так.

И, в окно с похмелюги икая,
Он ей крикнуть хотел, но не смог:
«Извини, это шутка такая,
Ты — мой нежный, в натуре, цветок!»

Эх, недаром известно в народе:
Будь на стреме, когда ты в пути!
С тем, кто стрелки тебе переводит,
Даже если ты пьян, не шути!

«Ты получишь веселую встречу, —
Нюрка шепчет сквозь слезы во тьму, —
Я такое тебе обеспечу,
Что вовек не забыть никому!»

Месяц мимо, как лошадь, промчался,
Нюрка в будке ревет от тоски,
Вот и Колькин состав показался
У моста, на изгибе реки.

А навстречу кривляется хитро
Товарняк, набирающий ход,
Жидкий хлор, аммиак и селитру
Он в цистернах железных везет.

Сердце скачет у Нюрки, как белка:
«Вот вам, суки, и буря, и шторм!»
И уже переведена стрелка
Вопреки установленным норм!

И военный с гранатами катер
(Весь в броне, пять стволов, только тронь!)
Потерял с перепугу фарватер,
И вода превратилась в огонь!

Красным смерчем кипящая пена
Заслонила от глаз небосвод,
Да еще вон с какого-то хрена
За рекой застрочил пулемет!

Да, ребята, любовь — штука злая,
Это я вам скажу без балды,
Все грохочет, горит и пылает,
И в кустах веселятся дрозды!

«Думай мозгом, братишка, кумекай, —
Я опять повторю и опять, —
Если ты полюбил человека,
Ты обязан его уважать!»

Нюрка в будке неделю рыдала —
В смысле то, что Колухе хана,
Прокурорша ее оправдала,
И народ, вон, ревет с бодуна:

«Это что же, нас всех теперь в реку?»
А она им: «Молчать, вашу мать!
Если ты полюбил человека,
Ты обязан его уважать!»

...В небе спутник скользит по орбите,
Щука жрет червяка под водой.
Отмечать годовщину событий
Нюрка вышла на берег крутой.

Ясный месяц застрял среди ночи
В облаках — ни туды, ни сюды,
И кузнечики, суки, стрекодут,
И в кустах веселятся дрозды...

1999

* * *

Милютинский сад нас всех собирал. Команда была что надо.
Покровка, Москва, — ну как вас забыть, товарищи той поры?
Ах, как мы тогда, галдя вразнобой, носились вскачь, до упада,
В индейцев играли, в пиратский бой, в Тарзана, в царя горы.

И Вовка, и я, и вся мелюзга — ходили пешком под стол мы,
И яркий, из жести и досок, корабль, как яхта в волшебных снах,
Нас принял на борт. Фонарь — как маяк, сугробы вокруг — как волны.
«Свистать всех наверх!» — И мы уже вдаль летим на всех парусах!

Милютинский сад. Скамейка. Стакан. Володька, дружище, ты ли?
Да кто же еще? Но как-то вот глаз подбит, и губа крива.
Допил и пошел, под нос бормоча: «Привет, будь здоров, приплыли!»
И в такт, и под стук разбитых подошв сухая шуршит листва.

Милютинский сад, Милютинский сад, ах, что с нами стало, братцы?
Да вон тот корабль у стенки, в углу — обломки, опилки, прах.
И где уж там в бой, в атаку идти, за правое дело драться,
Когда ты один, и не с кем лететь вперед на всех парусах?

И старый мой дом встает вдалеке из серой осенней хмари.
Своих никого. Вконец одурев, пропавших ребят зову,
И пальцы дождя по клавишам крыш всю ночь ошалело шпарят,
И ветер, свистя, с озябших осин последнюю рвет листву...

2013

* * *

Мчатся дни мои, скачут, словно черные кошки.
Эх, гулял я когда-то — ни забот, ни хлопот, —
Длинный, тощий, лохматый да в потертой одежде,
Ждал красавицу Ирку у Покровских ворот.

Важный, взрослый теперь я, весь такой разодетый,
А у Ирки и вовсе олигарх — ухажер,
И большой, вроде танка, джип болотного цвета
Возит Ирку на службу за высокий забор.

Я ищу среди ночи свет в знакомом окошке,
Помню трели трамвая, светофоров конвой,
Как же мы целовались на краю, на подножке,
И с улыбкой вдогонку нам свистел постовой!

Эх, увязли, пропали мы в шальной круговерти,
Вот везут мою Ирку сквозь морозную тьму, —
И шофер, и охрана, как болотные черти,
Тонут в серой трясине, в сигаретном дыму.

Я плетусь восвояси, ног продрогших не чуя,
Я в потемках исчезну, снег следы заметет.
Эх, умчался трамвай наш. «Где ты, Ирка, — шепчу я, —
Та, которую ждал я у Покровских ворот...»

1999

* * *

Мы в гостях. Мы пьем до дна.
 В черном вся, как сатана,
 Катька, Славкина жена,
 Нам дает добавку.
 Тесть, полковник, тоже пьет —
 За державу, за народ.
 Далеко у них пойдет
 Наш товарищ Славка.

Трень да брень, припев-куплет.
 Помнишь Таньку? Нет так нет!
 Был тебе зеленый свет,
 А потом — отставка!
 Как же он шумел-гулял,
 Он в ансамбле правил бал!
 Танька пела, он играл —
 Наш товарищ Славка.

На балкон идем курить.
 Быть ему начальством, быть,
 В гору топать во всю прыть.
 Эй, товарищ, глянь-ка!
 Эй, прищурь получше глаз!
 Вон, в полночный этот час,
 На трамвае, мимо нас
 Едет наша Танька.

Елка, свечи. Сказка, сон.
 Звон бокалов — чудный звон!

Глянец, блеск со всех сторон,
 Вензеля на вазах.
 «Это я горю в огне, —
 Славка шутит в стороне, —
 Это колокол по мне
 Зазвонил, зараза!»

Он цепляет вилок шпрот,
 Он с гостями водку пьет.
 Шею режет, горло рвет
 Галстук, как удавка.
 Кулебяки, пироги
 Тяжелы, как утюги.
 «Боже правый, помоги», —
 Тихо шепчет Славка.

По развалам хрусталия
 Серпантинная петля
 Вьется, взоры веселя,
 Ни конца, ни края.
 Тесть кемарит, сыт и пьян.
 И плывет в ночной туман,
 Как в бескрайний океан,
 Танька на трамвае...

2003

* * *

Мы за школой, на пустыре мяч гоняли — лупили с лету.
 Все мы форварды, все герои, и соперник наш обречен.
 Мелюзгу из второго «А» — Светку ставили на ворота,
 И, бесстрашная, как пантера, Светка прыгала за мячом.

Нас зовут играть двор на двор. Будет бой. Светка вслед нам машет.
 Слишком мы сильны и могучи, чтоб девчонок с собою брать.
 Светка шепчет: «Ладно, пока! Я вот здесь с букетом ромашек
 Хоть до вечера, хоть до ночи у качелей вас буду ждать!»

Восемь — ноль. Девять — ноль. Десять — ноль. Мы свое сполна получили.
 Ветер воет зло и угрюмо. Мы плетемся домой без сил.
 Светка ждет, одна. Мы в ответ всех собак на нее спустили:
 «Отойди. Отстань! Все нечестно! Нас судья, подлец, засудил!»

Дядя Саша, бывший штангист, алкоголик в старых кроссовках —
 Нам сказал: «Берегите Светку, без нее игра — не игра».
 Светка выросла, в цирк пошла, и под куполом на веревках
 Крутит сальто. Ей розы дарят за смертельные номера.

Годы мчатся, черт бы их взял. Наша песня почти допета.
 Ну и кто нас когда услышал? Вот беснуются холода.
 Вот посланец из теплых стран в «Мерседесе» черного цвета
 К нам во двор прикатил за Светкой и увез ее навсегда.

Мы, понурые, пиво пьем, мы по горло вязнем в печали,
 Одурев от летящих листьев и от крика гусиных стай.
 Если б был у нас «Мерседес», мы бы тоже ее катали,
 Только нет у нас «Мерседеса». Вот и все. Санек, наливай...

2001

* * *

В. Кузину

Мы по-тихому, хитро и ловко,
 Перепрыгнули школьный забор —
 Здесь тоска, как на горле веревка —
 Душит, дергает, жмет. Мы с товарищем Вовкой
 Закатились в Серебряный Бор.

Завуч зол, и вконец озверела
 Историчка, как Баба-яга.
 Нам смотреть на нее надоело.
 Прогулять шесть уроков — хорошее дело,
 Мы ударились с Вовкой в бега!

Мы корабли из сосновой коры
 Вырезали,
 В дюнах песчаных на гребень горы
 Вылезали,

В роще березовой возле реки
 У причала
 Белок печеньем кормили с руки
 До отвала.

Мы на хлипкой тарзанке катались,
 Мы с косого обрыва в песок,
 Хохоча и свистя, кувыркались,
 Мы сосновыми шишками в небо бросались,
 Дождь в отместку хлестал нас и сек.

Мы с Володькой счастливыми были,
 Мы в пельменной бездомному псу

По дешевке костей накупили
И по чистой траве, где ни грязи, ни пыли,
С ним вприпрыжку носились в лесу!

В небе высоком безудержный гам
Подняли птицы.
Вот и стемнело. Пора по домам
Расходиться.

И по привычке потом, не со зла,
Так уж было,
Светка-отличница нас предала —
Доложила.

В порошок нас, в опилки стирая,
Педсовет был азартен и лют —
Хор солистов, матерая стая.
Лишь физрук проворчал: «Что за школа такая,
Если ноги туда не идут?»

Как на полном ходу электричка,
Сам директор наехал на нас,
И не то чтоб совсем истеричка,
Но в конвульсиях билась, тряслась историчка,
И у физика дергался глаз.

Вот и давай нам с души соскребать,
Словно копать,
Дурь день за днем, чтоб нам ровно шагать,
В ногу топать.

Все, кто любил нас, пылая, горя,
Были — сплыли.
Нет физрука — на покой втихаря
Проводили...

Мы опять на уроке скучаем,
Нас почти что прошибла слеза:

Ох, велик же он был, нескончаем
Список жертв при царе — мы сидим, изучаем
Катерину из драмы «Гроза».

Чацкий будет, как бобик, кусаться:
«Во как всех я вас к стенке припер!»
И Каренина выступит вкратце, —
Им бы всем, чем под поезд и в реку бросаться,
Закатиться в Серебряный Бор!

Им бы свободного ветра глоток,
Им бы, что ли,
Самую малость, хоть крошку, чуток
Вольной воли.

Вот, например, из меня пуп земли
Получился:
Я из коры вырезать корабли
Научился...

2016

Москва, Серебряный бор, 1973. В первом ряду: Александр Самыгин,
Сергей Киреев, Николай Мурашов, Владимир Кузин

* * *

Мы пролезли, проникли в святая святых,
В рай, к великим вождям, за высокий забор.
Все при нас — кипарисы, фонтаны, цветы,
Тихий берег, прохлада, простор.

Мы искали приют средь людской толкотни,
А в укромных угодьях — особый режим.
Мы, от хохота при смерти, рядом, одни,
Обессилен, на листьях лежим.

Вот, опухнув от отдыха, дружной толпой
Ходят тетки в панاماх, телами трясут,
И принес нам, свистя, рванный рупь на пропой
Свежий ветер — болтун, баламут.

В волнах, в пенной пучине застряли, теснясь,
Катера, корабли, как в башке бигуди.
Мы с любимой страной не выходим на связь,
Мы за кадром. Спасибо, вожди!

Двух бульдогов пузатый пасет старшина,
Службу бдит на посту с целью быть начеку.
Сухарей, чтоб хрустел, и в бутылке вина
Мы оставим ему, чудаку.

И чугунный над нами застыл истукан.
Эй, браток, будь при деле! Уснем — не буди!
Мы в раю. Мы под пальмой подняли стакан.
Пьем за вас, дорогие вожди!

1988

* * *

Т. К.

Мы прошлую жизнь позабыли с тобою,
Ты помнишь, как в ночь сумасбродную ту
Ты бросила в реку кольцо золотое
И чайки кружились, крича на лету?

...Родня и подруги твои говорили:
«Да кто он такой? Ни кола, ни двора!»
А мы до рассвета в обнимку бродили,
А мы целовались с тобой до утра.

И плечи твои, и ладони, и губы
Я грел, как умел, и от счастья плясал,
И ветер валил водосточные трубы,
И ливень листву на деревьях кромсал.

И слышал весь город, весь мир, нам казалось,
Как наши с тобою стучали сердца,
А после мне мама, вздыхая, сказала:
«Сынок, если любишь, иди до конца...»

Сто лет пролетело, и счастье рукой нам
По-прежнему машет, и прочь со двора
От нас ни на шаг, потому что мы помним,
Как мы целовались в ту ночь до утра...

2014

* * *

Мы с самолета травим химией
И грызунов, и саранчу.
Прости мне, Господи, грехи мои, —
Садись, Маруся, прокачу!

Она тихонько дверью скрипнула,
С рассветом вышла голубым
И в «кукурузник» мой запрыгнула,
И мы летим, летим, летим!

Штормит, однако. Мне икотою
Ввиду похмелья сводит рот.
Но я держусь. Мотор работает.
Маруся семечки грызет!

Худые, как туберкулезники,
Березы белые внизу,
А мы — советские колхозники,
И мы летим через грозу!

Внизу хоромы трехэтажные,
Там пузо греет жирный жлоб.
Туда башкой войти отважно я
Хочу, как «Боинг» в небоскреб!

Я разобраться с ним, пронырою,
Хочу при солнечном луче.
Оно взошло! И я пикирую!
И Манька дремлет на плече!

Спокойно спят поля с капустою,
Река и роща, сельский клуб.
А я герой, я это чувствую!
Гастелло! Чкалов! Кожедуб!

Как будто вниз лечу с обрыва я,
Маруся шепчет: «Нет, не смей!
Рули и знай, что мы счастливые
И что любовь главней, чем смерть!»

Прошли на бреющем под окнами:
«Живи куда, боров, хряк!»
И Маня крестик тихо чмокнула,
Когда я выправил рычаг!

Ему, пузатому Рокфеллеру,
Шарфом махаю, кверху взмыв:
«Держись подальше от пропеллера,
В сарае спи, и будешь жив!»

А значит, пьянку бесшабашную
Готов затеять стар и млад,
Когда колхозники над пашнею
На «кукурузнике» летят!

А я черешню ем с черникою
И запиваю зельем злым,
А воробьи вокруг чирикают,
И мы летим, летим, летим!

Буржуи, как жуки-навозники,
Пускай ползут, куда хотят,
Когда советские колхозники
На «кукурузнике» летят!

2001

* * *

На мосту стояли, целовались
Я да Любка, ели мармелад!
Соловьи на ветках заливались,
Я разлил по полной в аккурат.

И сказал я: «Милая, родная,
Я две сотки принял неспроста,
Хочешь, рыбкой прыгну для тебя я
Прямо в реку с этого моста!»

У меня в груди бушует пламя!
Я ходил, хотя и был не прав,
На медведя с голыми руками,
Нож с ружьем по пьянке потеряв.

«Мне тебя порадовать охота!
Я — спортсмен, в натуре, без понтов,
Я желаю подвига, полета,
Только свистни, Любка, я готов!»

«Жаль тебя, — она в ответ сказала, —
Если ты назад из глубины
Не вернешься, значит, все пропало
В плане жизни, счастья и весны!»

За рекою колокол трезвонил,
Птицы пели. Счастье! Благодать!
Жизнь одна, — прикинул я и понял —
Мне костей тут точно не собрать!

Ладно, Любка, лучше спеть дуэтом,
Но зато на следующий раз
Я в полете сальто с пируэтом
Для тебя исполню на заказ!

Вот живу я, все вокруг вкушаю, —
Тот, кто умный, тоже так живи!
Вот я Любку замуж приглашаю
По причине пламенной любви!

Любка смотрит в землю. Нет ответа.
Есть вопрос: «Ты как сюда попал?
Где они, прыжки и пируэты, —
Те, что ты исполнить обещал?

Сделай, что ли, двадцать приседаний,
Отожмись от пола восемь раз!
А не можешь — значит, до свиданья!
Да, ты понял — к черту с моих глаз!

Ты ко мне привил, как оказалось,
Страсть к полету, тягу к куражу!
В общем, я с гимнастами связалась,
С циркачами время провожу!»

Эх, несутся годы без оглядки,
Эх, судьба смеется, как свинья!
Острый нож сует мне под лопатки,
Эх, пропала молодость моя!

Я в плаще гуляю на природе,
Сыт, спокоен, цел и невредим.
Парк. Луна. Заморыш-пароходик.
Тот же мост. И я на нем, один.

Ветер воеет тенором унылым,
Гонит листья, словно саранчу.
Я стучу ключами по перилам,
«SOS! Спасите!» — вот что я стучу.

Любка, может, где-то там в каюте
С кем-нибудь, стаканами звеня,
Пьет портвейн в прохладе и уюте
И в окошко смотрит на меня.

Помню, помню Любкины ладони,
Как я грел их. Берег был в цвету.
Птицы пели, колокол трезвонил,
Мы вдвоем стояли на мосту...

1997

* * *

На палубе с артистами
Он пляшет, пиво пьет.
От старой тихой пристани
Отходит пароход.

Волна кривая катится.
Прохлада. Гладь да тишь.
А ты в коротком платице
Под вербою стоишь.

Со смехом, с твердой верою
В счастливую звезду
Он пьет портвейн с мадерою
И прочую бурду.

Поник бурьян с крапивою,
Листва летит с дубов.
Они кино красивое
Снимали про любовь.

Чего ему кручиниться?
Он шлепал босиком
В обшарпанной гостинице
Под серым потолком,

И мух гонял газетою,
И резал огурец,
И звал тебя Джульеттою,
И водку пил, подлец!

И зуб его из золота,
И сам он вместе с тем
Помощника какого-то
Ведущий ассистент.

Он пил коньяк с какавою
Под трели соловья:
«Иди сюда, кудрявая,
Хорошая моя!»

Луна в окошке морщилась
В рассветной полутьме,
И все. И лето кончилось,
И вот он — на корме.

Мотает жидкой гривою,
Роняет морду в плов.
Они кино красивое
Снимали про любовь.

За скалы солнце прячется,
И ветер гнет камыш,
А ты в коротком платьице
На пристани стоишь...

2005

* * *

А. Морозову и О. Морозовой

Наш бумажный смешной самолетик
Из тетрадного сложен листа.
Вы куда его, звезды, зовете?
Что ты, ветер, ему нашептал?

Танец скорби, тоски и печали
Лунный луч исполнял на стекле.
Мы себя, как умели, спасали,
Мы, зажмурив глаза, написали
По три слова на каждом крыле.

Он в полете очнулся и ожил.
Он чуть виден сквозь иней и снег,
И слова, вон, просты и похожи:
«Я тебя...» «Да, и я тебя тоже...
До могилы, до гроба, навек...»

Пусть друг друга с тобой убережь мы
Не смогли от потерь и обид,
Но, свободный, шальной и беспечный,
Он летит, он летит, он летит.

Тут и там разрывая на части
Развеселых ветров хоровод,
Сквозь метель, непогоду, ненастье
Наш бумажный летит самолет.

Беспросветная, темная, злая,
Ночь над городом серым висит,
Но я помню, я верю, я знаю,
Он летит, он летит, он летит...

1994

* * *

Не с «шестерки» пошел я, с козыря,
Зорким глазом во тьме вращаю,
Жму на «газ», я главней бульдозера,
Я на тракторе баб катаю!

Братья-друзи, соседи-хроники,
Спят с похмелья и встать не могут.
Я не сплю. Я под звук гармоника
Взял да выехал в путь-дорогу!

Я ударник, я сельский труженик,
Еду, шишки в окно кидаю,
Я орел средь козлов контуженых,
Я на тракторе баб катаю!

Ну чего мне с унылой рожею
На гусиную гавкать стаю?
Ой, в порыве, в полете тоже я,
Я на тракторе баб катаю!

Девкам по хрену гололедица!
Пир горой на лесной полянке!
Бьем, крестясь, по Большой Медведице,
По Юпитеру из берданки!

Машка даст мне пирог с капустою,
Клавка даст кулябюку с мясом,
Я на подвиги их напутствую
Прибауткой и переплясом!

Заболели вожди и померли,
Спите, что ж теперь, баю-баю!
Я живой, я под кайфом по миру
Сам катаюсь и баб катаю!

Вот допили, опять поехали!
Воспари, вознесись над бездной,
Весь с заплатами и прорехами
Мой товарищ, мой конь железный!

Я Россию, страну великую,
Из окошка обзираю,
Я в гудок на нее библикаю,
Я на тракторе баб катаю!

Зверя лютого, тварь зубастую
Песней вгоним в тоску и трепет!
Девки, слышь ты, живут и здравствуют,
Пляшут вальс на ходу в прицепе!

Чух-чух-чух! У меня служение
Вольной воле, родному краю,
Я застой привожу в движение,
Я на тракторе баб катаю!

Я горазд на затею дерзкую —
Жизнь, любовь, где хочу, внедряю,
Я живу, и люблю, и действую,
Я на тракторе баб катаю!

1994

* * *

Небо
сыпет снежную крошку.
Тополь
почернел и продрог.
Снова
мать сидит у окошка:
Что ж ты
не приходишь, сынок?

Легче
нес, тащил бы ты крест свой,
Если б
хоть на час забежал.
Мы бы
посидели, как в детстве,
Ты бы
все, как есть, рассказал.

Вечер.
Ты к любимой невесте
Мчишься.
Вам до ночи гулять.
Знаю —
вы уедете вместе
Счастье
за морями искать.

Город —
не запомнить названья —
Ждет вас,
и еще сто дорог.
Мне бы
помахать на прощанье,
Что ж ты
не приходишь, сынок?

2009

* * *

Он уезжал, и тени черные метались
По голым стенам, и на стол лилось вино.
Они три дня в пустой квартире расставались,
И были сумерки, и снег летел в окно.

Она плечами повела: «Да все пустое!
Ну что с того, что ты красавец и герой?
Хочу сейчас, а не потом, чтоб пир горою
И чаша полная, и дом с большой родней!»

И он рукой махнул, и встал легко и резко,
И прочь ушел: «Привет родне, прости-прощай!»
А снег летел, и ветер комкал занавеску,
И телефон в углу трезвонил, как трамвай.

А за стеной гармонь хрипела зло и гулко.
Она минуту прождала, совсем чуть-чуть...
Она неслась за ним по скользким закоулкам:
«Постой, да где ты, да ответь хоть что-нибудь!»

Она судьбу кляла вздохом и ту минуту,
И псы скулили про унылый свой удел,
И месяц плелся сквозь метель — горбатый, гнутый.
И рядом не было его. И снег летел...

1992

* * *

Он в простынях увяз по локоть,
Он был приветлив, весел, мил.
Она ему читала Блока,
А он лежал и пиво пил.

Как поплавок, вагон качался,
И голос мягкий в полутьме
Ее души едва касался,
И свет луны в окне казался
Цветным пятном на полотне.

Огни мелькали, птицы, тучи,
Березы, елки, провода.
Он понимал — она всех лучше
И если с ней — то навсегда!

А за стеной давали жару,
А сердце грохало в груди:
«Гуляй, живи, пока не старый,
Да вон их сколько — пруд пруди!»

Потом на плечи и ладони
Им ошалелый падал снег,
И на заснеженном перроне
Она прощалась с ним навек.

И посошочек на дорожку
Он взял на грудь: «Привет. Пора!»
И с песней прыгнул на подножку
И куролесил до утра!

Пора промчалась золотая,
Прошли горячие деньки,
Красавиц томных толпы, стаи,
Подруг веселых косяки!

Замка щелчок, как лязг затвора,
Звучал в ночи. Он уходил.
И помнил ту одну, с которой
Он был приветлив, весел, мил.

«Я вас люблю, и все такое», —
Она тогда сказала вслух,
А он ослаб от перепоя,
А он от проводов опух.

А он сквозь дрему гнал устало
Из головы вокзальный гул.
Она ему стихи читала,
А он лежал и в ус не дул...

1996

* * *

Т. К.

Пивная «Ландыш» — наша светлая заря,
Здесь нету стен, а стулья сроду не стояли.
А нам-то что? А снег в начале октября
Пошел в тот год. Мы третий день с тобой гуляли.

И я сказал, хлебнув совсем чуть-чуть:
«А свадьбы-то и не было у нас!
Так и давай ее, чего тянуть? —
Вот прямо здесь сыграем и сейчас!»

...Сомнительные личности вокруг —
У столиков — с десятков человек —
Сигналили: «Сюда! Нормально, друг!»
Москва-река. Пивная. Первый снег.

И я тебе, веселый стих читая вслух,
Вокруг запястья повязал кленовый стебель, —
Браслет как будто, и снежинок белый пух
На кружках таял, и листва кружилась в небе.

Кружился ветер в танце над водой,
И нам спортсмен веслом махал: «Привет!»
И личности галдели вразнобой:
«Ребята, горько! Жить вам тыщу лет!»

И милицейский строгий старшина
На шум явился, глянул и застыл,
И почесал затылок, и до дна
Стакан за наше счастье осушил.

И тетя Нина с королевского плеча —
Та, что за стойкой, нам взяла и подарила
На блюде закусь — астраханского лебса.
«Эй, вы, чтоб все у вас по правде было!»

И шар земной летит, как колобок!
Куда? Зачем? Не выпьешь — не поймешь.
И все у нас по правде, видит Бог,
И пусть нам врут, что миром правит ложь!

...Снесли пивную. Личностей тех нет.
Живу и помню всех до одного.
И мы с тобою вместе тридцать лет.
И нету нас счастливей никого...

2010

* * *

Они навсегда расставались,
Он плечи ей грел и ладони,
Они на ветру целовались
На пыльном проклятом перроне.

И он, на потеху вокзалу,
И выпив, быть может, чуть лишку,
В одежке своей обветшалою
Бежал за вагоном вприпрыжку.

Она ему тонкой рукою
Махала едва, еле-еле.
Закат догорал за рекою,
Осенние листья летели...

Она, вон, девчонка простая,
Артисткою стала в столице.
Он был, и пропал, и растаял,
Как сон, как слеза на реснице.

Потом с ней другие прощались,
И корчилося сердце от боли,
И годы шальные промчались,
Как волки по снежному полю.

Потом она, брошена всеми,
В лохмотьях каких-то убогих,
В палате, где серые стены,
Сидела одна на пороге.

И только его вспоминала,
Заката последнюю вспышку
И как он вдогонку по шпалам
Бежал за вагоном вприпрыжку.

И помнила свет семафора,
И ветра безумные трели,
И пыльный перрон, над которым
Осенние листья летели...

2005

* * *

Т. К.

Парк. Пивная «Ландыш». Вот оно, начало.
Мы с тобой в обнимку по Москве бродили,
Листьями шуршали, а потом с причала
На речной трамвайчик прыгнули, поплыли.

И матрос веселый танец буги-вуги
Нам включил: пляшите, помогу, не струшу!
И мотив веселый, легкий и упругий,
Как стрела шальная, нам вонзился в душу!

Слева санаторий, серые заборы.
Важные персоны лечат там печенку, —
Сморщенные, злые, словно мухоморы,
Да и те, вон, машут нам с тобой вдогонку!

Месяц еле светит над Москвой-рекою.
Город в полудреме, как в стальной кольчуге,
Знай себе скучает, только мы с тобою
На ветру танцуем танец буги-вуги!

Девки молодые с рыжими кудрями
На мосту собрались, воют, как белуги!
Им на борт охота — да хоть с кем, хоть с нами,
Хоть с матросом вместе сбавать буги-вуги!

Вот и путь окончен. «Дотанцуем позже, —
Ты сказала с грустью, — дальше сам кумекай!
Будь здоров. Поеду». «Нет уж, я продолжу!
До утра, до завтра, до скончанья века!»

Век живем. Наш ангел начеку, при деле.
Нас с тобой обходят ураганы, вьюги.
Мы ж тогда не пузо на песочке грели,
А всю ночь кружились в ритме буги-вуги!

2015

* * *

Пионерское лето. Прощальный костер.
Искры в небо летят, и светлы облака.
Завтра в путь. И печален у нас разговор,
И минуты бегут, и разлука близка.

Свист ночной электрички до дрожи, до боли
Душу вдребезги, в ключья кромсает и рвет,
И старинные вальсы наш друг дядя Коля
Нам сегодня играет всю ночь напролет.

Старый тополь в потемках по горло увяз,
Звезды тают в полете осколками льда.
Будет новое лето, и кто-то из нас
Не вернется сюда никогда, никогда.

На пилотках и галстуках завтра друг другу
Мы, прощаясь, напишем свои адреса,
А сейчас я веду тебя в танце по кругу,
Нам осталось всего полчаса, полчаса...

«Мы сто лет будем жить», — я шепчу, я твержу,
Это после у нас все пойдет кувырком,
А пока я тебя осторожно кружу
На ветру, возле сосен, под звездным дождем.

Нам с тобой зимовать, как судам на приколе,
И судьба между нами мосты разведет.
Наш костер догорает. Играй, дядя Коля,
Ветер, ветер холодный вдали, в чистом поле
Напоследок тебе подпоет, подпоет...

2010

Подмосковье, 1972, пионерский лагерь «Ленинец»,
С. Киреев (справа, в прыжке)

* * *

Т. К.

Плачут птицы, тает эхо, замирает звук,
Лес в ознобе, и над озером зажглась звезда.
Видишь, снова гуси-лебеди летят на юг?
Нам бы вместе вслед за ними, все равно куда.

Завтра — поезд, ты останешься, а мне опять —
В стаю, сутолоку, смуту, болтовню и бред,
Свет погасим, печь затопим и не будем спать,
И туман падет на землю, как пушистый плед.

Ты свечу на стол поставишь и нальешь вина,
Сядешь, выпьешь неумело, рот скривишь смешно.
Ветер, затемно шатаясь по полям без сна,
Марш разлуки нам с тобою пропоет в окно.

Дай мне руку, погадаю, все равно о чем,
Дай же, слышишь, только б за руку тебя держать,
Хочешь, кольца обручальные из трав сплетем?
Хочешь, будем до рассвета в трех соснах петлять?

Мало дней у нас с тобою и любви в обрез,
Вон, еще один уходит, как вода из рук,
Это сумерки спустились на осенний лес,
Это снова гуси-лебеди летят на юг...

1989

* * *

По стеклам лупит дождик разудалый,
И электричка сквозь железный гул
Отходит от Казанского вокзала,
И я в углу обшарпанном уснул.

И нерв души, обугленный, как спичка,
Меня терзает. Помню дым и чад, —
Отходит от вокзала электричка,
Вот так же точно, тыщу лет назад.

По шпалам стук — колеса бьют чечетку.
Визгливый, плачет в тамбуре баян.
Мы с другом Колькой едем на Чукотку,
А там — на Полюс, через океан!

Мы по два класса в школе отмотали,
И нам любые бури нипочем,
И если в плен полярники попали,
То мы их обязательно спасем!

У нас котомки ломаются от снеди,
И компас — наш законный Бог и царь,
Мы взяли все — и сахар для медведей,
И котелок, и карту, и фонарь.

Кругом народ — пришибленный, согнутый,
А нам чего? Наш путь — на край Земли!
И два сержанта сняли нас с маршрута
И в кабинет за шкуру привели.

И на одной протяжной хриплой ноте
Стуча в окошко, ветер голосил,
И старшина вздыхал: «Ну, вы даете!»
И грустен был. И чаем нас поил.

И семафора свет дрожал, метался
Сиянием полярным на стекле,
И черный кот под стулом кувыркался,
И телефон трезвонил на столе.

Мы слезы на пол редкие роняли,
И грохот был великий, шум и гам,
Когда отцы с военными ремнями
Пришли к нам и сказали: «По домам!»

Мы под конвоем тихо удалялись.
Нам товарняк свистел за упокой,
Луна и звезды в рельсах отражались,
И старшина махал нам вслед рукой.

Нам от тоски кромешной с непривычки
Сдавило грудь и челюсти свело!
Ушел наш поезд к черту на кулички,
И наше время вместе с ним ушло!

Ушло-прошло. Что было, то пропало.
Другой расклад, другие времена.
Вагон, качаясь, катит от вокзала,
И друг мой Колька — вот он, у окна, —

Понур и пьян. Чертей шальное войско
Он гонит прочь, соседей веселя.
В руках посуды полная авоська
И рванный шарф на шее — как петля.

И на запястье — синяя наколка,
И я ему о северных снегах
Твержу вздохом, кричу: «Ты помнишь, Колька,
Как мы с судьбою бились в пух и прах?»

Он с недосыпу скрючен, зол и бледен,
Он крутит мордой: «Хватит. Ерунда.
Мы все равно на Полюс не поедem
Ни завтра, ни сегодня, никогда».

Он мне налил. Он сел культурно, сбоку:
«Да ладно, было дело, мы в поход
Хоть как-то, но отправились, ей-богу,
А кто за нами? Черт его поймет...»

1992

* * *

Помнишь ли, нет, как я с душой ломаной, рваной
Встретил тебя, за руку взял: «Здрасьте, привет!»,
Как мы с тобой шли босиком вдоль океана —
На фонари, за ночь устав, к людям, на свет.

Пальмы, песок, ветер в кудрях — рай, да и только!
Мне бы с тобой тысячу лет в этом раю
Жить-поживать, пить, не спеша, пиво за стойкой
И при себе так и держать руку твою.

Волны, рыча, наши следы стерли и смыли.
Помню твой вздох, шепот в плечо мягкий, как снег:
«Где тебя, где ветер гонял, черти носили?»
Что ж ты ко мне поздно пришел, мил человек!»

Пел соловьем, сальто крутил перед тобою,
Праздничный люд прочь от тебя грудью тесня,
Устриц на спор ел в кабаке — вот, мол, какой я!
И на песке пальцем чертил: «Помни меня!»

«Помни меня, — был твой ответ, — да, разминулись,
Да, ты гулял, дальнюю даль песней пьяня.
Да, ты кружил возле других окон и улиц.
И все равно — помни меня. Помни меня».

Я улетел — к целям большим правильно топать.
Годы прошли, перескочив с шага на бег.
Душу во сне комкает, рвет тихий твой шепот:
«Что ж ты ко мне поздно пришел, мил человек?»

1994

* * *

Месяц в небе мелькнул, словно в море пропавшая лодка,
И туман за окном, и колючим кустарником скрыт
В серой тьме силуэт. Снова снится мне друг мой Володька —
Здесь, у нас, — это он возле дачной калитки стоит.

Нас жизнь развела. Таких не забыть. Он из тех ребят,
Кто в пекло — в разведку, в бой идет впереди.
Володька, сюда, я здесь, я ждал тыщу лет тебя!
Куда ты опять, куда? Пстой, подожди!

Помнишь: клумба, бульвар, ночь, и мы под дождем — два подростка
Рвем цветы для нее, — помнишь, Галка такая была?
Королева двора — кудри, бант, та еще вертихвостка, —
Только даже она нас поспорить с тобой не смогла!

Терраса скрипит в ночи — дощатая, летняя,
И сердце, сердце в такт колотит в груди:
Володька, где ты, где, я ждал тыщу лет тебя,
Куда ты опять пропал? Пстой, подожди...

...В рукавицах свинец — помнишь, было, как шли по району,
Как чужая шпана растереть нас хотела в песок?
Помнишь, как я с тобой круговую держал оборону?
Весь-то круг — я да ты. Мы отбились тогда, Бог помог.

Рябина дрожит на ветру, как кошка бездомная.
По саду к калитке иду, очнувшись от сна.
Уплыл, пропал силуэт. Да был же он, помню я!
Володька, пстой, подожди! Туман. Тишина...

2016

* * *

Пульс, как пьяный балбес, пляшет польку,
Нас с Серегой накрыли снега.
Мы подругу, красавицу Ольку
Провожаем к чертям на рога.

И скучает впотьмах поневоле,
И застыл, окунувшись в пургу,
Как пиратский фрегат на приколе,
Одинокий трамвай на кругу.

Миг остался всего лишь, и только,
Он вздохнул и отчалил. Беда!
Королева, красавица Ольга,
Уплывает от нас навсегда!

И унылый фонарь среди ночи
Светит нам сквозь мороз и метель,
И стучит по вискам, и грохочет,
Как кувалда, трамвайная трель.

Словно колокол бьет корабельный
По засыпанной снегом стране —
Да, по ней, окаянной, похмельной,
По Сереге, по Ольке, по мне!

Мы коньяк закусили конфетой.
Наша Ольга трясется в тепле,
Машет варежкой нам и монетой
Пишет «SOS!» на морозном стекле.

Эй, родная страна, ну-ка спой-ка
Нам про жизнь и умри от стыда —
Королева, красавица Ольга,
Уплывает от нас навсегда...

1998

* * *

Путь-дорога дальняя без конца и края,
Месяц в небе ерзает хитрою лисой.
По ночному городу едет на трамвае
Девушка красивая с длинною косой.

Жалкий и потерянный, словно собачонка,
Из тумана светит ей сонный светофор.
Ветер, пьяный вдребезги, воет зло и звонко,
И трамвай качается — стар, сутул и хвор.

Девушка красивая друга вспоминает —
Жаркие объятия, лилии в пруду,
Будто он опять ее любит и ласкает
В яблоневых зарослях, в городском саду.

Ночь терзали криками глупые синицы,
Он ей косу русую теребил рукой:
«Ты ко мне на поезде приезжай в столицу,
Спросишь Ваську Рыжего на углу Тверской».

И она приехала из дремучей дали,
Все углы обшарила, больше нету сил:
«Эй вы, люди добрые, Васю не видали?
Он меня в Москву к себе, в гости пригласил!»

Девушка красивая едет на трамвае,
Шепчет: «Ну и гады здесь, ну и фраера!»
Вот ей пес ободранный головой кивает,
Вот и круг, конечная. Вылезать пора...

2002

* * *

Раненым волком вдали электричка воет,
Поздний троллейбус скулит, как бездомный пес...
Вот и случилось. Сдаем все, что есть, без боя —
Дом наш назначен, записан под слом, под снос.

Вот и случилось. Коты вместо нас на лавке,
Что-то почуяв, пируют в охотку, всласть.
Дядя Сережа — сосед наш, артист в отставке,
В спячку, в столбняк не дает нам сегодня впасть.

«Эй, — кричит, — где душа?
Сгинет все и сгорит, чем жили мы,
Все, чем каждый дышал!
Станем хворыми мы и хилыми.

Что свобода и честь?
Так, пурга, дребедень, названьице!
Жизнь, как ржавая жесть,
Расползется по швам, развалится!»

Дядя Сережа в беседке сидит с гитарой,
Дядя Сережа сегодня слегка нетрезв.
Сохнет крапива, и в сумерках тополь старый
Возле забора застыл, как могильный крест.

Дядя Сережа портвейн наливает в кружку,
Бесится ветер, и птицы летят на юг.
«Черт вас возьми, да вцепитесь же вы друг в дружку, —
Он нам поет, — нам иначе конец, каюк!»

Стены стонут, скулят:
«Все, прощайте, ребята, пожили,
Спилят нас и спалят
Через пару недель, чуть позже ли.

Вор, предатель и трус
Зельем сладким вас будут потчевать.
Крепок был ваш союз,
Да и он станет пылью, точно ведь?»

Ветер кусты изломал. Старый двор безлюден.
Дядя Сережа до одури горло рвет:
«Братцы мои, неужели мы все забудем,
Порознь пойдем, и душа превратится в лед?»

Дождик, танцуя, скользит по скрипучей крыше.
Тяжко, как в ночь перед казнью, вздыхает дом.
Дядя Сережа играет, никто не слышит.
Жизнь впереди. Что он пел, мы потом пойдем.

Вкось и вкривь, так и сая
Мы несемся по жизни, кружимся —
Вразнобой, враскосяк,
Все со швалью какой-то дружимся,

Черт-те с кем, во всю прыть
Рвемся вдаль — чуть быстрее, тише ли...
Нам его не забыть,
Как он пел нам, а мы не слышали...

2014

* * *

Скрип полозьев веселый слышу —
Отзвук давней лихой поры!
Я один наверху, всех выше,
Я на санках качусь с горы!

Ветер в варежках, снег в ботинках,
Стужа лютая, злой мороз!
И внизу, вон, соседка Нинка
Что-то шепчет себе под нос.

Раз за разом лечу в сугробы!
Нам по восемь неполных лет.
Нинка смотрит за мною в оба
И снежки мне бросает вслед.

Мне катиться под этим взглядом
Хоть по радуге — трын-трава!
«Милый, родный, держись, не падай», —
Вот такие ее слова.

...Наши с Нинкой пути-тропинки —
Вкривь и вкось. Мы сто лет назад
Разлетелись, как две снежинки.
Я вдали от ребят, от Нинки,
Я в кольцо холодами взят.

Я вершину руками трогал.
Я на спуске увяз, пропал.
Я в тумане ищу дорогу,
Среди черных петляю скал.

И беда уже бродит рядом,
И звучит, что за черт, в ночи
Нинкин шепот: «Держись, не падай,
Поднимайся, ползи, кричи!»

Я от страха горланил песни,
А она мне из мутной мглы
То махнет, то опять исчезнет,
То срезает со мной углы.

Белый омут, покой холодный
Звал, цеплялся, дразня, маня.
«Да шагай же ты, милый, родный!» —
Нинкин крик поднимал меня.

...Мне дают сухари на полдник.
Я для Нинки прошу конфет.
Как я в лагерь приполз, не помню,
Нет метели и Нинки нет.

Все смеются: «Меняй пластинку,
Ты из вечных вернулся льдов!
Да очнись ты, какая Нинка?
Мы чужих не нашли следов!»

Вот с бинтами подходит тихо
И зеленкой меня прижгла
Катка, та, что у нас врачаха:
«Это Нинка тебя спасла.

Эх, счастливые вы, ей-богу!
Столько помнить... Ты бредил ей.
Будь здоров, дорогой Серега,
Поправляйся, таблетки пей!»

1997

* * *

Слепого дождя заунывное соло
Вдали замирает в предсмертной тоске,
И солнечный зайчик — как лета осколок.
Последние листья плывут по реке.

Их снова и снова в чужие пределы
Стремнина уносит навек, навсегда
Их ветер несет наугад, неумело,
Их тащит под камни шальная вода.

Окрашены волны в закатное пламя,
И рядом два желтых прозрачных листа
Плывут, как танцуют, касаясь краями,
И даль впереди холодна и чиста.

Они без оглядки в дорогу пустились,
Эх, нам бы вот так — до конца и вдвоем,
Они друг за друга в пути зацепились,
И Бог им не страшен, и черт нипочем.

Других, вон, всю по камням и корягам
Таскает и крутит, мотает и рвет,
А эти в обнимку вдоль берега, рядом,
Забыв обо всем, продолжают поход.

Вот так нас носило с тобой этим летом
Сквозь ночи и дни, тут и там, налегке,
И наша нехитрая песенка спета.
Последние листья плывут по реке.

Нам ветер свистел про любовь и разлуку,
Дудел в свою дудку опять и опять,
И время летело, и я твою руку
Держал, как умел, и не смог удержать.

И город в закате, как в омуте, тонет,
И берег размыт. Я один на мосту.
И холод перил обжигает ладони,
И птицы, прощаясь, кричат на лету.

И в небе — веснушками — ранние звезды,
И след самолета — как шрам на виске.
И ветер холодный куражится вдосталь.
Последние листья плывут по реке...

1979, 1999

* * *

Славка, старый мой друг, машет, машет мне вслед из окна,
Тает в сумерках двор, хоть по-волчьи, взახлеб, голоси.
«Все, сынок — шепчет мать, — мы свое здесь испили до дна,
Здесь погибель, беда!» Мать увозит меня на такси.

Под трамвайные трели, под скрежет железных колес
Воробьи и вороны по нам панихиду поют,
И безумный конвой ошалевших от стужи берез
Колыханьем ветвей отдает нам прощальный салют.

Ветер лютый, лихой по окрестным гуляет дворам.
«Эй, куда вы, постойте!» — свистит, удила закусив.
Я шепчу: «Мы вернемся. Я буду большой, я не дам
Никому никуда насовсем уезжать на такси».

Ночь в окошке. Окраина. Айсберги белых домов.
Мы в ночи среди них, как затертая шлюпка во льдах.
Наша новая пристань — подъезд — нас встречает без слов,
Ничего, мы свернем тебе шею, погибель-беда!

Снова ветер колючий свистит, как свинец у виска,
И пустырь под луною безлюден и мертв, хоть кричи,
И шофер нам сигналист: «Удачи! Держитесь! Пока!»
И фонарик зеленый от нас уплывает в ночи...

2004

БАЛЛАДА О КОЛЕСЕ

Соскочив, сорвавшись из дурдома,
Леха перевозмог упадок сил.
Он, ветрами вольными влекомый,
Колесо на свалке раздобыл.

Он сказал себе: «Боец, кремь я,
Чтоб в застенках дохнуть взаперти!
Если жизнь возникла из движенья,
Значит, надо быть всегда в пути!»

Ощувив веселость и беспечность,
Он нашел задачу по уму:
«Я хочу увидеть бесконечность
И понять по правде, что к чему!»

И, жуя травинку, всех ретивей,
Мимо рек, озер, полей, лесов
Леха, псих в законе, в реактиве,
По дороге катит колесо!

Вот застыл под яблоней в укрепе
Шофер Юрка, у него тоска.
Он проткнулся, а запаску пропил,
И лежит, и смотрит в облака.

Леха резв и короток в беседе:
«Три секунды, чучело, подъем!
Мы сейчас куда-нибудь поедem
И в пути чего-нибудь найдем!»

И расправил плечи шо́фер Юрка,
Со щеки кузнечика прогнал,
И восстал из пепла, из окурков,
И домкрат руками распознал.

Он припомнил старую закваску,
Пелену смахнул с залитых глаз,
Он приладил Лехину запаску,
Он двумя ногами жмет на газ!

«Мы в пути, спасибо, друг мой милый! —
Юрка счастлив, чуть навеселе, —
Я уж думал, сам себе могилу
Пролежу спиной в сырой земле!

Мне с тобой похвально и почетно
Шуровать по ходу напрямик,
У меня горячего до черта,
Мы сейчас прокатимся, старик!»

Вот они по тракту едут, едут,
Вот уже и север, снег, мороз,
Вот их девки ложками к обеду
Зазывают, мокрые от слез.

Вот, расправив бицепсы тугие,
Леха лезет лапою в лапшу:
«Вы чего угрюмые такие?
Я сейчас чечетку вам спляшу!»

«Потому что ползаем по жизни
Через пень-колоду, кое-как,
И душа, как в бочке, вязнет, киснет,
И скулят над ухом сто собак!

Мы лежим на койках, словно бревна, —
Из родных краев куда-то вдаль
Всех парней забрали поголовно —
Закалять их, плавить, словно сталь.

Кто-то важный, злой, лихой и ловкий
Их конкретно ставит на рога,
Он их шлет для смеха, для издевки
На войну, на лесозаготовки,
Вглубь земли и в логово врага.

Мы в снежки для общей физкультуры
Меж собой играем по утрам,
Мы одни кукуем здесь, как дуры,
Пыль глотаем с горем пополам!»

«Ничего, девчата, не бойтесь», —
Леха встал, над картою навис,
Он на лавку прыгнул — воин, витязь:
«Раз-два-три, в колонну становись!»

Он расправил локоть и предплечье
И рукою прямо показал:
«К женихам поехали, в Заречье,
Будут танцы, пьянка, праздник, бал!»

Вот погрузка. Старт. А крик, а звон-то!
Колокол проснулся, старый хрен!
Грузовик газует к горизонту,
Режет мрак лучом, как автоген.

Юрка-шо́фер техникою занят,
Леха в дудку дует из окна,
Девки песни в кузове горланят,
«К черту все, — орут, — у нас весна!»

Вот поселок вахтовый. Опилки.
Гвозди. Гайки. Шланги. Провода.
Девки — прыг! — и к дому по тропинке,
Ноги в руки, горе не беда!

Девки рвут галопом от печали,
От тоски — сквозь вьюги и ветра,
Все заборы к черту посшибали:
«Парни, где вы?» Вот они! Ура!

Девки внутрь влетают, словно кони, —
 На огонь, на свет, со всех копыт,
 Юрка соло шпарит на клаксоне,
 Полонез Огинского гудит!

Мужики по хате ходят-бродят,
 Как медведи, шерстью заросли,
 Сапоги надели, блеск наводят,
 Понимают: девок привезли.

Убирают мусор, палки, ветки,
 Снегом трут стаканы, котелки,
 Уступают девкам табуретки,
 Серпантин плетут, как пауки.

Великан в фуфайке объясняет:
 «Я Иван, веселый бородач»,
 На любовь, на дружбу намекает,
 Прямо к Таньке скачет, словно мяч.

На глазах у Таньки слезы счастья, —
 Вот как раз от дружбы, от любви,
 Он ей гладит варежкой запястье,
 Ей кричат: «Танюха, не реви!

Ведь тебя по жизни, словно Жучку,
 Отродясь пинали все подряд,
 А теперь, смотри, — целуют ручку
 И стихи на ухо говорят!»

От свечей искрится медовуха,
 Вот за Леху стоя пьют до дна,
 За огонь страстей, за силу духа
 И чтоб денег было до хрена!

Юрке дали звание героя:
 «Молодец, что девок к нам привез!»
 Из угла, из тьмы блондинка Зоя
 На него нацелилась всерьез.

За окном, как пьяные матросы,
 Злые ветры дуют и гудят,
 Дни летят, как камешки с откоса,
 Дом гульбой, как пламенем, объят.

Вот и свадьбу первую сыграли,
 И еще, и снова, и опять!
 Вот скворцы летят из дальней дали.
 Солнце. Утро. Радость. Благодать.

Юрка-шофер к свету от подруги
 Из-под ватных вылез одеял,
 И, приняв рассола с похмелюги,
 На сарай залез и речь сказал:

«Все у нас наладится, ей-богу,
 Зазвенит, окрепнет жизни нить,
 Если каждый будет понемногу
 Что-нибудь тянуть, толкать, катить!»

Леха Юрку обнял, словно брата,
 Протрубил побудку в небосвод:
 «Я пойду. Спасибо вам, ребята!
 Счастья — всем! Пора. Труба зовет!»

Парни зелье горькое допили
 За девчат, за жизнь, за свет огней,
 Колесо для Лехи отвинтили:
 «На, браток, возьми, тебе нужней».

Меж парнями Клавдия-дуреха
 Ходит, вьется хитрою лисой,
 А вдали, вон, точка — это Леха
 По дороге катит колесо!

Но, впотьмах вращая черным усом,
 Проглотив поллитру под кустом,
 На хвосте висит легавый мусор,
 Хочет Леху в стойло гнать кнутом!

Девки в окна машут, гонят марлей
 На мента из печки черный дым:
 «Леха — положительный, нормальный,
 Мы тебе его не отдадим!

К нам давай — без понта, без гордыни,
 Да с народом выпей, закуси!
 Мы тебя на Юркиной машине
 Отвезем домой, как на такси».

Мусор к Таньке сбоку примостился:
 «Гутен таг, мадам! Почту за честь!»
 Он свинью зарезать согласился,
 Чтоб сварить ее, а после съесть.

Вот он встал с горящими глазами,
 Взял топор, пошел на скотный двор,
 И виском припал к оконной раме,
 И устал, и рухнул под забор.

Вон в ночи застыл, во мгле холодной
 Старый клен, костлявый, как Кощей,
 И уснул, и замер хмырь болотный —
 Мусор, мент, профессор кислых щей.

Из пустых сеней, из серой мути
 Слышен лязг зубов его кривых.
 Он лежит, а Леха — на маршруте,
 Леха к ветру, к воздуху привык!

Разрывая в честном поединке
 Холодов железное кольцо,
 Леха вдаль, вперед, в рассветной дымке
 По дороге катит колесо...

1997

* * *

Т. К.

Спят игрушки — и заяц, и кошка,
 Дети спят. Ночь холодная тает.
 Мы на кухне сидим у окошка,
 И свеча на столе догорает.

С нами глаз не сомкнул до рассвета
 Дед Мороз из пушистого плюша.
 Я спою тебе песню про лето,
 Ты послушай меня, ты послушай.

В стылом сумраке, морщась, маячат
 Фонари, как сушеные груши,
 И метель завывает и плачет,
 Ты послушай меня, ты послушай.

И трамвай, вон, надрывным фальцетом
 Ей, как флейта безумная, вторит.
 Я спою тебе песню про лето,
 Я спою тебе песню про море.

За окошком, уныл и печален,
 Месяц в небе — как лодка на суше.
 Я к тебе прикасаюсь плечами.
 Ты послушай меня, ты послушай!

Мы уедем с тобой на край света,
 Отогреем замерзшие души,
 Я спою тебе песню про лето,
 Ты послушай меня, ты послушай...

2005

* * *

Ты был у нее. Твою тень на дороге
Царапает луч одинокой звезды.
В пейзаж окунаясь печальный, убогий,
Уходишь, и снег замечает следы.

Сквозь белые хлопья хмельной полуночник
С нечесаной гривой, с гитарой в руке,
Махнул тебе шляпой, и, зыбкий, непрочный,
Над крышами ожил рассвет вдалеке.

И ветер худую затискал рябину,
И скучен, и строг светофор-ротозей.
Так было сто раз — и сквозняк тебе в спину,
И шепот ее: «Возвращайся скорей!»

И ты возвращался и, сытый и пьяный,
Опять на край света за длинным рублем
Срывался, спешил, собирал чемоданы:
«Все будет у нас. Погоди. Заживем».

И ты колесил по дорогам разбитым,
Летал, чтоб удачу за шкирку поймать,
А счастье потом уж, как дом из гранита,
Построить и жить в нем. И горя не знать.

Она прижималась щекою прохладной
К щеке, невпопад бормоча у дверей:
«Сто лет прождала, и опять. Ну да ладно.
Бог даст, как-нибудь... Возвращайся скорей».

И клен у подъезда, высокий и важный,
Кривляясь, за ворот тебя зацепил
Когтистой лапой, когда ты однажды
В красивой машине сюда прикатил.

И ты к ней влетел, ошалелый, усталый.
И взгляд ее — вот он — потухший, пустой:
«Полжизни ждала, а всего-то осталось...
Прости, извини», — и махнула рукой.

И тот — на диване — лохматый, с гитарой,
Мурлыкал мотив про полярные льды.
...Сквозь строй фонарей по ночному бульвару
Уходишь, и снег замечает следы...

1989

* * *

С. Филимонову и М. Филимоновой

Ты в автобусе трясешься утром рано,
 Поставые — вроде толстых поросят,
 А на острове Бали цветут каштаны
 И на пальмах попугаи голоса.

Твой начальник, пень трухлявый, злой и склочный,
 Крутит мордою, как рыба на мели,
 И не бесится никто, уж это точно
 С жиру, спяну ли на острове Бали.

У окошка среди гомона и треска
 Ты сидишь себе, а рядом за стеной
 В серых сумерках за серой занавеской
 Жизнь проходит понемногу стороной.

Вьюга чертова, колючие метели
 Нас с тобою доконали, допекли.
 Мы от холода, от снега одурели
 Мы в себя придем на острове Бали.

Все мосты на всю катушку, в полной мере
 Мы сжигали за собой, но не сожгли.
 Все наладится, все склеится, я верю,
 Мы любить друг друга будем на Бали...

2010

* * *

Ты ее не украл, не отнял, не увел.
 Ты один, ты стоишь на перроне пустом.
 Ты проспал, ты промедлил, и поезд ушел,
 И она в нем, как в клетке, и ты ни при чем.

Поезд комкает версты, врезаясь в закат,
 В черных окнах торчат пассажиры, как пни.
 И кричит воронье, и колеса стучат:
 «Догони, догони, догони, догони...»

Ночь по шпалам крадется бесшумно, как мышь,
 И в холодных потемках не видно ни зги.
 Листья, падая, шепчут: «Чего ты стоишь?
 Да они еле едут, догонишь, беги!»

Ты же знаешь, кто с ней — разодетый павлин,
 В перстнях дурень, долдон, с ним простой разговор.
 Так давай, прыгай в ночь из-под тощих рябин,
 Догони, зачеркни этот бред, этот вздор!

Слышишь, снова гудок, будто кто-то тебе
 Похоронную песнь протрезвонил спяна.
 Ты уйдешь, ты увязнешь в тепле и в толпе,
 А в купе — синий сумрак, и он, и она.

Ты стоп-кран не сорвал, ты не дал им отбой,
 Посмотри — даже кожа не содрана с рук.
 Посмотри — только небо и ночь над тобой,
 Только крик воронья и колес перестук.

И вот этот перрон без единой души —
 Твой конец, твой итог. Луч луны — словно нож.
 Ты не лез на рожон, даже лоб не ушиб,
 Так чего же ты хочешь, чего же ты ждешь?..

1992

* * *

Ты не думай, Самыгин Санек,
Что Серега Киреев — пенек.

Вот пойду я сейчас и поддам, —
У соседа в заначке — «Агдам».

Вот уже я назло воронью
У окна со стаканом стою —

Гордый, сильный, по типу орла.
Я хлебаю «Агдам» из горла.

«А стакан-то тебе для чего?» —
Спросит Саня, я знаю его.

Он дотошный, он скажет: «Кирей,
Ты как пил из горла, так и пей!»

Нет, Санек, это бабам сигнал,
Что напитком наполнен бокал,

Что не гаснет во мне огонек —
Ноу-хау такое, Санек, —

В Первомай целый день дотемна
Со стаканом стоять у окна,

Пить за мир, за свободу, за труд,
Тут-то бабы к тебе и придут.

А задача — не просто поддать,
А эстетику, стиль соблюдать.

Саня спросит: «А дальше-то что?»
А сперва помаленьку, по сто

Я им нежно так, тихо налью
И задумку исполню свою.

«Кто вы есть? — я скажу. — Высший класс!
Золотой наш ресурс и запас.

Люди, личности — вот кто вы есть,
Наша гордость, и слава, и честь!»

Как форель в глубине горных рек,
В каждой бабе живет человек,

И душа, как весенний восход,
В каждой бабе звенит и поет.

Ты, конечно, Санек, возразишь,
Что бывает, как серая мышь,

И восход над рекой, и апрель,
И что баба — она не форель,

Что я в тему, в нюансы не вник.
Я скажу: «Ты чего — уставник?»

Ветер вольный им, как ни крути,
Помогает не сбиться с пути.

Светофор, пучеглазый, как краб,
Освещает дорогу для баб.

И гляди-ка ты, сам Зодиак
Им мерцает в ночи, как маяк.

Да и я для Глафир и Марусь
Быть источником света стремлюсь.

...Я с повидлом купил пирожок.
Я свечу у окошка зажег,

Чтобы знала любая мадам:
Здесь закуску дают и «Агдам».

В этом вот и задумка моя —
Баб понять, то бишь суть бытия.

Я философ, романтик, эстет.
Есть любовь, ничего больше нет!

Где ты, Ева, я здесь, твой Адам!
Я в стакан наливаю «Агдам»,

Бабам делать добро — мой конек.
Ноу-хау такое, Санек...

1996

* * *

У меня не гаснет свет в окне,
Ну-ка, девки, шагом марш ко мне!
Все нормально — рюмок шум в ушах,
Водка в ведрах, самогон в ковшках!

Я расставил лапы,
Сильный, вроде дуба я,
Приходите, бабы,
Толстые и глупые!

Лесом в мою хату
Вам тропа прямая,
Меньше трех обхватов
Я не принимаю!

Эй, худые, я ваш главный враг,
Я кнутом вас загоню в овраг,
Я на все село заржу, как конь!
Развернись, душа, играй, гармонь!

Песни и припевки,
Пронесу по улице,
Что ж вы, мои девки,
Тощие, как курицы?!

У избы у каждой,
На любом углу пою:
«Бабу жду и жажду,
Толстую и глупую!»

Я ищу зазнобу по плечу,
 Необъятное объять хочу!
 Эй, Господь, спустись с небес в наш край,
 И подругу мне по нраву дай!

Хворую хотя бы,
 Страшную, беззубую,
 Но живую бабу,
 Толстую и глупую!

Местным не по нраву я,
 Злой я, вроде волка,
 Вон идут костлявые,
 Где моя двустволка?

Все сюда, любые —
 Вежливые, грубые,
 Только чтобы были
 Толстые и глупые!

Чтоб капусту ели,
 Чтоб не знали грамоты,
 Где вы, неужели
 Вымерли, как мамонты?

Шагом марш, девочки,
 В мою хату с краю!
 Меньше трех обхватов,
 Я не принимаю!

1984

* * *

У него вагон деньжищ.
 Он пятнадцать лет назад
 Из «хрущевки», из Мытищ
 Переехал на Арбат.
 Вдоль по улице пустой
 Он в ночной несется мгле,
 В кашемировом пальто,
 В серебристом «Шевроле».

Эх, далек родной причал,
 Эх, на сердце хмарь и муть,
 Он по дому заскучал,
 Он в Мытищи держит путь.

Пешеходы — врассыпную, как цыплята,
 И дощатые заборы — вкривь и вкось.
 Катька курит на балконе. Эх, ребята!
 Он до смерти с нею жить хотел когда-то,
 Да чего-то не сложилось, не срослось.

Катька шепчет: «Ну, дела!
 Ишь, ты, весел, полон сил,
 Я сто лет тебя ждала,
 Ты сто лет не приходил».

Он сигналил ей: «Пора!»,
 Семенит вдоль серых стен,
 Он не хрен теперь с бугра,
 А известный бизнесмен.

Было дело, выпивал,
 Ни в одном теперь глазу:
 «Я в Париж тебя на бал,
 В Монте-Карло увезу!

Будем кофий пить в отдельном кабинете,
 На Луну смотреть, на звездный небосклон
 И с министрами финансов на фуршете
 Прохлаждаться среди мраморных колонн!»

Он и сам теперь на вид
 Типа графа, короля —
 Перстень золотом блестит,
 Цепь на шее, как петля.

Катька машет: «Ну-ка, спой
 Про цветущую сирень,
 Где он, юный голос твой,
 Где он, чубчик набекрень?»

Он копытом пол скребет,
 Вместо песни — хрип в груди,
 Он руками руль трясет,
 Он сигналил: «Выходи!»

Звук клаксона — словно хохот лягушачий,
 И тоска вокруг такая, хоть кричи,
 Тополь гнется на ветру, и старой клячей
 Тихо тащится трамвай пустой в ночи.

На асфальт летит листва,
 Он мотает головой,
 Все мотивы, все слова
 Он забыл, хоть плачь, хоть вой!

Катька гасит абажур:
 «Ехал мимо — дальше едь,
 Если нету куражу
 Под гитару песни петь»

Хоть бы сбацал «трень да брень»,
 Ни черта, ни в зуб ногой.
 Про жасмины, про сирень
 Из петли попробуй спой!

Ветер в стекла бьет все злее, все свирепей,
 Дождь по крышам, старый псих, пустился в пляс,
 В «Шевроле» своем, в салоне, словно в склепе,
 Он во тьме по горло, по уши увяз...

2007

* * *

У товарищей лица пропитые,
 У соседей носы, как морковки.
 Я на Сретенке жил в общежитии,
 Ты — на Чистых прудах, у Покровки.

Шарф, беретик, коса с белым бантиком, —
 Ты на танцы в наш двор приходила
 И меня, молодого сержантика,
 В ту субботу сама пригласила.

А после до рассвета мы
 По городу шатались,
 В потемках, где — неведомо,
 В трамваях целовались.

И ты была печальная,
 Когда в ночи водитель
 Махнул нам на прощание:
 «Друг дружку берегите!»

Наши пальцы сплелись, вбок — ни шагу я,
 И, как в замок, в пустую беседку
 Мы с тобою вошли. Я, как шпагою,
 Резал воздух осиновой веткой.

Ветер елкам давал подзатыльники,
 Я шагал строевым: «Правой!левой!»
 Эй, соседи мои, собутельники,
 К черту вас! Я солдат королевы!

И тих был парк заброшенный,
 И шепот твой — все ближе:
 «Любимый мой, хороший мой,
 Иди сюда, иди же!»

И день унылый, серенький
 Из мрака мышью вылез,
 И мы с тобой у Сретенки
 Обнялись и простились.

Я в каких-то стою оцеплениях,
 Ты секретное чертишь чего-то,
 Мне на службу к восьми в отделение,
 А тебе к девяти на работу.

Там начальство сидит толстопузое,
 И на верхний этаж ходу нет нам,
 И плывет осьминогом, медузою
 Секретарша в дыму сигаретном.

Веселья на копейку там,
 Любви и вовсе нету.
 Орлом летает, беркутом
 Твой шеф по кабинету.

А мой — в папахе, в кителе
 Храпит в автомобиле,
 Глаза б мои не видели,
 Кому мы там служили!

Дни летят напролом, словно пьяные,
 Чуть закрою глаза — мне приснится:
 Та осенняя ночь окаянная,
 Тех бульваров пустых вереницы,

Ветра, ветра веселые песенки
 Под трамвайные тонкие трели, —
 Мы простились с тобою у Сретенки,
 Мы друг дружку сберечь не сумели.

Заря зияла брешами,
И ветер, ветер вольный
Спросонья, как помешанный,
Свистел над колокольной.

И голуби беспечные
Над крышами кружились,
И мы на веки вечные
Обнялись и простились...

2007

* * *

Что ж вы, девки, приуныли,
Что повесили носы?
Мы ничуть не позабыли
Вашей страсти и красы.

Не волнуйтесь, мы на стреме,
Мы имеем вас в виду —
И во сне, и в полудреме,
И с похмелья, и в бреду!

Ничего, что нету принца
Возле дома под окном,
Мы с ребятами проспимся
Под венец вас поведем.

В пух и прах легко и смело
Разобьем любую рать,
Будем вас по ходу дела
И любить, и уважать!

Завтра наш родимый угол
Станет лучше, чем вчера.
От хронических недугов
Нас излечат доктора.

В трудовой профилакторий
Мы не будем попадать,
Будем утренние зори
Из окошка наблюдать!

Из-под кленов и акаций
Вдаль помчимся во всю прыть,
Будем спортом заниматься
И не будем водку пить.

Мы с утра глаза промыли,
Отряхнулись от росы.
Что ж вы, девки, приуныли,
Что повесили носы?

1987

* * *

Чьи-то пальцы, как крючья, мне в полночь впиваются в шею.
Я встаю в полумраке, иду в кабинет процедур.
Мы на разных с тобой этажах, я от глюков шизею!
У тебя элемент депрессухи и легкая дурь!

Нинка, милая, рóдная, выйди ко мне,
Ах, как я тебя буду ласкать, миловать!
Скорбный твой, тонкий лик за решеткой в окне
Я рисую опять и опять!

Дядя Саша, дежурный по корпусу, лекарь от Бога,
Нас под честное слово гулять выпускает во двор.
Мы одни под луной, и от шепота, как от ожога
Я в себя прихожу, мы душевный ведем разговор.

Я для Нинки в стихах сочиняю письмо,
Я по-русски стесняюсь сказать «ай лав ю!»
Я обнял ее всю, и здоровье само
Входит в русло, в свою колею.

Вот и «крыша» на месте, и черти сошли с горизонта.
Я здоров, я во сне слышу стук наших с Нинкой сердец.
Не грохочут кувалды в мозгах, и уже нету понта
Кир, колеса глотать. Нет шизухи, и глюкам конец!

Все, пора выходить, выбираться из тьмы.
Но врачи, как вороны, летают вокруг:
«Если выпустить всех, то зачем тогда мы?
Шагом марш под иглу, милый друг!»

Дядю Сашу убрали, как стул, и опять в нашем доме
Куролесит кошмар, все живое погрязло в бреду!
У меня рецидив! Снова глюки! Синдром на синдроме!
И шизуха, как танк, покатила на полном ходу!

Колят, колят меня! Снова грохот в мозгу!
Я в окошко скулю, одурев от микстур.
Я любимую Нинку обнять не могу.
Я иду в кабинет процедур...

1992

* * *

Я бреду сквозь потемки, не чуя ног,
Ветер зол и колюч, но легко в пути,
Если ночью у друга горит окно,
Если можешь к нему просто так зайти.

Здравствуй, Сашка, ну как ты, ну что с тобой?
«Да очнись же, ты, черт, — я в дверях шепчу, —
Было время — мы вместе ходили в бой,
Было дело — стояли плечом к плечу»

Нас судьба разбросала давным-давно.
Он нашел, что искал, он велик, силен,
Но все так же у Сашки горит окно.
«Ну и жизнь, — не поверишь», — вздыхает он.

«Подлеца не обидь, палача не трожь,
Ну и как тут к вершинам тащить свой крест,
Если свора сограждан за медный грош,
За копейку тебя с потрохами съест?»

Кофе в кружках остыл. Все. Пока. Лечу.
Завтра в бой. Сашка машет мне вслед: «Держись!»
Мы стояли с тобою плечом к плечу,
Мы сильнее, чем они. Будет, будет жизнь!»

Ветер. Дождь. Свист и скрежет, темным-темно.
Город зол и угрюм, но легко в пути,
Если ночью у друга горит окно,
Если можешь к нему просто так зайти.

2005

* * *

Я в кольчугу одет.
 Мне неведомы слабость и страх.
 Я большой. Мне пять лет.
 Я у деда сижу на плечах.

«Ну, поехали, конь!
 С нами Бог и удача. Скачи!
 Мы волшебный огонь.
 В самой черной отыщем ночи!»

Завтра утром меня
 В детский сад, как на казнь, поведут.
 Нянька, злая змея,
 Зубом лязгнет: «Попался, капут!»

Ветер весел и свеж
 Во дворе. А в саду пьяный бред:
 «Если кашу не съешь,
 Встанешь в угол на тысячу лет!»

Но зато будет вечер,
 И я под веселый наш смех
 Сяду деду на плечи:
 «Скачи, мы сильнее их всех!

Я из кубиков замок построю
 До звезд, до небес,
 Чтоб дурак и подлец к нам с тобою
 Вовек не пролез!»

Деду утром шагать
 На работу в большой серый дом

И от страха дрожать.
 Я узнал это после, потом.

Там придурок в лампасах
 Для пущего пьет куражу
 И орет, нету спаса:
 «Молчать, мелюзга! Посажу!»

Город спит. Тьма на окнах повисла.
 Прошло много лет.
 Не построил я замок. Не вышло.
 Прости меня, дед!

Я изранен в боях. Дед, услышь,
 Я, как прежде хочу,
 Как чудной тот малыш,
 К твоему прислониться плечу.

Всюду треск, и трезвон,
 И полки подлецов и паскуд.
 Снова вижу я сон,
 Как они нас за горло берут.

Я уже не кричу: «Мы сильнее!»
 И по жизни лихой
 Как умею, скачу,
 Одиноким усталым ковбой...

Как с похмелья, озноб
 У деревьев, домов, фонарей.
 Вьюга воев захлеб
 Над любимой Покровкой моей.

По хрустящему льду,
 Каблуками сосульки дробя,
 Сквозь потемки бреду.
 Как же плохо мне, дед, без тебя...

* * *

Я отчизне долг отдавал,
Я полгода был под водой,
С корабля, с подлодки на бал
Я сошел, моряк молодой.

Коростель свистит на суку,
Ну и ладно, дальше свисти,
Я на отдыхе, в отпуску,
Мне с девушками по пути!

В лютый холод, в зной и в жару
Девки хотят счастья со мной,
Им по нраву всем, по нутру
То, что я моряк молодой!

«Ты чечетку нам отчебучь,
Сбавай «Яблочко» на ушах,
Черен лес вокруг и дремуч,
А у нас тут рай в шалашах!»

Я смотрю с улыбкою ввысь,
Хорошо-то как, без балды,
То, что баб вокруг — завались,
Ни туды без них, ни сюды!

Эх, вприсядку я, словно бес,
От стены иду до стены,
Эх, горит костер до небес,
Эх, звенят вокруг стаканы!

Кувырок! Кульбит! Пируэт!
Потолок дрожит под ногой!
Эх, за тех, кого с нами нет,
Я пляшу, моряк молодой!

Я устал от вахт боевых,
Я макаю булку в кисель,
Уважать подруг дорогих —
Вот мой долг и вот моя цель!

Где-то спит генсек, старина,
Эй, спасибо, друг дорогой,
То, что войск у нас до хрена,
То, что я моряк молодой!

Эх, спасибочки, дядя Сэм,
То, что нам скучать не даешь,
Был деревней, был я никем,
А теперь ношу брюки «клеш»!

А теперь я сокол, орел,
Эй, полундра, девки, аврал!
Если б я на флот не пошел,
Я бы водку тоннами жрал!

Девки млеют: «Ишь ты каков!
Даже пусть мычишь, как баран!
Ты один из всех мужиков
Боле-мене трезв, а не пьян!»

Девки пьют со мной за любовь
С шуры-мурами под луной,
Им по нраву всем, сто пудов,
То, что я моряк молодой!

Хороша похмелка с утра!
Плохо чай хлебать одному!
Я люблю вас, девки, ура!
Я сейчас вас всех обойму!

...Еле жив, домой от девчат
Я бреду окольной тропой,
Девки мне вдогонку кричат:
«Так держать, моряк молодой!»

Эх, болит от пляски нога,
Путь далек лежит впереди!
Девки вслед галдят: «Га-га-га!
Молодец, еще приходи!»

* * *

Я примерно как сосна в поле чистом,
Я судьбу свою взяла в оборот —
Загуляла с молодым машинистом,
Он в Америку меня увезет!

Я даю ему селедку на блюде:
«Обещай, что я в заморских краях
Буду в качестве звезды в Голливуде
Фигурировать на первых ролях!»

Я, как старая баржа, на приколе
В тихом омуте торчать не хочу:
«Ты давай меня вези, слышишь, Коля?
Путь под горку для тебя по плечу!»

Он меня до Узловой на подножке,
Чертыхаясь, с ветерком прокатил,
«Чижик-Пыжика» сыграл на гармошке
И гогочет вон, стоит, как дебил.

Он дает мне на автобус монету,
Он с ресницы мне сдувает слезу:
«Через море-океан рельсов нету,
Как же я тебя туда повезу?»

Я попала на все сто, я не скрою
То, что жизнь у нас пошла кувырком!
Ладно, Колька, ты подлец. Хрен с тобою!
Я гуляю с молодым моряком!

Он нацелен, как снаряд, на пивную,
Но проспится, если завтра в поход, —
Хоть он списан с корабля подчистую,
Бескозырку и ремень бережет!

Он горбушку ковыряет клыками,
Он рисует авторучкой маршрут:
«Вот починим такелаж с дружбанами
И помчимся напрямки в Голливуд!»

Он мечту мне, и надежду, и веру,
Где-то даже и любовь подарил.
Он ко мне на сеновал, для примеру,
Диалог осуществлять приходил!

Я не мертвая теперь, а живая.
Это раньше было все, как в дыму.
Ну а то, что он с утра выпивает,
То кому сейчас легко? Никому!

Голливуд, не Голливуд, а в рекламе
Я сниматься начала — будь здоров!
Я колхозникам по первой программе
Рекламирую корм для коров!

Я на танцах — инородное тело.
Бабы толстые пыхтят, только я
На четырнадцать кило похудела,
А была ведь в ширину, как свинья!

Это в форму я вхожу, а с парнями
У меня нейтралитет, а они
Возле ног моих лежат штабелями
И вздыхают, и молчат, словно пни.

Колька, хмурый, мне кричит: «Скоро старость!»
Он обьелся, видит Бог, белены.
«Где твой чертов, — он орет, — алый парус?
Где моряк твой, где его дружбаны?»

Я, как чайник на плите, закипела,
 Я в экстазе с пузырями у рта:
 «Слово доброе важнее, чем дело,
 Если дело это — дрянь, хренота!

Может, дуба даст моряк от цирроза,
 Ну, а может, он его и не даст,
 Ты же, гад, меня в бурьян с паровоза
 Сбросил влегкую, спихнул, как балласт!»

В общем, все я с машинистом решила —
 Он с романтикой любви не знаком!
 Он чумазый, я его разлюбила!
 Я гуляю с молодым моряком!

1997

* * *

Я припелся сюда, от тоски одурев.
 Мне знакомый забор под луной скалит зубы,
 И, мусоля впотьмах заунывный напев,
 Дурень-ветер дудит в водосточные трубы.

Камни могут дышать, им ветра нипочем.
 В этих дебрях глухих я своим был когда-то.
 Я к холодной стене прикасаюсь плечом.
 Я в боях уцелел. Я вас помню, ребята.

Дворник в черных усах нас гонял, старый черт, —
 Кулачищи, как гири, глаза — как из стали,
 Мы кричали ему: «Вашу шпагу, милорд!» —
 И от пьяной метлы псов бродячих спасали.

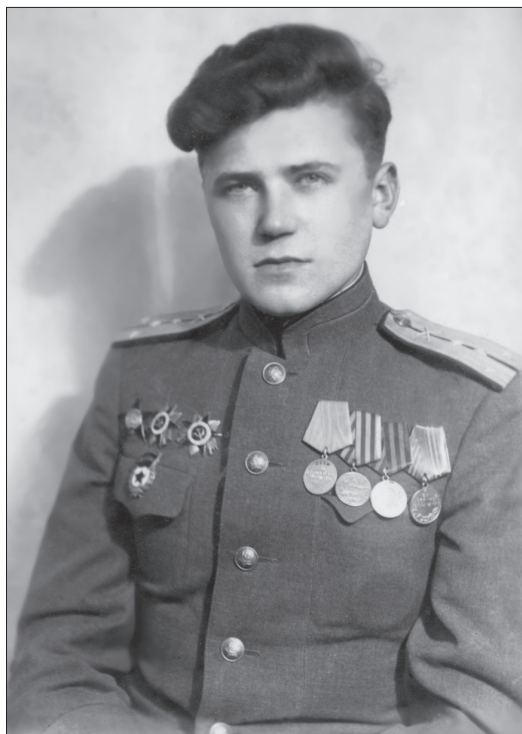
Каждый был д'Артаньяном, вождем, вожаком,
 Вот он я — пятилетний боец бесшабашный,
 Вот он, Славка, мой друг, мы без страха идем,
 Все на свете забыв, в честный бой напролом,
 А теперь с нами дьявол вовсю крутит шашни...

У меня от метели мозги набекрень,
 От сиреневых льдинок, звенящих и тонких,
 Вон, в далекой дали — то ли Славкина тень,
 То ли дух д'Артаньяна витает в потемках.

И застыл под колоннами мраморный лев, —
 «Будь здоров», — я шепну, тишины не нарушу.
 Я припелся сюда, от тоски одурев,
 Собираю по кусочкам пропащую душу...

2005

РАЗДЕЛ IV

У меня есть несколько песен о войне. Меня тогда на свете не было, но тема войны с детства во мне живет и никуда не уходит. Началось это лет с шести — у нас дома почти всегда работал радиоприемник, и часто я слышал голос диктора, перечисляющего имена и фамилии людей, — я сначала не понимал, кто они все, но ясно было, что их много и что происходит что-то важное. Мне объяснили, что это одни люди ищут других, кого они потеряли за годы войны, про кого они не знают, живы ли те, а если и живы, то где они и что с ними. Фамилий были сотни, я никак не мог понять, как это так — родители потеряли детей, например, под бомбежкой эшелона двадцать лет назад и не могут их найти, — мой-то отец и мать — вот они, рядом, а тысячи и тысячи таких, как я, не могут увидеть братьев, сестер, родителей, их всех разбросала война.

Мой отец четырнадцатилетним подростком осенью сорок первого возил снаряды на фронт, у него на глазах убило шофера, его напарника; мой дядя в семнадцать лет ушел ополченцем на войну и пропал без вести под Вязьмой; мой дед с первого до последнего дня прошел всю войну, вернулся живым и целым (воевать он учился еще в Первую мировую); мои родственники, пережившие в Ленинграде блокаду, много рассказывали мне, как это было.

В общем, тема меня не отпускает, и песни о том времени я продолжаю сочинять.

* * *

Гитлер гнал генералов — Варшава, Марсель,
Краков, Киев, Париж — долгий счет.
Он спешил. Он Европу размазал в кисель
С полпинка. Он у наших ворот.

Бабы вырыли рвы. Снег скребет по виску.
Снова немцу приказ — наступать.
У рабочих окраин в рабочем полку
Нам без смены стоять и стоять.

Ветром таким потянуло,
Аж до костей пробрало.
Пять километров до Тулы.
Поле. Пустое село.

Штурмовая пехота ударила в лоб.
Это гансы намылились в рай.
С ними танки. Ну где ты, пацан-губошлеп,
Наш зенитчик, наш бог, начинай!

Мы в ушанках, не в касках — пока только так,
Шнапс трофейный нутро не согрел.
Ночь-полночь, трое суток, шестнадцать атак,
Третью ночь — минометный обстрел!

Воздух осколками взрезан,
Визгом снарядов прошит.
Снег над горящим железом.
Тула в осаде стоит!

Видит Бог, не был шкурой майор-политрук,
Хоть и плющил нас всех, как трамвай.
Он мне крикнуть успел: «Целься в башенный люк!
Так вернее, сынок, ну давай!»

Вспышка рядом, разрыв! Он упал навсегда,
Но и танкам по центру — капут!
Камыши да осока над ним, лебеда
Здесь из пепла потом прорастут.

Роща от лязга и гула
Возле оврага мертва
Пять километров до Тулы.
Дальше на север — Москва.

...Щеки сечет нам и скулы
Крошками черного льда.
Пять километров до Тулы
Им не пройти никогда...

2015

* * *

А в бинокле закат золотой,
 Туши танков и выжженный лес,
 И последний заслон за рекой
 Из отборных дивизий «СС»».

Завтра нам наступать — мы морская пехота,
 Мы их рвем в рукопашной три года подряд,
 Нам ползти по камням, по песку, по болоту,
 Нам вставать, нам их бить без разбора, без счета,
 Путь прямой, и ни шагу назад!

Солнце село на той стороне,
 Воздух мерзнет от блеска брони.
 Осень. Холод. Октябрь. Первый снег.
 Голый берег. И мы. И они.

Ох, как помнят, как любят здесь нашего брата,
 Мы — их главный кошмар, мы для них — Страшный суд.
 Черным дьяволам — нам — Бог вручил автоматы, —
 Так нас фрицы прозвали за наши бушлаты.
 Черных дьяволов в плен не берут!

Их озноб среди ночи трясет.
 Их гармошка и шнапс не спасут.
 Бог за нас. Ничего или все!
 Черных дьяволов в плен не берут!

Ветер, ветер над степью все злей и угрюмей,
 Молча, молча добычу стервятники ждут.

Выбор наш небогат — победил или умер.
 Черных дьяволов в плен не берут!

А в бинокле — закат и со свастикой знамя,
 Завтра небо ракеты со свистом прошьют.
 Пусть за ними — полмира. Россия — за нами.
 Черных дьяволов в плен не берут!

2010

* * *

Побывка два дня. Уж один отгуляли,
Весь двор наш — за длинным дощатым столом,
Серегины, Колькины смотрим медали,
За них — за солдат, за ребят наших пьем.

И вот уже первую наледь с асфальта
Скололи к чертям, будут танцы. А ну,
Играй, гармонист! Нам с тобой оставаться,
А Кольке с Серегой — с утра на войну.

И шепчет Сереге красotka Валюха:
«Живу, как во сне, и в душе кавардак,
Мой тоже ушел, и ни слуха ни духа,
А мы и простились-то как-то не так...»

Он руки кладет ей тихонько на плечи:
«Дождись! И любовь у вас будут, и дом.
Он жив. Я его обязательно встречу,
Мы вместе еще до Берлина дойдем!»

И огненно-желтый, оранжевый, рыжий
На стеклах оконных танцует закат,
Как будто бы зарево залпов все ближе.
И ветры вдали, как осколки, свистят.

И двор наш, продрогший, печальный и старый,
Воскрес, и под крик очумелых ворон
Звучит белый танец, и кружатся пары,
А завтра Сереге и Кольке — на фронт.

Фонарь с вензелями, красивый, как витязь,
Застыл, словно страж, у железных ворот,
И вот оно, завтра. Он шепчет: «Вернитесь»
Сереге и Кольке уходят на фронт...

2015

* * *

Рев снарядов, резкий и злой,
Тишину по швам разрывает.
Фриц дрожит на ветру, еле рот разевает.
Ополченцы приняли бой.

Фриц в атаке, в броске, а до Тулы всего-то пять верст.
Танки фары включили и двинули в лоб, напролом.
Следом черная цепь — автоматчики, вставшие в рост,
Им вперед, на Москву, им пока еще все нипочем.

Звезды в небе над головой,
Как шальных снарядов осколки.
На рассвете у леса, в рабочем поселке
Ополченцы приняли бой.

Камень, финка, приклад — все сойдется в бою, все сойдет,
Мастер домны Сереге сто лет уж играет с огнем,
Но сегодня другое — колонна в прицеле, он бьет:
«Эй, вы, там, это наша земля, мы с нее не уйдем!»

С косогорской шпаной не шути,
С криволоченской братией тоже,
Фриц — он хоть и не пень, докумекать не может,
Кто стоит у него на пути.

И сибирские рядом уже на подходе полки,
И от залпов зарницы, как свет новогодних гирлянд,
Враг у леса, на фланге стальные сжимает тиски,
Танки, танки идут, а за ними пехотный десант!

Горизонт засыпан золой.
Холод. Смерть. Сожженные села.
«Тула будет стоять!» — наш ответ, наше слово.
Ополченцы приняли бой...

2012

* * *

Звон до сих пор, трескотня в перепонках.
Помним завод наш, покуда живем,
Как мы на фронт на разбитых трехтонках
Наши снаряды везли под огнем.

...Я пацан, я за младшего в рейсе,
Рядом бывший моряк, дядя Ваня,
Руль сжимает в руках, как штурвал,
Мы плывем в полутьме, словно крейсер.
Стоп! Бомбежка! Кровавая баня!
Нам не дьявол ее — враг послал!

Черные крылья над нами впритирку
Снова и снова. Спокоен стрелок.
«Ну-ка, не спать!» — дядя Ваня за шкирку
Вбок, чуть живого, меня уволок.

Вспышка! Грохот и гул. Снова вспышка!
Я в траву, в одуванчики вжался.
«Хватит, парень, очнись! — он кричал, —
К лесу, к лесу беги, здесь нам крышка!
Здесь хана!»
...Он с машиной остался.
Он обрел здесь покой и причал.

Воздух дымится на этом причале.
...Он уже понял, он знал, что не встать,
И, к колесу прислонившись плечами,
«Леха, живи!» — он успел прошептать.

Наши, наши зашли из тумана —
Истребители, легкие «Илы», —
В лоб, в упор, и не выдержал, взмыл
«Мессершмит», уходя от тарана,
Этот в свастиках черт тупорылый,
И свинец ему брюхо прошил!

Чудом наш груз уцелел, и без счета
В кузове дыр. Дальше путь — по прямой!
Вот и свои — минометная рота,
Как же нас ждали они, бог ты мой!

Я взрывною волною ошпарен,
Вот в землянке, почти через силу,
Двадцать капель вливают мне в рот —
Чистый спирт. «Ну, чего? Как ты, парень?»
«Жив, спасибо», — вот так оно было, —
Мы возили снаряды на фронт.

...Вспомним же, братцы, тот рейс, дядю Ваню,
Все же колонна вперед, а не вспять
Шла до конца. Он лежал на поляне,
Таяли звезды в вечернем тумане.
«Леха, живи!» — он успел прошептать.

2016

* * *

Ох, и ловок, силен же он все-таки был,
 Лейтенант — тот, что нас до упада
 Мордой оземь возюкал, работать учил
 В рукопашной штыком и прикладом.

Криком рот разодрав,
 Он терзал нас в учебном бою:
 «Кто быстрее, тот и прав!
 Хочешь жить — не зевай, мать твою!

Зря под пули не лезь, —
 Слышишь свист их, как смех сатаны?
 Наша Родина — здесь.
 Знай, солдат: ей живые нужны!»

Эх, окопная жизнь, эх, злодейка-судьба,
 Сумасбродка, дурища слепая!
 Новогодняя ночь. Вот и стихла стрельба,
 Вот и сорок второй наступает.

Мы сдвигаем, звеня,
 Наши кружки впотьмах, наугад.
 Возле леса возня —
 Немцы теплыми взять нас хотят.

Эх, мороз зол и лют,
 Эх, поземка метет и метет.
 Немцы цепью идут.
 Немцы цепью идут.

Немцы цепью идут.
 Вот такой вот у нас Новый год!

С нами наш лейтенант. Им таких не свалить.
 Злой спросонья он. Им и не снилось,
 Что он может штыком в рукопашной творить.
 Все! Пошло! Понеслось! Закрутилось!

Лязг, и скрежет, и хрип,
 Только бой, только месиво тел!
 «Сзади, сзади, смотри!» —
 Он был рядом, он крикнул, успел.

Фриц мне ноги заплел, —
 Я метнулся, нырнул на «авось»!
 Нож над ухом прошел,
 Лишь царапнул слегка. Обошлось.

...Серым саваном лег над рекою туман,
 Ветер в роще скулит, как собака.
 Лейтенант еле жив — десять резаных ран.
 Мы отбили ночную атаку.

...Ветер хлещет, как кнут,
 Лупит, бьет. Враг за лес отступил.
 Лейтенанта везут
 На полуторке в госпиталь, в тыл.

Ночь. Землянка тесна.
 Нам и так после боя сойдет.
 Наливай, старшина.
 Вот такой вот у нас Новый год...

2016

* * *

То ли град, то ли снег, а точнее — и то и другое,
Лес листву потерял, и зима на подходе уже.
Нет врага. Отступил. Два часа тишины и покоя,
И тихонько коптит керосинка в штабном блиндаже.

Немцу Тула нужна позарез, он по плану, как надо,
Брать Москву будет в клещи с востока, работать всерьез.
Нет, не будет, и пусть в ставке фюрера пьют до упада
За победу коньяк. Нет победы, лишь смерть и мороз.

Им в атаку с утра, и опять над землей вздрогнет воздух,
И пехота, и танки готовы к прорыву, к броску.
Ох, и хитро стоят в этот раз пулеметные гнезда,
Мы в боях кой-чему научились в рабочем полку.

А потом бог ли, черт разберет, чья там песня допета.
Мы пришли из цехов на последнем стоять рубеже.
Отдохни, командир, у тебя два часа до рассвета.
Пусть тихонько коптит керосинка в штабном блиндаже.

2016

* * *

Ну что ты там, фриц, заерзал, затих, с утра не от шнапса пьян ты —
От смертной тоски, от мути и мглы промерзших пустых полей!
И вот он тебе — привет из Кремля: в атаку идут курсанты!
За ними Москва. Все шире их шаг, все резче, быстрее и злей!

За ними Москва, Урал и Сибирь, и проще приказа нету:
«На танки — вперед! Отбить высоту, пройти сквозь стальной заслон!»
Пристрелка! Разрыв! Держись, лейтенант! Осколком плечо задето!
И залпы близки. И полк окружен. И враг, пока цел, силен!

Еще не рассвет. Луна над рекой висит золоченым блюдцем,
И встречный свинец ребят, как траву, в упор, наповал сечет.
Последний бросок! Их время пришло! Они в рукопашной бьются!
Их час наступил. В прорыве бойцы кремлевских учебных рот!

Теперь там цветы, и лес, и трава — сто лет до небес расти ей!
Сто лет меня с ног сшибает судьба, и сердце ползет по шву,
Шепчу невпопад: «Ребята, стоять! Мы — вместе, и мы — Россия».
За тех, кто poleg у той высоты, воюю, дышу, живу...

2012

РАЗДЕЛ V

* * *

А под Тулой бои. Нас свинцом и огнем
Враг утюжить устал день и ночь напролет.
Мы про наши потери узнаем потом.
Сорок тысяч погибших — такой будет счет.

Город оглох от обстрелов, продрог от стужи,
Рвы и окопы в один лабиринт сплелись.
И на разбитой вокзальной стене снаружи
Кто-то углем нацарапал: «Тула, держись!»

А в зенитных заслонах солдаты не спят.
Тихий слышится шорох в предутренней мгле,
Это наземь последние листья летят,
Это стелется снег по сожженной земле.

Дрожь у земли в развороченном черном чреве.
Вот и рассвет. Мы опять в штыковой сошлись!
Крыльями в воздухе издали наш ЯК-9
Нам помахал, отбомбившись: «Тула, держись!»

Лес на южной окраине гарью пропах,
Серой копотью тронут, золой занесен,
Здесь найдет свой покой каждый третий из нас —
Сорок тысяч бойцов, сорок тысяч имен.

«Тула, держись!» — нам казалось, метель нам пела,
«Тула, держись!» — колотились в ответ сердца.
...Стихла стрельба. Наливай, кто живой и целый.
Тула стоит. Тула будет стоять до конца...

С 2003 г. я работаю на металлургическом заводе — мы плавим чугун и ферромарганец, производим промышленное и чугунное литье, снабжаем город теплом и т. д. Наверное, это самое интересное — работать металлургом, для меня уж точно.

Все эти годы я был и остаюсь бок о бок с выдающимися людьми — начальниками цехов, бригадирами, мастерами, а также с менеджерами и специалистами, у нас все как на войне, только не стреляют — ошибка может стоить очень дорого, нагрузки — как у профессиональных спортсменов; перестал каждый день учиться — конец тебе как сотруднику завода.

Я очень люблю и уважаю своих коллег, песни следующего раздела так или иначе посвящены им.

* * *

Коля Зенкин, начальник литейного цеха,
 Мрачен, зол — вон опять хренота, штучки-дрючки —
 На заливке бедлам, кутерьма да потеха,
 Парни в штопор вошли, полбригады в отключке.

Кто-то к цели —
 к девкам шел, не дошел. Кто-то, крикнув «аврал!»,
 Все модели
 на модельном участке к чертям посшибал.
 «Прочь, на выход! —
 Коля гонит метлой их, как в щель саранчу, —
 Ну-ка, тихо!
 Я вас завтра свободу любить научу!»

Вот в кустах под дождем морсящим, унылым,
 От хозяйского глаза укрывшись, от Коли,
 Старший мастер заснул с перекошенным рылом,
 Как подбитый эсминец в порту на приколе.

Коля Зенкин
 злостной пьянкой, дебошами по уши сыт.
 Мордой к стенке
 он бухариков ставить своих не спешит.
 Каждый взвоят,
 каждый лично свой промах пробел и просчет
 Завтра смоет
 кровью, потом, слезами — расстрел подождет!

Коля грозен с утра: «Мы не мусор, не слякоть!
 Вот вам вахта штрафная: семь суток в три смены!
 Десять норм — вот ваш план, всем пахать и не вякать!
 Молодцы, что проспались. Вперед, супермены!»

Бодрый, свежий,
 старший мастер из пепла восстал, старый черт.
 Грохот, скрежет,
 пыль столбом — это парни идут на рекорд.
 В спячку, в ступор
 им впадать недосуг. Дуба дать — что за честь?!
 Коля в рупор
 им кричит: «Веселее, бойцы, шансы есть!»
 Кризис танком стальным по заводу проехал.
 В жизнь, в победу, в ребят верит страстно и свято
 Коля Зенкин, начальник литейного цеха.
 Мы прозвали его командиром штрафбата!

Две недели
 цех стоит на ушах — стой, держись, сукин сын!
 В сердце, в теле
 дрожь прошла у парней, все трезвы, как один.
 Ой, красиво
 пламя пляшет в печи! Коля весел и горд.
 Люди живы.
 Мастер плавки кричит: «Наливай, есть рекорд!»

2014

ЗВЕЗДЕЦ* НЕ ПРОЙДЕТ ИЛИ БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Мне приснился звездац — с виду тихий такой, неприметный,
Он пришел на завод и согнул нас в подкову, в дугу,
И как будто бы звон — колокольный, раскатистый, медный,
Загундосил тревожно в башке у меня: «Гу-гу-гу!»

Я вполглаза дремал и, прочухавшись, понял с рассветом:
Черт-те что на подходе, какая-то новая суть.
Я на кафедру, в вуз, к мудрым старцам пришел за советом, —
Я профессорский корпус, науку решил подтянуть.

«Что такое звездац? — я спросил, — это быть или небыль?
В чем основа его, вековая гранитная твердь?»
И усталились старцы в бездонное звездное небо,
И сказали, тряся бородами: «Звездац — это смерть!»

Андрюха, мой друг, аспирант, молодая плеяда,
Грызя карандаш и застенчиво глядя в окно,
Нюанс уточнил, что звездац — он как раз то, что надо,
Для тех, кто плывет по течению, кому все равно.

Я помчался скорей на завод, я тут главный директор.
Вроде он, как обычно, гудит, так держать, молодец!
Но какой-то уже обозначен невидимый вектор.
Шкурой чую, нутром: тут не вектор уже, а звездац!

Вон, дробилка ржавеет на фоне отвального шлака,
Тепловоз на путях без ухода, без смазки ревет,
И какая-то, вон, тихой сапой каляка-маляка
Мне ложится на стол вместо плана ремонтных работ.

* Звездац — в данном тексте — что-то большое, непонятное, опасное, злое, мешающее заводу выполнять производственные планы согласно установленным графикам.

Что ли всем все равно, если завтра завод дуба врежет?
«Нет, не всем, — мне сказали мои боевые друзья:
Моисеев, Назаров, Ершов, — мы с тобой, мы все те же.
Нам звездац — не указ, и завод — не пацан для битья».

Звездац не пройдет, пусть опять километры и мили
Ему не страшны, он здесь был в сорок первом году,
Ему наши деды тогда капитально вломили,
И снова здорово, — он, сволочь, опять на ходу!

Шепетовский — начальник такой есть у нас в техотделе, —
Он пришел на планерку с портфелем, представил расчет, —
Он чертил синусоиду, график четыре недели
И сказал: «Я придумал, что делать, звездац не пройдет.

Мы разложим его на кусочки, на мелкие дробы
И умножим на ноль. А чего? Пусть попляшет, подлец!
Пусть утонет, погрязнет в бессильной и яростной злобе,
И не нам, а ему уже полный настанет звездац»

Я сказал: «Впечатляет. Но как-то все это мудрено.
А нельзя ли попроще, чтоб самую суть ухватить?»
И махнул он сто грамм, и сказал: «Эх, едрена-матрена!
Мудаков надо на ..р повыгнать, а умным платить!»

Чтоб нам, металлургам, стремиться все выше и выше,
Тут главное дело — звездац на порог не пускать!
Да вот же он, кстати!» Звездац нас, похоже, услышал
И дальше пошел по заводу — удачи искать.

Он по рылу в литейном цеху получил, но не сдался, —
Отступил, взял отсрочку и выбрал извилистый путь:
Он исполнил маневр: на молекулы молча распался
И в мозги к финансистам сумел втихаря проскользнуть.

Не сыпучий, не жидкий, не твердый он, даже не плазма
В организме у них. Он сознание точит, как червь.
Это, братцы, не просто звездац, это вирус маразма
Им грызет мозжечок и центральный уродует нерв!

Есть девчата с мозгами у нас — покумекали, вникли,
Мозжечки мужикам починив, взяли в руки бразды, —

Мол, и вправду звездац нам, когда черт-те что, фигли-мигли
Мы считаем как прибыль: отходы, запасы, склады!

Салют финансистам — таким, как вот эти девчата,
Что в наших мозгах истребляют звездац на корню.
Без них никуда. Я в минуты досуга когда-то
Романсы про них сочинял. И еще сочиню.

И звездац побледнел, приуныл, с губ слетела усмешка.
Здесь не шутят, — он понял, — да-да, здесь не всем все равно.
Вялый, сморщенный весь, как сухая в лесу сыроежка,
Он в углу притаился, залег, словно рыба, на дно.

Он там дух перевел. Он былую утратил сноровку,
Он ведь, сука, стратег, он с другой подошел стороны —
Под большие задачи структуру создал, группировку, —
Из вагонов чугуна воровать на просторах страны.

Наш чугун, кособорский, и снова звездац просчитался, —
Есть в охране у нас человек, я давно с ним дружу.
Ум и сила при нем, он всегда до победы сражался —
Лучший снайпер страны, я фамилию вам не скажу.

Он в яблоко может на вашей башке ради смеха
Попасть из ствола, что не солью заряжен — свинцом.
Он несколько раз вместе с грузом в теплушке проехал
В составе специальной бригады — и дело с концом!

...Это счастье, ребята, во имя свободы и мира
Каждый день с персонажами песен моих и поэм
В бой идти. Эй, Ирина, Василич, Эльвира,
Эй, Наташа, Андрей! Кем бы был я без вас? Да никем!

Как мудак по заводу ходил бы — вожак, воевода!
Ни системы, ни смысла — и то, мол, и это не так!
Это, братцы, беда, если ты не по воле народа,
А по воле судьбы по заводу идешь, как мудак!

В голове у меня не опилки, не каша-малаша,
Мне родной коллектив не позволит с катушек слететь.
И завод наш прекрасен, как принц. Ничего нету краше!
Я готов ему гимн тыщу раз под гитару пропеть!

А что там звездац? Ничего. У него пробуксовка.
На каждом участке, во всех заводских корпусах.
Мы бьемся без страха, мы с ним разбираемся ловко.
Команда что надо. Мы твердо стоим на ногах.

...Я люблю заводчан и скажу напрямую, в глаза им:
Днем и ночью пахать и не падать — таков мой удел,
Чтоб работал завод, чтоб звездац по стране, как хозяин,
Не разгуливал, падла, а тихо в сторонке сидел.

И не надо с ним лясы точить, и по рюмке, по чарке
Принимать втихаря — пропадешь. Будь с ним резче и злей
И тогда сможешь так заработать в цехах наших жарких,
Что лети хоть в Австралию, пузо под пальмами грей.

Все, что Богом предписано, сделаю — вот мое слово,
Пусть по сердцу мурашки, пусть лезут глаза из орбит.
Как пахал, так и буду пахать, мне не надо иного.
Он не умер, звездац-то, он тихо в сторонке сидит.

Пусть вихри враждебные веют и реют над нами,
Пусть грозы и бури шумят возле наших ворот
И речка Воронка встает на дыбы, как цунами.
Ребята, мы вместе, а, значит, звездац не пройдет!

2016

* * *

Э. Ясаковой

Ой, где вы, мои пальмы, белый парус, сине море, —
 Мечты одни, и только. Я который год подряд
 Чего-то вычисляю на компьютере в конторе,
 Мне три копейки платят. «Больше нету», — говорят.

Печаль-тоска, как проволока колючая,
 Вокруг меня узлы свои плетет,
 А я девчоночка из Криволучья,
 А я пошла работать на завод!

А мне и здесь отчаянье влетает вихрем в душу,
 Что от напитков высохли мозги у мужиков,
 Что бригадиры, сволочи, сидят и водку глушат,
 А рядом дурью маются начальники цехов!

И на пороге кризис, словно крыса,
 Шуршит, скребется, хочет править бал,
 А я главбух, и я же директриса
 По всем финансам, черт бы их побрал!

Финансы — это физика, они в одно мгновение
 Мелькнут и растворяются без возврата, навсегда!
 Хожу, ушами хлопаю с мозгами набекрень я,
 А прибыль уплывает, словно талая вода!

И тихой сапой туча, тварь ползучая,
 Крадется к нам на утренней заре,
 А я девчоночка из Криволучья,
 А я в боях крепчала во дворе!

Коллеги влюблены в меня, мол, нету девки краше,
 Любовь — она полезная для вахты трудовой,
 Мои фанаты сутками, как проклятые, пашут,
 Кричат: «Эльвира, Элечка, мы рядом, мы с тобой!»

Они теперь все с мылом моют рожи,
 У них поют на сердце соловьи,
 А у меня в ответ одно и то же:
 «Не спать, работать, милые мои!»

Директор наш, зверюга, возит мордою об стол их,
 Что, типа, смертью храбрых надо пасть в лихом бою,
 А я их всех жалею, дружбанов моих веселых,
 Домашние закуски, валерьянку им даю!

И наш завод, как «Боинг» на форсаже,
 Летит вперед, не ведая оков,
 И мастера прочухались, и даже
 Почти не пьют начальники цехов!

Они зарядку делают, живут на полном вдохе,
 Нет, я не зря оладьями кормила их с руки:
 Здоровые, румяные, они не так уж плохи,
 Они теперь ударники и передовики!

«Ты — идеал, ты — первая, ты лучшая», —
 Они хвостами вертят так и сяк,
 А я девчоночка из Криволучья,
 А мой девиз: равенство на флаг!

Хоть важный гусь, хоть зам его, хоть кто ты, —
 Основу, суть мозгами улови,
 Что без души, без ласки нет работы,
 Что производства нету без любви!
 Что производства нету без любви!

2013

* * *

*Надежде Финогеновой, начальнику юридической
службы Косогорского металлургического завода*

Нету в жизни смысла, если все вокруг нечестно, —
Хороши юристы, значит, жив родной завод.
Братцы, я спокоен, мне доподлинно известно:
Надя Финогенова за правду пасть порвет!

Должники трепещут, им от нас не отвертеться,
Конкуренты стонут, у проверок бледный вид,
Потому что Надя от души, по зову сердца
Рыло рвет за правду, за ребят горой стоит!

Будь ты вор и сволочь, воротила кабинетный,
Будь хоть мелкой сошкой — бойся, жди за годом год,
Что тебе без лишних слов, спокойно и конкретно
Надя Финогенова за правду пасть порвет!

И пока вздохнет она, без удержу воюет,
Миллионы, толпы проходимцев и паскуд
За версту обходят нас — печенкой, горлом чуют:
Здесь шутить не любят, здесь за правду пасть порвут!

Вон залетный рейдер сам себе бинтует рожу,
Ухо мажет йодом, льет зеленку на башку, —
Знаем, соболезуем, помочь ничем не можем:
Надя Финогенова на страже, начеку!

Может, кто-то меч кует, на нас глазенки шурит,
Тюха ты Матюха, знай помни, обормот:
Кто с мечом придет сюда, тому кранты, в натуре,
Надя Финогенова за правду пасть порвет!

2013

* * *

По миру ходит кризис, как медведь.
Нам старший мастер брякнул с бодуна:
«Ребята, надо срочно протрезветь,
Иначе смерть и полная хана!

Мы пьем и с жару, и с морозу,
Один лафетник за другим!
Друзья, давайте сменим дозу,
Тогда мы кризис победим!»

В литейке шутят: «Пьянство — это зло!
Ну что нам, из наперстков, что ли, пить?
Прости, братан, ей-богу, запахло
Литейщику наперсточником быть!»

Мы пьем серьезно и помногу,
Чтоб враг, подлец, к нам не был вхож,
Чтоб даже кризис у порога
Рыдал при виде наших рож!

Гудит родной завод, гудит башка,
Душа поет, щебечут снегири,
И путь наш прям, и планка высока:
Два литра в сутки! Завтра будет три!

И мы работаем, как звери,
И нам гулянка не во вред.
«Умом Россию не измерить!» —
Поэт был прав, базара нет!

У кризиса меж ребер холодок,
Мол, что за хрень, все пьют, а жизнь идет!
И он в Россию больше не ходок,
Он в Грециях, зараза, гнезда вьет!

Мы водку тоннами лакаем,
Наш долг — не падать, а стоять!
И мы сегодня побеждаем
И будем завтра побеждать!

2012

* * *

Валерию Ходулину

А на тебе мешки и ведра
 Таскать, возить бы тыщу лет,
 А ты взрывной, веселый, бодрый —
 Таким и должен быть поэт.

Но тут недавно вскрылись факты
 (Мне подсказала молодежь),
 Что ты порою где-то как-то
ню какую-то несешь —

Про то, что песня твоя спета
 И счастья мало впереди,
 А я тебе в ответ на это
 Скажу: «Валерий, не ...!»

Пусть вечер зимний, непогожий,
 Тяжелый, серый, словно ртуть,
 Тебя терзает и тревожит,
 Пускай на сердце мрак и муть,

И как-то все кругом ...,
 И дружбаны ушли в запой,
 Но в нас твое живое слово
 Звенит, а, значит, мы с тобой!

Придурков — тьма. Мы не чета им.
 Мы металлурги. Ты поэт.
 Ты свой, и мы тебя читаем.
 Ты наш, и в этом твой секрет,

И сила строк, и страсть, и тайна,
 И ты — стихам твоим под стать,
 И до конца второго тайма
 Тебе сто лет еще играть.

Напомню, если ты позволишь,
 Что впереди — великий путь,
 И ты — талант, и я всего лишь
 Хочу на это намекнуть.

Хочу пунктиром обозначить
 Перед тобою круг задач:
 Пахать! Работать! Жить!чить!
 Иди, Валерий, ичь!

2014

* * *

Аркадию Пономареву

«Спокойно, шансы есть, он всех сильнее» —
 Был голос глух и вязок у врача.
 И вот уже поминки, сорок дней.
 Холодный ветер. Сумерки. Свеча.

Туман, колючий иней на кресте и на ограде,
 Мы в Тулу прикатали из столицы на такси,
 Мир праху твоему, привет душе, мы здесь, Аркадий,
 И домны наши дышат, вот и вспомним, на ночь глядя,
 Как мы с тобой заводы поднимали на Руси.

...И был пейзаж печален и уныл —
 Труха и пепел, злая круговерть,
 «Сергей, прорвемся, — так ты говорил,
 Давай, спортсмен, ты можешь, только верь!»

Базарили без умолку в большом красивом зале
 Веселые придурки, хоть косою их всех коси,
 Они с утра до ночи водку ведрами лакали,
 А мы с тобой заводы поднимали на Руси!

Полынь росла на шпалах, а в цехах
 Вороны вили гнезда, снег летал,
 Родной завод загнулся и зачах,
 И где уж там давать стране металл!

Балбесам и бездельникам расписаны награды:
 «Премного благодарны, битте-дритте, гран мерси!»
 Они над нами хором потешались до упада,
 А мы с тобой заводы поднимали на Руси.

...И у врача в руке дрожал бокал,
 И он шутил, и с нами пил за жизнь,
 И отводил глаза, а я шептал:
 «Аркадий Николаевич, держись!»

И в черепах извилины хрустели аж до хруста,
 Закон один: работай или ноги уноси!
 И мы с тобой заводы приводили в ум и в чувство,
 И мы с тобой руины разгребали на Руси.

То путчи, то дефолты, слава Богу, не цунами,
 Тоска вокруг — хоть голову о стену расколи!
 А мы с тобой всегда любили тех, кто рядом с нами,
 И жили, и заводы поднимали, как могли!

...Холодный ветер. Сумерки. Луна.
 И звезды высоко над головой.
 Пока, Аркадий. За тебя, до дна!
 Завод наш дышит, значит, ты живой...

2012

* * *

Самогоном пропитан я, бормотухой отравлен,
Ох, со мной и намучился Косогорский завод!
На участок к девчатам я, на поруки отправлен, —
Типа, нежность, любовь меня в чувство, в ум приведет!

Косогорские девушки — не заморские клячи,
Не столичная шушера, им знаком тяжкий труд.
Верят в дружбу, в ребят они, и на коксоподаче
Молодые, красивые, в домну кокс подают!

«Совесть, ум, — говорят они, — и душа, и надежность —
В мужике это — главное. Пусть цветет отчий край,
Пусть такие плодятся в нем. Если ты подведешь нас,
Мы тебя за предательство не простим, так и знай!

Знай, что путь к сердцу женщины и опасен и труден.
Если спать будешь сутками, как Ильич в шалаше,
Мы тебя пропесочивать на собраниях не будем,
А утопим по-тихому в шлаковозном ковше!»

Мне отвар из шиповника и настой из ромашки
Косогорские девушки от похмелья дают.
Я б с утра с бригадиршей пропустил по рюмашке,
Но влюблен в нее по уши. Значит, пьянке капут!

Я ишачу до одури, жилы рву до упада,
Я уже боле-менее три недели не пью.
Косогорские девушки — это то, что мне надо!
Я на трезвую голову в домну кокс подаю!

2012

* * *

Ты украл нодулярный чугу́н — сто пятнадцать кило.
Тоже мне, бригадир — хорошо, мы тебя отловили, —
В полночь взяли, на месте, с поличным — считай, повезло.
Ты в прострацию впал, и глаза, как две льдышки, застыли.

Я особого зла на тебя, видит Бог, не держу,
А без лишней «пурги» ограничусь беседой короткой —
О финансах, о прибыли в общих чертах расскажу,
А потом п...ну по балде кантовальной лебедкой.

Не могу я смотреть, как завод вылетает в трубу.
Нет, ты слушай сюда, в суть вникай и в окошко не пялся.
Если б ты даже медную фуру унес на горбу,
Я б и то как-то вскользь посмотрел бы на это, сквозь пальцы.

Ну а тут-то — сверхчистый, сверхприбыльный ценный металл!
Ты, его по частям тайной тропкой со склада таская,
Нам в итоге ухудшил отчет за истекший квартал —
На святое посмел покуситься, паскуда такая!

Я не буду в ментовку тебя на аркане тащить,
Греть ладонями ствол на ходу и размахивать плеткой.
Рецидив налицо. Ты обязан свое получить —
С разворота, с торца по балде кантовальной лебедкой!

Кто-то скажет: «Владимирыч, как-то оно не того,
Трудинспекция может прийти, так и жди ее, злюку!»
«А крысятничать внаглую, братцы, оно ничего?
Пусть приходит — сама огреbet под горячую руку!»

Вот вы сами ж не будете в мутной болотной воде
Тихо рыбку ловить? Лучше жить и заводом гордиться!
Лучше честно работать. Зачем получать по балде?
Основание черепа надо беречь. Пригодится.

2015

* * *

Я был в делах отчаянный и храбрый —
 На взводе, как пружина, как курок,
 А нынче кризис, взяв меня за жабры,
 В пивную, как на плаху, приволок!

А нынче кризис шествует по миру,
 Шумит, бузит, как прапор с бодуна!
 Налейте, братцы, бывшему банкиру,
 Я все имел, и нету ни хрена.

Хана финансам в Штатах и в Европе,
 Пейзаж на бирже мрачен и уныл.
 Я дом в Париже с перепугу пропил,
 Я все мечты свои похоронил.

В сарае сплю. Труха. Опилки. Ветошь.
 Петруха, сват, смеется: «Пей до дна!
 Покуда цел — пляши, потом ответишь
 За то, что денег было до хрена!»

И я пляшу в продмаге у прилавка —
 Танцую вальс, чтоб водки дали в долг.
 И мне дают. Меня жалеет Клавка,
 И я на звезды вою, словно волк.

И кредиторы, сытые уроды,
 Меня шерстят без отдыха и сна,
 Отняли все — и банки, и заводы.
 И за душой ни банков, ни хрена!

Колымский край, Дудинку, блин, Игарку
 Они меня осваивать пошлют.
 Друзья, налейте! Плохо олигарху,
 Когда ему, как Гитлеру, капут!

И пусть я с Монте-Карлами простился,
 Пускай в Мадрид не езжу к королю,
 Зато у стойки в баре закрепился,
 Я в доску свой, я Родину люблю!

Я без нее — тюфяк и недоумок,
 Смычок без скрипки, лодка без весла,
 Я раньше пил из платиновых рюмок,
 Теперь предпочитаю из горла!

Спасибо, кризис, ты мой лучший лекарь!
 Ты не во сне, а здесь вот, наяву
 Из олигарха сделал человека —
 Я свой среди ребят, и я живу!

Я спирт в подъезде запросто лакаю,
 Меня из дома выгнала жена!
 Не знал я, братцы, кто она такая,
 Покуда денег было до хрена...

2012

* * *

Я приехал в составе друзей
 На Второй Силикатный проезд.
 Я, как в древний дворец Колизей,
 Вглубь родного завода пролез.

Здесь упадок всего — механизмы мертвы,
 И монтажник Илья под забором, увы,
 В одуванчиках, в травах погряз.
 Ржавый крюк все живое берет на испуг.
 По руинам идем, слышим скрежет и стук.
 Песню слышим: «Эх, раз, еще раз!»

Это друг наш, Смирнов Тимофей,
 Не смирился со смертной тоской.
 Слесарь-сборщик, король, корифей,
 Он в атаку бросается, в бой!

Он ударник труда, он в оркестре один,
 Он ударник, он бьет по металлу машин,
 Машет молотом, мрачен, суров.
 Он не сдался, он хочет опять и опять
 Из молчащих моторов искру высекать,
 Хочет слышать их рокот и рев!

Мы с друзьями сидим у костра,
 Жарим окуня в черных углях.
 Над руинами воют ветра,
 Сброд уснувший лежит на путях.

Но не спит Тимофей, хочет фронта работ,
 Он кувалдой в компрессор, как в колокол, бьет,
 Телогрейку рванув на груди!
 Он с катушек съезжает, как с рельсов трамвай,
 Он гудку заводскому кричит: «Ну, давай,
 Ну, чего же ты, сволочь, гуди!»

Нюрка ищет его, сбилась с ног, —
 «Эй, — кричит, — идиот, спать ложись!»
 Он в бою, он спецуху прожжет,
 Он поет: «Я люблю тебя, жизнь!»

Он в останки станков барабанит башкой.
 Звон железный встает над притихшей землей,
 Уплывает, уносится ввысь,
 И Тимоха в болото роняет болты,
 Гладит гайку, подшипнику шепчет: «Эй, ты,
 Шевелись, шевелись, шевелись!»

Он впрягается в лямку со всех своих сил,
 Он бульдозер, как баржу, берет на буксир:
 «Ну, поехали, брат, понеслись!»
 Он кувалду сломал, в кровь разбил кулаки,
 Он к конвейеру рвется ветрам вопреки.
 «Шевелись, шевелись, шевелись!»

1993

* * *

Я распределился после ВУЗа на завод,
Я людьми командую на доменной печи.
У людей шатание, гулянка и разброд —
Пьют, как оголтелые, лечи их, не лечи.

Слесаря и грузчики в похмельной маяте
«Сбегай за поллитрой, — шепчут с грустью и тоской, —
На сухое горло даже кони, вон, и те
От работыдохнут от такой»

Я спец. Я старший мастер. Все равно мне
Кричат: «Беги давай! Народ страдает!»
Мой сменщик мне сказал: «Живи и помни:
Не дашь по роже — не зауважают!»

Ох, во мне и сила — как река без берегов, —
Я начистил рыло всем, кто под руку попал,
И отдельной темой алконавтам из мозгов
Градусы с промиллями к чертям повышибал.

За общий стол в преддверье Первомая
Заместо тамады меня сажают —
Дела пошли. Догадлив. Понимаю:
Не дашь по роже — не зауважают!

Мне сказали парни: «Нам понятен разговор,
Где-то даже близок. Ну, а как нас не учить,
Если мы метиловый не можем до сих пор
От простой водяры отличить?»

Да, тяжел кулак мой, но местами, вон, уже
Воровство с прогулами сошли на ноль, на нет.
Я в бою с соперником — в контакте, в кураже.
Я провел на ринге десять лет.

Призер Союза в полусреднем весе —
Вот кем я был, теперь все это знают
И даже намекали в местной прессе,
За что меня, примерно, уважают.

Мне, ей-богу, совестно, но дело-то пошло!
План даем, и премия не хилая у нас.
С шишками, с фингалами, но трезвый, как стекло,
Цех, пыхтя и бегая, жиры свои растряс!

Мне ребята трубку подарили с мундштуком,
Как тому, который по ночам сидел в Кремле,
От которого злодеи отлетали кувырком, —
Царь и бог, я помню, свет во мгле!

Он тридцать лет нас вел прямой дорогой.
«Таким же будь, — ребята мне желают,
А надо нас учить — за ради бога!
Не дашь по роже — не зауважают!»

Я стих писал всю ночь, и вот — готово,
Пусть критики над ним соображают,
Не то в нем три, не то четыре слова:
«Не дашь по роже — не зауважают!»

2015

* * *

Н. Леоновой

Закусь к водке укропом и перцем
Я посыпал, и тост мой такой:
Уважаю финансы всем сердцем,
Финансисток люблю всей душой!

Наташку взять для примера,
У ней одно на устах,
Что деньги — призрак, химера,
Когда их нет на счетах.

Наташка формулы пишет,
Наташка в цифрах сильна,
У ней ума выше крыши,
У ней мозгов до хрена!

Я хочу, чтобы в шоке и трансе
Не тряслась у Наташки башка,
Чтоб у ней дебет-кредит в балансе
Никогда не валял дурака!

Киреев, Кузин, Радаев —
Парнями Тула полна, —
Она не в нас, раздолбаев, —
В родной завод влюблена!

Она по-черному пашет,
Компресс кладет на хребет,
В башке у ней нету каши,
В мозгах трухи тоже нет!

Кризис топает к нам по планете,
Бухгалтерия чешет башку.
У соседей в цехах воет ветер,
Производство лежит на боку.

От спячки, дури и лени
Завод их рухнул, как лось,
Когда у них в смысле денег
Одно с другим не сошлось.

Наташка — полная гневом:
«Ведь мы же так не хотим,
Крутые, буйные, где вы?
Вперед, и мы победим!

А значит, дурью не майтесь,
Иначе крышка, беда,
Вы хоть немного старайтесь
Мозги включать иногда!»

Убытки сплошь да потери
У тех, кто сутками спит,
Наташка в лучшее верит,
Наташку ангел хранит.

И он ей крыльями машет,
Чтоб ей, как ландышу, цвести.
В душе у ней нету каши,
У ней там жизнь, сила есть!

Она зимою и летом
Всегда, во все времена
Красивше всех, и при этом
У ней мозгов до хрена...

2012

* * *

*Александр Еришову, начальнику службы безопасности
Косогорского металлургического завода*

А враг был и резок и точен в ударах,
А урки бесились вокруг во всю прыть,
А ты им сказал: «Ваше место — на нарах!»
Василич, налей, мне тех лет не забыть!

Они наш завод обложили по полной:
«Эй, ты, развалюха, умри, околей!»
Я помню твой план. В нем слова вроде молний:
«Война до победы!» Василич, налей.

За тех, кто в бою, ну, поехали, с Богом,
За самых надежных и лучших парней,
Что груз по великим российским дорогам
Везут и довозят. Василич, налей!

За Слетина Сашу, что гвозди и вилки
Ломал, веселясь, и без лишних затей
Ворье, подлецов прессовал, как опилки.
Земля ему пухом. Василич, налей!

Вопросов уж нет: «Кто кого? Либо — либо?»
Завод на ходу. Жизнь идет. Мы сильнее.
И мало кто скажет: «Эй, вы там, спасибо!»
Да нам и не надо. Василич, налей!

...А враг, обезумев, глумился в охотку,
А ты усмехался: «Держись, дуралей!»
И мы его взяли за жабры, за глотку,
И мы победили. Василич, налей!

2013

* * *

Летят сквозняки напролом,
И дождь моросит невпопад.
В пивной у окна за столом
Рабочие люди сидят.

И друга, что в гору пошел,
Что в дамки пролез невзначай
И там засиял и расцвел,
Они поминают: «Прощай!»

Он сват там кому-то и брат.
На службе у них благодать,
И цифры какие-то в ряд
Он пишет в большую тетрадь.

Скулит в уголке, как шакал,
И воеет гармошка навзрыд,
И песню про славный Байкал
Нетрезвый поет инвалид.

И водка у Лехи на стол
Из рюмки бежит через край,
И взгляд его хмур и тяжел.
Он шепчет: «Товарищ, прощай!»

Ах, сколько на свете таких,
Заместо чтоб землю пахать,
Сидят в кабинетах своих
И пишут чего-то в тетрадь!»

Река вдалеке холодна.
Вишневый осыпался сад.
В пивной за столом у окна
Рабочие люди сидят...

2015

* * *

*Ирине Поляковой, начальнику отдела труда
и заработной платы Когорского металлур-
гического завода*

А ты прозреть заставишь и слепого,
И ночь глухая станет ясным днем.
Привет тебе, Ирина Полякова,
Давай с тобой по стопке ...!

Ты фронт работ горбом своим вкушаешь —
Цветешь себе, как яблоня в саду,
Но сердцем, шкурой, жизнью отвечаешь,
Чтоб всем была зарплата по труду!

Ты в полудреме, за полночь, в печали
Рисуешь в мыслях вектор бытия:
Чтоб пацаны дебила не включали —
Мол, я не я, и хата не моя!

Чтоб каждый знал, минуя проходную,
Зачем мы все, примерно, собрались,
Чтоб лень и дурь, как крысы, врассыпную
Из нас куда подальше унесли!

Чтоб, наконец, ни зависти, ни злобы
Не знал завод, но что за упыри,
Но что вокруг тебя за д...ы
Порой мелькают, черт их побери!

Ирина, мы сильней. Я верю в чудо.
Давай с тобою сядем в тишине —
Эх, красотища, братцы, тлею буду! —
Свеча, бокалы, тени на стене,

Луна в окне, как панцирь черепахи,
Что вдаль ползет, в волшебную страну,
И я с тобою вмажу по рюмахе,
И я с тобой по стопке..!

За то, чтоб даже олух безучастный
Кумекал, думал, двигал свой предел,
За наш завод, любимый и прекрасный,
Чтоб он три тыщи лет еще гудел!

Он для тебя, как поле Куликово,
Ты бьешься и крепчаешь с каждым днем.
Привет тебе, Ирина Полякова,
Давай с тобой по стопке..!

2012

* * *

Друг при друге завод и поселок — рабочий расклад.
Кризис смерчем промчался по нам напролом, на «ура!»,
Слабых в землю втоптал. Эй, ребята, ни шагу назад!
Здесь нам жить, это Родина наша — Косая Гора!

Нам погибель пророчили умники в толстых очках
И на биржах, и в банках, а мы от утра до утра
Рвали жилы по полной до стука, до звона в мозгах,
Живы мы, с нами Бог, с нами наша Косая Гора!

Что ж, об эти лихие края, где тебя наповал,
Чуть зевнул на ходу, ледяные спибают ветра,
В сорок первом зимой враг под ноль свои зубы стесал,
Он запомнил навек, что такое Косая Гора!

Войны, кризисы, пугчи, чего там еще приберег
Дьявол-черт нам в подарок, мол, все, разбегайтесь, пора!
Всем смертям и стихиям назло, вопреки, поперек
Жив завод, это Родина наша — Косая Гора!

2014

* * *

Н. Леоновой

Лед вокруг водокачки — замерзшая лужа.
Тишиной, как трясинной, поселок объят.
Люди спят да жуют, и каток им не нужен,
Люди ходят работать на химкомбинат.

И ветер, холодный и острый, сквозит,
Свистит, завывает в окрестных дворах,
Наташке три года. Наташка скользит
Вокруг водокачки меж бревен и плит
По тонкому льду на фигурных коньках.

А на химкомбинат спирт в цистернах привозят,
Люди все выпивают до дна, до нуля,
И фонарь околел на ветру, на морозе,
И оборванный провод повис, как петля.

Наташка, исполнив отчаянный трюк,
Бормочет под нос чепуху, ерунду:
«Хочу, чтоб все было красиво вокруг,
И вальс чтоб звенел для друзей и подруг»,
И чертит узоры коньками на льду!

В тучу вмерзла луна, ей тоскливо и тяжело,
Людям скучно от сна: вроде ветер утих,
Что в петлю-то смотреть? Вон как шпарит Наташка,
Да куда без нее? Нам не жизнь без таких!

И вальс в чьих-то окнах все громче звучит,
Все ярче, все выше луна в облаках,
И новый каток, кто б подумал, залит,
И люди кругом, и Наташка скользит
По синему льду на фигурных коньках...

2013

РАЗДЕЛ VI

В шестом разделе книги — то, что можно назвать «песнями разных лет». Тематически они никак не объединены. Их у меня много, возможно, еще не на одну книгу, но сюда я включил либо те, которые меня просят исполнить, либо те, про которые я могу сказать, что хочу, чтобы меня попросили их исполнить.

* * *

Вот он, дом наш — розги, плети,
 Злой, в лохмотьях — каждый третий!
 Ошалелый пляшет ветер,
 Проходимец и паскуда,
 На просторах снежных, голых,
 И вокруг, в соседних селах
 Знает, помнит каждый олух:
 К нам не суйся, будет худо!

Стой, прохожий, будет страшно
 На несжатых наших пашнях,
 Нас, веселых, бесшабашных,
 Все на свете разлюбили!
 Травы сохнут, меркнут зори,
 Так случилось. Что за горе,
 Кто тут с кем когда повздорил?
 Мы не помним. Мы забыли...

Эх, из рук уходит сила,
 Словно в жилах кровь застыла!
 Что-то тут такое было,
 От чего волосья дыбом!
 Старец, ушки на макушке,
 Что-то знает, но, опухший,
 У печи сидит потухшей
 И молчит, молчит, как рыба.

То ли мы честной толпою
 Пели песни с перепоею,
 То ли кровь лилась рекою
 Среди копоты и пыли,

На кресте там кто распятый?
 Вон, мужик башкой лохматой
 Бьет об стол, кричит: «Ребята!
 Караул! Мы все забыли!»

Свет неверный, пол неровный,
 Так в потемках и живем мы,
 Если что, кулак проворный
 Буйны головы остудит!
 И юродивый с гармошкой,
 То ли Яшка, то ли Прошка,
 Возле каждого окошка
 Нам кричит: «Очнитесь, люди!»

1990

* * *

Говорила мать: «Не плачь, не выдам»,
А потом махнула: «Бог с тобой.
На тебя купец имеет виды
Рыжий, толстый, с длинной бородой.

Будешь ветра в поле беззаботней,
Будут дни счастливые светлы».
«А когда же свадьба?» «Да сегодня!
Да уже накрыли на столы!»

Мамки-тетки носятся, как гуси,
И купец расселся, не спеша:
«Эх, Маруся, милая Маруся,
До чего ж ты, сволочь, хороша!

Вот он я, твой голубь сизокрылый,
Вот тебе навек моя рука»
И Маруся шепчет: «Сгинь, постылый,
Я люблю Ванюшу-дурака»

За рекою — церковь, звон разлуки,
Колокольня. Крест. Мечтам конец.
И ведут, ведут под белы руки
Мамки-тетки Маню под венец.

И в толпу, вон, врезался, ворвался
На лихом коне Иван-дурак,
Подхватил Марусю и умчался
Чистым полем, к лесу, за овраг.

«Эй, счастливо всем!» — махнул рукою
Ваня людям добрым, и от них
На край света скачут оба-двое,
Поминай, как звали молодых!

Сватья-братья, гости дорогие
Криком горло до крови дерут:
«Не сносить, заразе, головы ей,
Не уйдет он, дурень-баламут!»

Хоть с утра пьяны, но дело знают,
На коней вскочили, понеслись,
Догоняют Ваню, догоняют!
Шевелись, Ванюха, шевелись!

Ваня в ухо шепчет вороному:
«Ну, давай, соколик, выручай!»
Слева — мрак, трясина, справа — омут,
За спиною — горе да печаль.

За спиною — топот, топот, топот.
Впереди, уж вот он — темный лес, —
Косогоры, кочки, тропы, тропы,
Травы в рост и сосны до небес.

Там и скрыться, там и отдышаться,
Елки-ветки — вот вам и постель! —
И проснуться утром, и умчаться
Навсегда за тридевять земель!

Ваня к лесу правит наудачу,
И вдоль речки, ленты-полосы,
Вслед за Ваней скачут, скачут, скачут
Удальцы лихие, молодцы!

Кони рвут поводья, ног не чувят,
И купец орет из-за стола:
«Всех уволю, твари, подчистую.
Да пальнуть по ним — и все дела!»

Вороной от выстрела качнулся,
Сбился с шага, вбок заковылял.
Вот и кнут до Вани дотянулся.
И народ на славу развернулся
И Ванюшу — волоком — в подвал.

Что ни глаз, то кровью, смертью налит.
У таких пощады не проси.
Ой, вязали, Ваня, ой, ломали
Спокон века волю на Руси!

Мамки-тетки темными очами
На Ванюшу искоса глядят,
Соль достали, розги мочат в чане,
Во дворе собрались, встали в ряд.

Он без сил на лавке распластался.
Сто плетей — решили — в самый раз.
Сам купец пришел, за дело взялся,
И сватья-братья пустились в пляс!

Крик да стон, да розги вязнут в мясе.
Все, Иван лежит, почти остыл.
И купец с поклоном восвояси
От греха подальше укатил.

У Маруси — ночь перед глазами,
Даже днем. И кровь, и чан с водой,
И купец как будто рядом замер,
Рыжий, толстый, с длинной бородой.

Вот и год прошел, нашли другого.
Вот и свадьбе свой настал черед.
За углом Ванюша вороного
Запрягает рядом у ворот...

1996

* * *

Ехал, ехал купец, путь далек — ни конца, ни края,
Он на ярмарке был, он деньжищи домой везет.
Черен лес и колюч, и метель завывает злая,
Он друзей растерял, и подругам потерял счет.

Не видать, не видать, не видать, не видать дороги,
И душа на ветру коченеет под скрип осин.
«Уноси же ты, черт, уноси поскорее ноги, —
Ветер шепчет ему, — берегись, если ты один!»

Провожали купца, целовали до боли, звонко
Девки-дуры на счастье, и он хохотал в ответ.
И, губу закусив, мать крестила его вдогонку:
«Все напрасно, сынок, если друга с тобою нет!»

Визг вонзился во тьму! Это кони летят с обрыва.
Пни. Коряги. Овраг. Ни души. Серый снег стеной.
Вязнет в шубах купец, ковыляет, ступает криво.
Он упал. Он один. Значит, нету пути домой.

Вьюга воев захлеб, зыдыхаясь, крича и плача,
И, глаза закрывая под звон золотых монет,
Он в бреду бормотал: «Все напрасно. Не жди удачи,
Если путь твой далек и товарища рядом нет...»

2008

* * *

Девки головы потеряли,
Девки лаются с матерями,
Убиваются, словно спьяну,
По безродному по цыгану.

Солнце в закат — он тут как тут,
Вор, весельчак, бездельник, плут, —
Дразнит, дурачит честной народ,
Душу из пяток у девок рвет.

Ох, ребятаушки начеку.
Ох, висеть ему на суку.
Что понравится — все готов
Из чужих тащить сундуков,
Своего добра не нажил,
На ножи его, на ножи!

Сколько раз ему говорили:
«Мало мы тебя хоронили!
Ты кончай свои трали-вали,
Песен сроду здесь не слыхали!

Нам здесь привычней смех чертей,
Вой домовых да хруст костей.
Уши забиты у нас землей.
Даже звонарь, вон, и тот глухой!»

Смерть кудрявому! Он один.
Жить-дышать ему не дадим.
Чтоб порвать не мог наш аркан,
По рукам ему, по рукам!

От забот пустых, от хлопот —
Камень в лоб ему, тряпку в рот!

...Вот и кончена песня с пляской.
Туча — по небу — грязной кляксой.
Эй, ребятаушки, выпьем браги!
Вечным сном цыган спит в овраге!

Нету его, а мы живем,
Дальше друг другу горло рвем.
Слабыедохнут, в земле гниют,
Мертвому пряник, живому кнут!

Кто топор у нас рвет из рук —
Под каблук его, под каблук!
Кто там шастает под окном —
Кистенем его, кистенем!
Кто к нам с песнями на порог —
Вилы в бок ему, вилы в бок!

1984

* * *

Девкам пол пятки жжет,
 С ними невоворот
 Будет нынче возни и мороки,
 Ну и ну, стыд и срам,
 Девки рвутся к дверям,
 По деревне идут скоморохи!

Край задумчив наш, тих,
 Но от хохота их
 Бревна гнутся в домах,дохнут блохи,
 Мухи мрут. Ну-ка, встань,
 Беспробудная пьянь,
 По деревне идут скоморохи!

Не пожар, не гроза,
 Но сегодня глаза
 Мы с утра рукавами протерли,
 Брага в каждом ковше,
 А у нас на душе
 Страх и скука, как пальцы на горле.

Веселее, звонарь,
 Разгуляйся, как встарь,
 Медный колокол свой раскачай-ка!
 И, как пьяная в дым,
 Перебором шальным
 Отзовется вдали балалайка.

Лезем к свету из нор,
 Не хотим под топор

Мы теперь подставлять свои шеи,
 Что нам плеть, что нам кнут,
 Скоморохи идут,
 Подыхать нам уже веселее!

За околицу, к ним,
 Слушать песни хотим,
 Эй, десятник, дела твои плохи,
 Хватит жилы нам рвать,
 Хватит ребра ломать,
 По деревне идут скоморохи!

1984

* * *

Залетного соколика свинтили с потрохами —
Ванюху-конокрада из соседней слободы,
Его в углу урядники месили сапогами,
И пол дрожал и гнулся от веселой чехарды.

И он порвал веревки, и конвой за ним в погоню
К реке по снегу кинулся, оскалась, как в бреду.
Они его догнали. Он об щеки грел ладони.
И самый злой и старший расстрелял его на льду.

А тот, второй, сутулясь от похмелья и печали,
Цеплялся за березу, и зубами скрежетал,
И в ухо выл товарищу: «Ведь мы его догнали,
И он стоял, как вкопанный, зачем же ты стрелял?»

А после — панихида, и от храма до погоста
Народ, чихая в бороды, за гробом ковылял,
И дьяк, хмельной и скрюченный, одетый не по росту,
Скулил, вопил на холоде: «Зачем он, гад, стрелял?»

И он, сполна одаренный монетой медной, звонкой,
Сидит и пьет, и, вдребезги об шкаф разбив бокал,
Жена, Наташка, по миру пошла с пустой котомкой:
«Дурак, мы только зажили, зачем же ты стрелял?»

И друг его, тот самый, с кем три пуда соли съели,
С кем баб шерстили вместе, не подал ему руки,
Когда он в черной чаще заплутал под вой метели
И в снег навеки рухнул у замерзшей той реки...

2003

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

Трень-брень, трали-вали,
Трали-вали, трень-брень.
Тяп-ляп. Мы кивали
Головами весь день.

Пух, прах, дым ли, пепел,
Руки-крюки там, тут,
Ваш, наш, был ли, не был,
Ваших, наших рвут, мнут.

Ать-два, левой, правой,
Три-четыре, топ-шлеп.
Мил друг, пень корявый
Жить закончил, лег в гроб.

Час, два горевали —
Так, саяк, а потом
Все — в пляс. Трали-вали.
Мордой — об пол. Шум, гром.

Всех — прочь, с жара, с пыла,
Всех — за шкурку — в тишь, в тень.
Топ-шлеп. Всяко было.
Все видали. Трень-брень.

Пьем, спим, польку пляшем.
Танцы-шманцы. Прыг, скок.
Кость в нос — вашим, нашим,
Нашим, вашим — нож в бок.

Им, нам рожу рвали.
Мы лежали. Встать — лень.
Трень-брень. Трали-вали.
Трали-вали. Трень-брень...

1986

* * *

Холод. Тяжелые тучи.
Град, но еще не пурга.
Я на телеге скрипучей
Еду к чертям на рога.

Конь мой косит глазом карим,
Месит копытами грязь.
«Плохи дела твои, парень!» —
Ветер свистит, веселясь.

Мимо большого погоста
Еду, крестясь на ходу,
Черт кочергой эти версты
Мерил в похмельном бреду.

Ветер вопит, словно спьяну:
«Сгинешь, кричи не кричи,
В этой глуши окаянной,
В черной проклятой ночи!»

Путник впотьмах полуночный,
Бледен, задумчив и зол,
С рожей кривой и отечной,
Мимо, как призрак, прошел.

Посох заточен, а шаг-то! —
Ноги — враскачку, вразброд.
Он ковыляет по тракту.
Он до жилья не дойдет.

Чуть развиднелось, и кто-то
Ставит в окошке свечу,
«Братцы, откройте ворота! —
Глотку срывая, кричу, —

Или уже мы не люди,
Чтобы и дальше так жить?
Так друг от друга и будем
Рожу во тьму воротить?

Русь православная, где ты?
Эй, отзовись, кто живой!»
Пусто. Темно. Нет ответа.
Нету свечи никакой.

Только поземка навстречу,
Только всю ночь напролет,
Ветхие кровли калеча,
Ветер солому сечет.

Люди в ненастную пору
В пьяном угаре глухом
Только безумца и вора
Ждут на пороге своем.

Спят земляки и не знают,
Сладко храпя на печи,
Как я один пропадаю
В черной холодной ночи...

1994

* * *

Конь мой околел. Я в телегу впрягся.
Я тащу свой воз из последних сил.
Небо — серый холст, туча — словно клякса,
И дремучий лес черен и уныл.

У реки — озноб, ледяная одурь,
И вдали, в ночи, бубнами звеня,
Девки под луной водят хороводы,
И горит костер. И зовут меня!

«Эй, сюда, скорей, молодой, кудрявый,
Эх, силен ты, смел да в трудах упрям,
Нам с тобой гулять по нутру, по нраву,
Эх, тяжел твой воз, брось его к чертям!»

Холод, как кинжал, мне щекочет горло,
Долог, труден путь. Я, как пес, продрог.
Я спешу к своим, там работы прорва,
Девкам у костра — свой черед и срок.

Я б с любой из них загулял на пару,
Я бы их сто лет на руках носил!
Я от них бегом, без оглядки шпарю,
Я тащу свой воз из последних сил...

2009

* * *

Эй, земляк, слышишь,
Не ходи к нам.
Всех из нас выше,
Всех главней Хам.

Ты в обход шел бы,
Здесь расклад крут.
Ни за что по лбу
Просто так быют.

Блеют, ржут, воют,
Вбить хотят в гроб.
Будь готов к бою.
Тренируй лоб.

Эх, смурной, хмурый
В слободе люд.
Ой, с тебя шкуру
Рвать хотят. Рвут.

Заросли шерстью
Все подряд, сплошь.
Ох, разит смертью
От хмельных рож.

Белый свет, падла,
На тебя зол.
Возле лба палка,
У виска ствол.

Нет вперед ходу,
Есть сигнал «Стоп».
Не мути воду,
Применяй лоб.

Не чеши репу —
Ад и есть ад.
Если лоб крепок,
Будешь жить, брат.

Смейся, жуй гренку
И хлебай сок,
Если лбом стенку
Проломить смог.

Ветер злой, встречный,
Валит с ног, черт.
Будет кайф вечный,
Если лоб тверд.

А целы стены,
То на кой ляд,
За каким хреном
Ты живешь, брат?

Улыбнись, олух,
И забудь грусть.
Над башкой обух
Просвистит пусть.

Пусть топор точит
На тебя Хам.
Твой кочан прочен
И хребет прям.

Ты упал в лужу,
И дела — дрянь.
Веселей, ну же,
Встань, браток, встань.

Если лбом в стены
Нету сил бить,
За каким хреном
На земле жить?

1994

* * *

Мы гуляли, мы плясали,
 Сладко ели, крепко спали.
 Мы глаза протерли утром, и опять — пляши, гуляй!
 И за тридевять земель я
 Добывать хмельное зелье
 Снарядился, вдаль пошел, в дремучий край.

Снег да снег, да степь, да вьюга,
 Ни товарища, ни друга,
 Лишь сугробы да овраги. Где дорога, где проход?
 В этот холод, в эту стужу
 Было плохо, станет хуже,
 Если знаешь, что тебя никто не ждет.

Я иду с добычей важной.
 Я здоровый, я отважный.
 Здесь ямщик замерз однажды от товарищей вдали.
 Он их звал — они гуляли,
 Сладко ели, крепко спали,
 И забыли про него, и спать легли...

Смерть под носом прошуршала,
 Промелькнула и отстала.
 Вижу свет впотьмах, дорогу, слышу крики: «Эй, сюда!»
 Вот снежками мне сигналият,
 И дрожит на соснах наледь,
 И сосулька, вон, на елке, как звезда.

Петька, пьяный, еле дышит,
 Но с гармошкой влез на крышу,
 Бьет кувалдой об кувалду, словно в колокол звонит.
 Он кричит мне, черт хрипатый:
 «Где ты там, держись, не падай!
 Ты услышь нас, ты не брошен, не забыт!»

Ни коня со мной, ни плетки,
 Я к ребятам рву подметки.
 Ох, не зря вы драли глотки, задыхаясь, как в бреду!
 Я вразвалку по оврагу
 Ковыляю, я не лягу.
 Я вас слышу. Я живой. И я дойду...

2001

* * *

В жилах кровь леденеет и стынет,
И гудит, как с похмелья, башка:
Комиссар, полюбивший графиню,
Был расстрелян в застенках ЧК.

Мы плетемся под черною тучей.
Мы о нем будем память хранить.
На телеге разбитой, скрипучей
Комиссара везем хоронить.

Он плывет, как на лодочке хлипкой,
Он неделю ходил во хмелю,
Он шептал на расстреле с улыбкой:
«Я ее больше жизни люблю!»

«Он от страсти из разума выжил, —
Нам сказали в ЧК, — он во сне
С ней в обнимку гулял по Парижам,
Шляпу, фрак надевал и пенсне»

Мы на гроб пулеметную ленту
Положили, пальнули во тьму:
Ну зачем ты, зачем ты, зачем ты
Нас покинул, — скажи, почему?

Снег летит, окаянный, проклятый,
И хоть в омут ныряй, хоть в петлю.
Мы слова его помним: «Ребята!
Я ее больше жизни люблю!»

Ворон мерзнет на дряхлой осине,
И черна за оврагом река.
Комиссар, полюбивший графиню,
Был расстрелян в застенках ЧК...

1998

* * *

Мы за Яблочный спас выпивали,
И пришел, вон, прямой, как доска,
И разводит со мной трали-вали
Сашка Павлов, сотрудник ЧК.

В черной куртке, с ухмылкой на рыле,
Он присел в огороде на пне:
«Мы вчера твою лавку закрыли,
А сегодня ты встанешь к стене».

Я соседей позвал и соседок,
И жену, и родимую мать.
«Ты позволь мне, браток, напоследок
Посошок на дорожку принять!»

Мы с ним вместе росли пацанами,
Кур гоняли за тем, вон, углом.
Он чечетку пролязгал зубами
И сказал: «Перебьешься. Пойдем!»

Он поднялся и сдвинул посуду.
Он делил со мной хлеба кусок,
А теперь не дает мне, паскуда,
Перед смертью принять посошок.

За рекой соловьиные трели,
А у Сашки озноб и оскал:
«Я, гляди-ка, уже три недели
Из нагана в людей не стрелял!

Мне в лихую горячую пору
 Революция право дает
 Посмотреть, как ты встанешь к забору
 И как кровь из тебя потечет!»

Мы идем. Ой, Санек расстарался,
 Ох, легка его подлая прыть,
 Так он в детстве хотел и пытался
 Всех в округе собак перебить

И на радость мычащей скотине
 Подстрелить из рогатки орла,
 Посмотреть, как он клюв запрокинет
 И как кровь потечет из крыла.

Жизнь, петляя, по кочкам несется:
 Мне фамилию дали — Орлов.
 «Ты взлетел высоко, — он смеется, —
 И конец твой тяжел и суров!»

Пыль, колючки, холодные камни.
 Черт-те что, не могу я, Санек,
 Чтобы друг закадычный не дал мне
 Напоследок принять посошок!

Темнотища, хоть выколи зенки,
 Сверху бледная смотрит луна,
 Как он тащит меня, ставит к стенке
 И как я прыгнул первым спяна.

Мы по насыпи вниз покатались,
 Там прохлада, озерная гладь,
 Мы зубами, как волки, сцепились,
 Я раздумал в колючках лежать.

Я б вообще его, гада, не трогал,
 Я бы в рай без оглядки убег,
 Если б он перед дальней дорогой
 Мне позволил принять посошок!

Ой, дела его скверны и плохи,
 Он нажал на курок, остолоп,
 И в борьбе, в кутерьме, в суматохе
 Пуля-дура вошла ему в лоб.

Спи, Санек, ты презрел все устои,
 Бог, и тот бы тебе не мог.
 Ты с наганом полез на святое,
 Ты не дал мне принять посошок!

Он лежит среди графских развалин
 Мордой кверху и кормит ворон,
 А за озером, зол и нахален,
 Погребальный разносится звон.

Там кого-то сегодня отпели.
 Кровь и смерть нам, как дождик грибной.
 Я обратно плетусь еле-еле.
 Я пришел. Я обнялся с родней.

Луч луны, словно нож перочинный,
 В черной туче, как в горле, увяз.
 Мы сидим у зажженной лучины,
 Выпиваем за Яблочный спас...

1991

* * *

Над нами небеса высоки и бездонны,
С утра сухой сквозняк скребется у виска.
На красную чуму вперед, на север, к Дону
По Таврии идут кубанские войска.

Подъем! Седлать коней! Долой чины и ранги!
Нам всем за нашу Русь в одном огне гореть.
Земля, и та звенит, когда в атаке Врангель.
Мы все равны в бою. Свобода или смерть!

Степную месим грязь. Песком забиты глотки.
Три месяца побед. Лишь клочья, прах и пыль
От красных корпусов, осколки и ошметки
Остались. Их отпел колючий злой ковыль.

Ну сколько же их там? Опять тылы и фланги
Нам рвут, и впереди, — пожар по всей земле.
И дрожь по их рядам, когда в атаке Врангель,
И Родина жива, покуда мы в седле!

...И пепел, словно снег, на черного барона
Летит, лицо сечет, и выжженная степь
Упавших приняла, и порваны знамена,
Где слов не разобрать: «Свобода или смерть!»

Уходят корабли. Эскадра отплывает.
Блажен, кто уцелел. Стучат, стучат сердца.
На палубе барон. Огни в тумане тают.
Прощай, святая Русь! Мы бились до конца...

2015

* * *

Хрип и топот. И поле без края.
И галоп наш безумен и лих.
И веселое солнце сверкает
На клинках наших острых, кривых.

Ветер жгуч, как вода из колодца,
В жилах кровь, как хмельное вино,
И свободное, гордое, вьется
Знамя черное батьки Махно.

Ой, степная полынная горечь,
Ой, души разудалый полет,
Рубим шашками белую сволочь,
Тварей подлых пускаем в расход!

Веселее, братки-комиссары,
Пробил час — мы опять заодно!
Сквозь сумятицу, смуту и свару
Мчится конница батьки Махно!

Кончен бой, и победа за нами.
У судьбы повороты круты.
Пляшет, пляшет рассветное пламя,
И оскалены пьяные рты.

Нас под дребезг разбитой гитары,
Под шальную гармонь, чтоб ее,
Ставят к стенке братки-комиссары!
И кричит, и кружит воронье!

Конь копытами цокает звонко.
У братков — из ревкома пакет.
Мы хлестали вчера самогонку,
А сегодня — похмелье и бред.

Вон, в окне, до чертей, до упада
Пьют, орут, и боец молодой
Слезы льет с командиром отряда,
Воет, стонет, вихрастый, худой!

Он дорожкой извилистой, узкой
Под луной, после боя, без сил
С пулеметчицей нашей Маруськой
До рассвета в обнимку бродил.

Он сивухи глотнул из стакана,
И Маруську, ступив на порог,
Их трофейного шлепнул нагана,
И себя — вслед за нею — в висок.

Его кровь, вон, полоскою алой
Средь маруськиных вертится лент.
«Черта с дьяволом кровь повязала», —
Нам сказал наш Петруха-студент.

Нас к забору ведут торопливо.
«Бей, ребята, руби их, коли!» —
Мы конвой повалили в крапиву,
Мы, живые, прорвались, ушли.

Душит, давит нас лапой шершавой
Вольный ветер — и бог наш, и царь.
Мы пожар запалили на славу.
Мы глотаем проклятую гарь.

Мы плетемся по пыльным проселкам,
Беслошадная нищая рвань.
Месяц темным щербатым осколком
В туче тонет. Тоска. Глухомань.

На хвосте — краснопузая погань,
Нет пути, и от дыма темно.
Ни надежды, ни черта, ни бога,
Ни России, ни батьки Махно...

1997

*Следующие несколько песен посвящены моим
кавказским друзьям — гордым, предприимчивым,
решительным и очень веселым людям.*

* * *

Познакомьтесь, зовут меня Гоги!
Говорю вам свои интересы:
Апельсин-мандарин — мое хобби,
Да машины еще, «Мерседесы».

Я в столице, в Москве проживаю.
Я в холодном краю руки грею —
Покупаю, потом продаваю
И всего очень много имею!

По Союзу вся родня
Очень мной гордится,
Что в квартире у меня
Можно заблудиться.
Участковый, словно крот,
Под меня копает.
Сколько комнат, третий год
Ходит и считает!

Слава богу, имею возможность
Даже больше еще, чем желанья.
Занимаю ответственный должность,
Только вот позабыл, как названье!

Широко, полной грудью дышу я,
Словно птица, расправивший крылья,
Я на свете затем существую,
Чтобы сказку скорей сделать былью!

Среди жизненных дорог
На пути на верном
Утвердиться мне помог
Друг мой, Леня Фельдман, —
Научил за пять рублей,
Объяснял недолго,
Как из белых «Жигулей»
Сделать черный «Волга»!

Я для взлета позицию занял —
Подружиться сумел с прокурором!
Подарил ему финскую баню,
Подарил ему яхту с мотором!

Он ко мне приходил с трубкой мира,
Мы с ним в центре Москвы ужин съели,
Там моя запасная квартира,
Там бассейн — мы весь день в нем сидели!

У фантазии моей
Ни конца, ни краю.
Вот сажу и для гостей
Кнопки нажимаю.
Красный кнопка, чтоб коньяк
Лился из-под крана.
Черный, чтобы грозный враг
Не прошел с наганом!
Ну, а если ткнешь рукой
Кнопку голубую,
То всю ночь перед тобой
Девушки танцуют!

Если ты не смеешься, а плачешь,
Значит, ты — просто пень, глупый чурка!
Я, к примеру, купил себе дачу,
Как две Дании, три Люксембурга.

Посадил на сто верст фрукт и овощ,
 Леопардов развел, крокодилов,
 Чтоб шпана и вся прочая сволочь
 Ко мне яблоки рвать не ходила!

Словно тесто, всех людей
 Время мнет и месит!
 Я сто семьдесят рублей
 Получаю в месяц.
 Есть — и нет, как первый снег,
 Тают, но, однако,
 Жить хочу, как человек,
 А не как собака!

Не хочу среди вредного шума
 Видеть небо в железную клетку.
 Голова у меня, чтобы думать,
 А не только носить на ней кепку!

Золотое добро дальновидно
 Насыпаю в шкафы и комоды,
 Чтобы в старости не было стыдно
 За бесцельно прожитые годы!

Я смеялся и смеюсь
 Раньше ли, сейчас ли,
 Потому что важный гусь,
 Потому что счастлив!
 Я ношу медаль большой
 На своем костюме.
 Жить на свете хорошо.
 Жалко тех, кто умер!

1985

* * *

Гражданин проводник, меня Гиви зовут,
 Просьба маленький есть, не смоги отказать,
 Поезд тронется в путь через десять минут,
 Очень надо посылку друзьям передать.

Я в четыре купе свои вещи сложил,
 Вот, билеты возьми, никого не пускай.
 Если что, в ресторане, скажи, пассажир,
 Ревизоров с улыбкой, с цветами встречай!

Как придут, будь готов: только сели,
 Коньяку им в канистру налей,
 Чтоб в окно всю дорогу глядели,
 Чтоб им было в пути веселей!

Чтоб никто не замерз, ты в печи кочергой
 Ровно в полночь начни шевелить взад-вперед,
 В этот миг мой партнер и коллега Серго
 Из купе номер два все мешки заберет.

Чтобы страх тебе в душу не лез, в потроха,
 Можешь взять у него именной пистолет,
 У него их вагон: это все чепуха,
 Что у нас в СССР экономики нет!

У меня на железной дороге
 Очень много хороших друзей,
 Мы рабочие наши итоги
 Пишем ручкой, и всем веселей!

Возле Сочи товарищ, серьезный на вид,
Подойдет, постучит: тук-тук-тук, раз-два-три!
Пять коробок возьмет, это друг мой, Давид,
Он портфель тебе даст. Ты в него не смотри.

В Очамчири пошире два глаза открой:
Трое в кепках — Зураб, Сулико и Ашот —
Вслед с перрона тебе помахают рукой,
Ты им крикни: «О'кей!» — значит, все хорошо!

Если с просьбой друзья обратились —
Так живу я, — придумай, сумей,
Чтоб товары по рельсам катились,
Чтобы людям жилось веселей!

На стоянке в Сухуми сходи на вокзал,
Передай коменданту сердечный привет!
Ай, не прав, кто зачем-то когда-то сказал,
Что у нас в СССР экономики нет!

И, бумажный пакет от него получив,
Из пятнадцати тысяч одну можешь взять.
А пока будь здоров, будь свободен и жив!
Я пойду к машинистам — состав отправлять!

Пусть в душе ветер странствий не дремлет.
Посошок на дорожку налей!
Да и пей. Бог создал эту землю,
Чтобы всем нам жилось веселей!

1984

* * *

Товарищи, братья, друзья,
Пишу вам записка короткий:
Обидно, конечно, что я
Пропал за железной решеткой.

Я первое время считал,
Что все это — дружеский шутка,
Ведь я же, как трактор, пахал,
Как зверь, до потери рассудка!

За два месяца сдал
Пять железных дорог —
Хоть без рельсов и шпал,
Но зато точно в срок,

А теперь на допросе
Сижу, глух и нем,
И икру от лососей
Задумчиво ем.

Я был в настоящей тоске
На обыске, перед арестом,
Когда у дверей, в уголке,
Стоял и краснел, как невеста!

Начальник искал капитал
В пижамах моих и сорочках,
А я бриллианты глотал,
Теперь у меня камни в почках!

В общей камере год
Я провел не спеша,
Там теснится народ,
Как в тарелке лапша.

У судьбы под пятой
Я дождался свой час,
Применил золотой
И бумажный запас!

Мне дали с открытой душой
Права на отдельный жилище, —
Все поняли, кто я такой
И с кем я делю свои тыщи!

Меня за леса и холмы
В угоды свои и усадьбы
Полковник, начальник тюрьмы,
Позвал на серебряный свадьба!

Я к нему перегнал
Грузовик серебра,
Дал соседям сигнал,
Чтоб кричали «Ура!»

Я стату́ю ему
Дал в подарок, а в ней
Все внутри по уму,
Даже лифт для гостей,

Чтоб возможность иметь
На любимый Кавказ
В непогоду смотреть
Изнутри через глаз!

И пусть впереди страшный суд,
Пусть там народ злой и дерзкий.
Как в песне хорошей поют,
Не нужен нам берег турецкий!

От взрывов и войн в стороне,
С утра выпив крепкого чаю,
Уверенность в завтрашнем дне
Всем сердцем своим ощущаю!

Здесь за каждым углом
Теплота и уют,
А лопату и лом
Я прошу — не дают,

Я сижу у камина,
А мне возле штор
Ставит в вазу жасмины
Товарищ майор.

За лимонную дольку
Со всех своих сил
Старшина пляшет польку,
Чтоб я не грустил!

На воле разлад и разрыв,
И дружба народов не в моде,
А я не ругаюсь, я жив,
А жив — это значит свободен!

Правители для куражу
Идут друг на друга с боями,
А я лучше здесь посижу,
Зато не в окопах, не в яме!

Я врага не хочу
Раскалять добела,
Нам вполне по плечу
Вместе делать дела —

Под железной пятой
Каждый день, каждый час
Применять золотой
И бумажный запас!

* * *

Вай-вай-вай, какие люди есть в столице!
 Я приехал на вокзал, добром делиться,
 Начал джинсы продавать — сто двадцать штук,
 Покупатель подошел, как по заказу,
 Говорит: «Не суетись, возьму все сразу!»,
 Говорит: «Ты мой товарищ, я твой друг!»

Мы в подъезд зашли, чтоб сделать передышка,
 Он играть со мною начал в кошка-мышка,
 Бровь нахмурил, показал свой красный книжка,
 Говорит мне: «Конфискован ваш товар!»
 Только я имею тоже голос строгий —
 Мне в подарок на дорогу друг мой Гоги
 Красных книжек двадцать штук нарисовал!

Я за горло взял врага, как злого зверя,
 Вынул двадцать документов из портфеля
 И сказал на всякий случай: «Руки вверх!»
 Каждый глаз его на лоб от страха вылез,
 Он сказал: «Кончай, товарищ, помирились!»
 Я все понял, ты — серьезный человек!»

Я серьезный, я продал ему все джинсы,
 Пожелал от всей души красивой жизни,
 В общем, так и не использовал кинжал!
 Я серьезный, мы с ним вправду помирились,
 Его пальцы, как пропеллеры, крутились,
 Когда он мне двадцать тысяч отсчитал!

Я доехал на такси до ресторана,
 Заказал себе двух куриц и барана,
 Русский девушка за столик пригласил!
 При себе ее держал двумя руками,
 Шашлыками угощал и коньяками,
 На спине туда-сюда ее носил!

А потом я, на машине в зал заехав,
 Заказал вина на двести человек,
 Рассчитаться захотел, в карман полез,
 Вот я пачки развязал, достал пакеты,
 Нету денег, есть обрезки от газеты,
 Лотерейные билеты тоже есть!

Вай-вай-вай, какой плохой бывает место,
 Обманул меня товарищ из подъезда,
 Я хочу его теперь уничтожить!
 А пока ко мне подходит вышибала,
 Двести пьяных человек ждут сигнала,
 Будут все, кому не лень и кто попало,
 Убивать меня руками для начала,
 Двери заперты, и некуда бежать...

1984

* * *

Приезжай к нам, друг-товарищ дорогой,
Будешь фрукт, какой захочешь, рвать рукой,

Будешь пить вино из бочки, из ведра —
«Гурджаани», «Цинандали», «Хванчкара»!

Дом с балконами, свобода и права —
Все имеешь, если умный голова,

Мы с тобой закусим крепко удила,
Там, где дружба, хорошо идут дела!

Путь наверх
 долог, труден,
Ничего,
 все пройдем,
Если мы
 вместе будем
Пить вино
 за столом!

Приезжай к нам, дорогой товарищ-друг,
Привози с собою девушки — сто штук,

Толстый, тонкий, средний девушка — любой,
Если надо, поезд вышлем за тобой!

Машинисту золотой дадим бокал,
Чтоб дорогу к нам сюда не забывал,

Чтобы с нами пил с утра и до утра
«Гурджаани», «Цинандали», «Хванчкара»!

Кто дышал
 раньше пылью —
Будешь горным
 орлом,
Вверх тяни
 клюв и крылья
За столом,
 за столом!
Дорогой, не пожалеешь, приезжай,
Будем вместе рвать с деревьев урожай!

Мы работу по душе тебе найдем,
Будешь главным тамадою за столом!

Будешь прыгать головой в река Кура,
Будешь кушать разноцветная икра,

Будешь пить лекарство в холод и в жара —
«Гурджаани», «Цинандали», «Хванчкара»!

Вниз ко дну,
 словно камень,
Человек
 за бортом
Не пойдет,
 если с нами
Он сидит
 за столом!

Нет проблем,
 горя нету,
Если мы
 соберем
Всех людей,
 всю планету
За столом,
 за столом!

* * *

Я на рынок ходил, мандарин продавал,
А теперь в ресторане сижу!
Самый лучший вино наливаю в бокал
И блондинку за шею держу!

Эй, сюда, человек, коньяков нам давай!
Самый лучший закуска неси!
Все поьем, поедем, и в свой солнечный край
Я блондинку свезу на такси!

Красный, черный икра, маринованный гриб —
Побыстрей шевелись, дорогой!
Фанта-манта, боржом, не забудь красных рыб,
Не забудь осетрины парной!

Мы с блондинкой друзья, очень нравлюсь я ей,
У нее уже пламя в очах!
Не имей сто рублей, не имей сто друзей,
А имей голова на плечах!

Я залезу на стол, поднимусь в полный рост,
Я оркестр шампанским залью,
Пусть мне песню споют — «Миллион красных роз»,
Очень я миллионы люблю!

А потом я врагов разгоню, как ворон,
Дам соседу две тыщи рублей,
Чтоб любимый артист мой — Иосиф Кобзон —
К нам сюда приходил поскорей!

Ничего, что сержант мне нарушил уют,
Документ подошел проверять, —
Все глаза проглядел, но сберкнижку мою
Не сумел до конца прочитать!

1983

* * *

Дорогой, тормози свой машина,
 Не свети фонарем!
 Если ты настоящий мужчина,
 Заходи ко мне в дом!

Ешь барана, свинью и цыпленка,
 А потом громко пой,
 Чтобы в ухе рвалась перепонка,
 Пол дрожал под ногой!

Чтобы ты никуда не уехал,
 Друг, товарищ, кацо,
 Я машине придумал помеху,
 Открутил колесо!

Но не надо смотреть черной тучей,
 До земли вешать нос,
 Завтра утром в подарок получишь
 Много новых колес!

Вот бокалы друзья поднимают
 За здоровье родни.
 Если мало тебе наливают,
 Глазом мне подмигни.

Мой домашний напиток полезен
 И приятен на вкус.
 Будь любезен, допьем и полезем
 На вершину Эльбрус!

Будем лазить с тобой вверх и вниз мы
 Среди трав и камней.
 Мы заедем на пик Коммунизма
 На машине твоей!

Не страшны ураганы лихие,
 Бездорожье и снег.
 Если ты побеждаешь стихию,
 Значит, ты человек!

Здесь, в горах, много разного места —
 Оставайся, живи!
 Подберешь интересный невеста
 Для взаимной любви!

Поднимай же бокал, генацвале,
 Чтобы ночью и днем
 Мы друг другу с тобой наливали
 Не тайком, не на лесоповале,
 А за этим столом!

Завтра чачей зальешь радиатор
 И отправишься в путь,
 Вон машина твоя — конь крылатый,
 Ты ее не забудь!

Не забудь виноградные вина
 Взять в дорогу с собой,
 Если ты настоящий мужчина,
 Пей до дна, дорогой!

1984

* * *

Вот уже и сумерки, люди ходят криво,
Я стою за стойкою, открываю кран.
Подходите, граждане, покупайте пиво,
Вася, делай музыку, заводи баян!

Чей-то грозный по полу барабанит посох,
У кого-то брякает на груди звезда,
Есть душе пристанище, есть сарай из досок,
Старые и малые — все идут сюда.

Вот «защитый» тащится ветеран футбола,
У него лечение, он проходит курс,
Он «торпеду» выцарапал и гудит, веселый,
До упаду, до смерти, не теряя пульс!

Вот уже утрюмые, злые наши думы
Кошками костлявыми ускакали прочь.
Братцы, больше радости! А печаль-тоску мы
Будем сапожищами по земле толочь.

Подходите, граждане, покупайте пиво,
Я фуфло не двигаю, свежесть — первый сорт!
Ветеран двадцатую хлещет без отрыва
За ребят, за родину, за советский спорт!

Опер кружит вороном, Вася кружку крутит,
Вдоль забора плещется Яуза-река.
Клава — наша, местная, не теряя сути,
На брюнета с тросточкой давит косяка!

Он не брит с октябрьских, он страшнóн, как леший,
Клава присоседилась: «Ничего, родной,
Все свои страдания на меня навешай,
Будем жизнь налаживать, пиво пить в пивной!»

Витька сдвинул столики, а к нему Колюха
Из толпы протиснулся, как из камыша,
Стих ему, поэзию сообщает в ухо,
По душам беседуют, значит, есть душа!

А на ближних подступах ветер у прохожих
Отрывает пуговицы, лютый, ледяной,
Лупит в лоб, как в колокол, валит с ног, и все же
Льется пиво пенное, жив народ честной!

Вот майор с товарищами прямо из дозора,
Чтоб поразговаривать, заглянул на свет.
Если в жизни складного нету разговора,
Если нет товарищей, то и жизни нет!

Нас закроют запросто, заведут бульдозер
И железной гусеницей втопчут душу в грязь,
Чтобы нам без выпивкидохнуть на морозе,
Чтобы мы друг с дружкой позабыли связь!

Но еще мы в действии — пьем за наши корни,
И гармошка Васина душу так и рвет,
Значит, есть душа у нас, и Господь нас помнит,
Льется пиво пенное, жив честной народ!

1986

* * *

Осколки, обломки, ключья.
Встревожен родимый край.
Пивную сломали ночью,
Снесли «Голубой Дунай».

Легавый майор лениво
Привел нам расклад вещей:
Чтоб мы тут не пили пива,
Чтоб не было нас вообще!

Побил, поломал кустарник
Бульдозер, как бегемот.
Какие здесь были парни,
Какой приходил народ!

Возможность была лечиться,
С души соскрести тоску,
Смеясь, под откос катиться
В крапиву, Москву-реку!

Здесь прыгал, скакал, как пудель,
Припадочный лохмудей.
Его уважали люди,
И он уважал людей.

Факир Иванов сверх плана
На спор, для показа сил
Граненые грыз стаканы,
А после нас всех поил.

Мы в августе пели песни,
Мы дружно смыкали круг.
Разборка была на Пресне,
И в танке — Витек, наш друг.

«Свои, — мы сказали Вите, —
Нальем, подключайся, Вить!»
И он нас узнал, увидел,
И он нас не стал давить!

Надену пиджак для понту,
Пойду по святым местам.
Товарищи, я вас помню,
Я звать вас впотьмах устал.

Сбиваются звезды в стаи,
Пейзаж ураганом смят.
Менты на свистках играют,
Ветра над землей свистят.

Легавый майор, как бобик,
Состарился, высох, сник.
Мы встанем сейчас бок о бок,
Заложим за воротник.

Хлебалом косым, помятым
Спросонья в заморский рай
Не сунусь. Хочу к ребятам,
Хочу в «Голубой Дунай»...

1997

* * *

Я с друзьями запил, загулял,
Я ступил на скользкую дорожку.
Я гармонь по пьянке потерял!
Эй, друзья, найдите мне гармошку!

То, что я со справкою debil, —
Это правда, но не вся, ей-богу!
Я, к примеру, Зинку полюбил!
Зинка, где ты, выйди на дорогу!

Зинка ноты знает наизусть,
У меня мороз от них по коже!
И в глазах — не бешенство, а грусть,
Я в траву бросаю острый ножик!

Я душой стремлюся прямо ввысь!
Эй, девчата, все у вас красиво!
Шагом марш, в колонну становись!
Все ко мне! Бегом через крапиву!

Первача по полной вам налью,
Килек дам, зеленого горошку,
Это счастье — жить в родном краю,
Эй, девчата, дайте мне гармошку!

Все — потом, а музыка — сперва!
У меня три класса за плечами.
Земляки! У вас их только два,
Я главней! Молчать, односельчане!

Семерых уделать мне пустяк,
Пусть лежат, задумчивые, в лежку!
Я опасен, братцы, но не так,
Если руки заняты гармошкой!

С Зинкой дать под музыку дрозда —
Вот мое заветное желанье!
Песня — верный друг твой навсегда,
Хрен ты песне скажешь: «До свиданья!»

Для меня Бетховен — идеал!
Я таким же стану понемножку!
Я гармонь по пьянке потерял!
Эй, ребята, дайте мне гармошку!

Я страшон и грозен во хмелю,
Знают все Антонова Тимошку!
Или я вас на хрен завалю,
Или слушать будете гармошку!

1989

* * *

Я шагаю с песней по просторам
 Необъятной родины моей.
 Я сшибаю палкой мухоморы,
 Я гляжу на стаю журавлей.

Человек с берданкою гогочет:
 «Ишь ты, рассекают, хреновья!
 Все равно их кто-нибудь замочит!
 Пусть уж лучше это буду я!»

Я поленом с детства долбанутый,
 Я уверен даже во хмелю:
 Красота, природа — это круто!
 «Ствол на землю, падла, завалю!»

Я его клешнею за прическу,
 Как щенка сграбастал: ну-ка, брысь!
 Ты еще на русскую березку
 Топором, скотина, замахнись!

Он башкой мотает: жить охота!
 Он погоню плену предпочел.
 Он бежит, безумный, по болоту,
 Он в трясине смерть свою нашел!

В облаках свечою поминальной
 Светит месяц. Эй, народ, налей!
 А хотите жить, чтоб все нормально,
 Не стреляйте, суки, в журавлей!

Вот меня у старого сарая
 Мусора сажают в воронок.
 И журавль — вожак, начальник стаи
 Машет мне крылом: «Держись, браток!»

Мне вдогонку грубо и цинично
 Скалит зубы заспанный народ.
 Вот меня в Бутырке, как обычно,
 Экспертиза психом признает.

...Я шагаю вдаль с веселым свистом.
 Это ничего, что я дебил!
 Журавли летят над полем чистым,
 Я их братанами объявил!

Я в дозоре. Хрен меня с маршрута
 Подлый враг собьет. Попробуй сбей!
 Красота, природа — это круто!
 Не стреляйте, суки, в журавлей!

1999

* * *

Ярко-красный шелк, темно-синий бархат —
Вот он из чего мне пижаму сшил!
Крупный бизнесмен типа олигарха
Хорошо со мной время проводил.

У него топтун под окном пасется,
Он завел оркестр, оперу, балет,
Он меня водил на прием в посольство,
К королям на чай, к принцам на фуршет!

Он в журнале «Форбс» на почетном месте —
В списке богачей, в первой сотне был,
Но узнала я из программы «Вести»
То, что по нему колокол пробил!

То, что он банкир, вот же ты, поди ты,
Пальцы гнул, а сам — тетерев, балда —
Все пропил, проел, промотал кредиты,
Ну а мне-то как, мне теперь куда?

Вижу, поняла: больше нету шансов
На Майами-бич ездить задарма,
Раньше был расцвет мировых финансов,
А теперь — развал, кризис, кутерьма!

Я ему с утра почесала пятки,
Он сперва коньяк из горла хлебал,
А потом сказал: «Собирай манатки!»
Все! Прощай, любовь, кончен карнавал!»

Кризис на дворе — это вам не шутки,
Это мрак, кошмар, не хухры-мухры!
Я в родной колхоз еду на попутке,
Вот он — грязь да глушь, ямы да бугры!

Я сижу одна в хате под Тамбовом,
Словно на цепи Жучка в конуре,
Во хмелю погряз под ночным покровом
Мой родимый край. Кризис на дворе!

Это все они — сволочи-банкиры
Ввергли целый мир в хаос, в паралич,
На дворе темно, пасмурно и сыро,
И сосед ко мне ходит, старый хрыч!

У меня психоз, я лежу в больнице!
Пульс туда-сюда скачет, как козел.
Я теперь хочу в Страсбурге судиться
С тем, кто против нас кризис изобрел!

Я от докторов вышла, как из зоны,
Я стремлюсь ввысь, звезд хочу достичь!
А вокруг галдят галки и вороны,
И сосед ко мне ходит, старый хрыч...

2010

* * *

Я люблю с алкашами стоять у подъезда.
Мне насквозь, до конца все расклады ясны,
Что на воздухе пить для здоровья полезно,
Если рядом с тобою твои друганы.

И чтоб не распались на атомы
Раньше срока тело и душа,
Пей до дна — с нормальными ребятами —
По-людски, спокойно, не спеша.

Если б к нам Маяковский пришел похмеляться
И какой-нибудь стих для души произнес,
Мы б сказали: «Вован, только, чур, не стреляться!
Ну, а так, наливай, все путем, не вопрос!»

Сушки с солью загодя припрятаны,
Мы с пивка начнем. Дашь контакт!
Если пьешь с нормальными ребятами,
Суициду крышка. Это факт!

Мы б и Пушкину прямо сказали бы: «Саня!
Не тусуйся ты с ними — живьем загрызут!
Твое дело — творить, вот и сядь в свои сани,
А не в те, что на Черную речку везут»

На балах бухать с дегенератами —
Хрень собачья, нонсенс, полный бред!
Если пьешь с нормальными ребятами,
Никаких Дантесов близко нет!

Что за нечисть опять отовсюду полезла,
Что за шваль изо всех повалила щелей?!
Я люблю с алкашами стоять у подъезда,
Опрокинул стакан — и уже веселей!

К черту шваль! Не сломлены, не смяты мы,
Я любую падлу зачморяю!
Хорошо с нормальными ребятами!
Я поэт. Я жив. И я творю!

2015

* * *

Я красавицу Валю
 Позабыть не могу,
 Как мы с ней выпивали
 На трамвайном кругу.

С ней теперь — нет, вы гляньте,
 Очень близко знаком
 Молодой лейтенантик
 С милицейским свистком.

Мне сказала сестра ее, Верка:
 «Хочешь жить — крепко стой на ногах!»
 Он на них и стоит — рыло кверху,
 Весь красивый такой, в сапогах!

Я, порою бывает, ночью
 В лопухах под окошком ее.
 «А с любовью-то как? — я кричу ей. —
 Ты ж любила меня, е-мое!»

Ей на все эти штучки
 Тыщу раз начихать,
 Ей охота под ручку
 С лейтенантом гулять!

На деньгах, на бюджете
 Он сидит — красота!
 Он в большом кабинете
 Выдает паспорта.

Он дела свои крутит и вертит,
 Как павлин, нафуфырен, надут.
 Ему деньги приносят в конверте
 И на стол под газету кладут.

Он однажды был пойман с поличным,
 Он со следствием в сделку вступил, —
 Корешей своих сдал самолично,
 Сверху донизу всех заложил!

Ой, ни слуха ни духа
 От него целый год.
 «Я теперь развалюха! —
 Валька в голос ревет, —

Ничего мне не надо,
 Лишь бы ты под луной,
 Как тогда, до упада,
 Целовался со мной!»

Мы, соседи, потом все узнали:
 Лейтенант, отдыхая от дел,
 В этот чертов свисток свой сигнала,
 Ей всю душу насквозь продудел!

Он два длинных давал для начала —
 Типа, в спальню лети, как стрела, —
 И короткий один — значит, мало
 Валька водки в стакан налила!

Жизнь недаром проходит —
 Я нашел свой причал,
 Я в цеху на заводе
 Старшим мастером стал.

А у ней нет причала.
 Вот она под окном
 Мне кричит: «Все пропало!
 Все летит кувырком!»

И какие уж там разговоры —
У тебя, будь ты стар или мал,
Никакой под ногами опоры,
Если ты на любовь начихал!

Счастье мимо пройдет, стороною,
Вроде было — и нет, ни гуту,
Если не с кем тебе под луною
Выпивать на трамвайном кругу...

1996

* * *

Я пашу на земле, я дела свои в суд направляю.
Я, как проклятый, бьюсь, но открыт для душевных бесед.
Я сажаю людей, я их сдуру на путь наставляю.
А они все идут и идут через мой кабинет.

Чтобы истину взять за грудки, пробиваюсь вслепую.
Снова пусто, не то, снова мимо, не в масть и не в цвет.
Расставляю ловушки, концы обрубаю, рискую.
А они все идут и идут через мой кабинет.

Они ерзают, врут, и я снова беру их за глотку.
И опять на трех стульях в конторе встречаю рассвет.
А они все идут под ружье, под сапог, за решетку —
В Воркуту, в Нарьян-Мар, в никуда через мой кабинет.

Мне плевать, что у них кулаки, как пудовые гири.
Я сажал их по четверо в день, хочешь верь, хочешь нет.
Но уходят одни, а за ними приходят другие,
И идут, и идут, и идут через мой кабинет.

Как гвоздями, вопросами их так и сяк ковыряю,
А потом на дорогу даю закурить — и привет.
Их уводят, сажают и даже, бывает, стреляют.
А они все идут и идут через мой кабинет.

Десять лет безупречно служу, нажил язву желудка,
Получил от начальства награду за доблестный труд.
Десять лет напрягаю мозги до потери рассудка.
А они все идут, а они все идут и идут...

1984

* * *

Я о подвигах грезил, о славе мечтал,
Я сперва к космонавтам просился в отряд,
А потом участковым в милиции стал,
Так бывает. «Держись!» — мне друзья говорят.

«Зло должно быть наказано здесь и сейчас!» —
Кто-то умный сказал, может быть, даже я.
Только я в болтовне, как в болоте, увяз,
Убеждать — вот такая вот служба моя.

«Ты отчет напиши за последний квартал! —
Мне с утра после пьянки начальство орет, —
У тебя с профилактикой полный завал,
У тебя третий месяц преступность растет!»

Наш куратор из главка, полковник Фомин,
Мне кассету для видека дал поглядеть,
Там в Техасе шериф — с «кольтом», в шляпе, один,
Бьет бандитов, как мух — охренеть, обалдеть!

Ну так дайте мне «кольт»! Это ясно ежу —
То, что шляпу я сам в Военторге куплю
И, где раки зимуют, легко покажу
Тем козлам, что в пивной пальцы гнут во хмелю!

Эх, ни «кольта», ни шляпы. Ну что мне теперь —
По району в ушанке с рогаткой ходить?
Эй, страна моя, слышь, дай мне право, доверь
Не казаться шерифом, а правда им быть!

Я свободу люблю, зуб даю, вот вам крест,
Если с «пушкой» она, со взведенным курком,
А когда у нее нету сил, нету средств,
То и мир этот в бездну летит кувырком!

«Нет, ребята, не встанет Отчизна с колен, —
Я долдоню, твержу, я упрям, как верблюд, —
Только прах впереди, паутина и тлен,
Если мне, участковому, ствол не дают!»

«Сила!» — вот мой девиз со злодеем в борьбе.
И не факт, что я сразу их всех застрелю.
Дайте ствол! А красивую шляпу себе
Я уж сам как-нибудь в Военторге куплю!

2016

* * *

Я служу тыщу лет,
 Тощим стал, как скелет.
 Вновь и вновь с этажа на этаж
 Я хожу по домам,
 Всюду вор, всюду хам,
 Дебошир, тунеядец, алкаш!

Их наставить на путь —
 В этом главная суть.
 «Сколько можно? — жена голосит —
 Ты бы хоть меня, что ль,
 На концерт си-бемоль
 В филармонию свез на такси!»

У ней с давних пор
 Дружки — на подбор:
 Художник, поэт, архитектор,
 И каждый — талант,
 А я — лейтенант,
 А я — участковый инспектор.

У меня, что ни день,
 То засада и хрень:
 Вот, размяться имея в виду,
 Крепко сбитый кретин
 В честь прошедших крестин
 Мне отгрыз от погона звезду!

Он жует огурец,
 Он хохочет, подлец:

«Ну чего ты мне сделаешь, мент?»
 Я смотрю на него —
 А и вправду — чего?
 Вот такой вот он, мой контингент.

Меня прокурор
 Позвал на ковер —
 Седой весь, само благородство:
 «Ты должен в них, б...,
 Культуру внедрять,
 За души людские бороться!»

Что-то стал я сдавать —
 Спать, свисток забывать,
 Что-то весь мой актив не у дел:
 Дворник-друг впал в тоску,
 Стукачи в отпуску,
 У доверенных лиц опохмел.

Я за души борюсь.
 Эх, земля моя, Русь!
 Эх, один все и тот же расклад, —
 В генеральском кругу —
 Лозунг, мантра в мозгу:
 Участковый всегда виноват!

Все в том же ключе —
 Язык на плече —
 Ношусь, аж печенка трясется,
 Галопом, бегом,
 Злодеи кругом,
 А я должен с ними бороться!

Мне ученый сосед
 «Пей да спи — дал совет, —
 Мой компьютер тебя просчитал.
 У начальства помрешь
 На ковре ни за грош,
 Три рубля наживешь капитал!»

Мне с курорта жена
Пишет: «Нет ни хрена
В твоём сердце стремления ввысь!
Если есть водоем
В околотке твоём,
Обязательно в нём утопись!»

Ослаб я, обмяк,
Хожу, как дурак,
Ни озера нет, ни колодца.
Я в ванну залез.
В мозгах интерес:
Ну кто теперь будет бороться?..

1987

* * *

Песня посвящена моему товарищу Борису, работавшему в 80-е годы XX века в Московском уголовном розыске. Проводя оперативно-розыскные мероприятия, Борис, как и все его коллеги, обязан был соблюдать требования приказа МВД СССР о вежливом и культурном обращении с гражданами. Соответствующей нормы права, обязывающей граждан вежливо и культурно относиться к инспекторам уголовного розыска, в законодательстве тех лет не было. И сейчас нет. Пройдет лет пятьсот, и мы в России все будем относиться друг к другу вежливо и культурно. Это мой прогноз. Будет не хуже, а лучше.

Мы вчера с Антохой, с дружкойбаном
Первомай встречали на дому,
А внизу, в сиренях, под окном,
«Мусор» сторожил ночную тьму.

Оставаясь с носом, в дураках,
Он обрел и якорь, и причал,
Он лежал с оружием в руках,
Он врага в засаде поджидал.

Мы бутылки выпитые вниз
До утра бросали на него,
Банки-склянки били об карниз,
Мы же ведь не знали ничего!

А с утра звонок: «Откройте дверь!»
Кто-то грозный сгреб меня в момент,
Ксиву тычет в рыло — верь, не верь:
Уголовка. Розыск. «Мусор». Мент.

Он сказал устало: «Дай воды,
Щетку дай одежную, живей».
И добавил, как бы от балды:
«Опер, сыщик, Вася я, старлей».

Я налил воды и дал огня.
Он сказал, куря: «Пролет. Облом.
Сколько ж вы бутылок на меня
За ночь набросали с дружаном!»

Он вздохнул: «Начальники велят
В контингент по капле, изнутри
Силой слов сознание внедрять,
А в тебя поди его внедри!»

Он почистил куртку, постоял,
Он башкой не бил меня об стол.
«Грустно мне, товарищ», — он сказал,
И махнул рукою, и ушел.

Он шагал, угрюмый — нос в песке,
Чешуя от воблы в волосах,
И синяк и рана на виске,
И в носу и в ухе пух и прах.

Я с тех пор везде его ищу,
Ну, стакан хотя бы предложить.
Он в упор смотрел тогда, вприщур,
«Эх, — сказал он, — как так можно жить?»

Он ушел и штраф с меня не взял,
Кобуру поправил на ходу,
Хреноту какую-то жевал.
Вася, где ты? Я тебя найду!

И злодей, твой враг, залег на дне,
И печаль — по нервам — как пила!
Братцы, он не врал, поверьте мне:
Мусорская служба тяжела!

Дождь над «мусорами» моросит,
Ветер гонит листья по дворам,
Непогода, слякоть на Руси!
Холодно в засаде «мусорам»!

И ползет простуда под шинель,
И проверки вечные — опять!
И патронов мало, и кобель,
Злой, голодный, след не хочет брать!

И мадам Фортуна, ой, хитра,
Вбок воротит рыло во хмелю,
Дорогие братья «мусора»,
Я вас всех жалею и люблю!

...Мне рассвет похмелье перебил,
На балконе в шлепанцах стою.
Город спит, печален и уныл,
Вася, где ты? Я тебя найду!

1985

ПЛАЧ ОФИЦЕРСКОЙ ЖЕНЫ

От его крутого слова
Хоть на край земли уматывай.
Ох, мне б любого бы другого —
Хоть кривого, хоть горбатого!

С пьяных глаз домой приходит
И, покуда с ног не свалится,
Взад-вперед гуляет-бродит,
Портупеей новой хвалится!

Он с похмеля для забавы
Мои слезы вытрет досуха
И читает мне уставы
Наизусть во время дósуга.

Он кричит: «Равняйсь, скотина!» —
Я к нему — вприсядку, с песнями.
Что поделать — дисциплина!
Но зато — не врозь, а вместе мы!

Он мне ногу окарябал,
Наждаком прошел по темени,
Но зато майор из штаба
Забросал меня сиренями!

Я — к майору! Он главнее!
Он кричит: «Ко мне, красавица!»
Как на улице стемнеет,
Он меня ласкает, греет,
Портупеей новой хвалится...

1981

* * *

Не чудик, не шизик,
Не мелкая сошка,
Я — атомщик-физик.
Мне грустно немножко.

Мечта, вроде моли,
К печенкам пристала —
Про вольную волю,
Горилку и сало.

Я хочу в деревне жить,
Самогон ковшом хлебать,
Лбом хочу столбы крушить,
Баб на тракторе катать!

«Эй, вы, девки, чур, не спать» —
Мой наказ и мой девиз! —
Раз-два-три-четыре-пять,
На зарядку становись!

Хочу на телеге
Пылить по просторам,
Пусть вслед мне коллеги
Кудахтают хором!

Пусть крикает уткой
Жена-привереда,
Я с первой попуткой
В деревню поеду!

Кепку с модным козырьком,
 Рукавицы и тулуп
 Нацеплю и пряником
 Заявлюсь на танцы в клуб!

Эй, привет, друзья, братья,
 Девки, млейте при свечах,
 Посмотрите, вот он я —
 Балагур и весельчак!

Желаю к подругам —
 К родным продавщицам —
 С утра в райский угол —
 В сельпо притащиться.

Они не вникают,
 Где суффикс, где синус,
 Зато отпускают
 В розлив и на вынос!

Вот уже я и живу
 На побывке у братьев,
 Пью, пляшу, подметки рву
 Хохот, гогот, топот, рев!

В хатах, в избах тут и там
 Опохмелку мне дают:
 «Брось его ко всем чертям,
 Свой научный институт!»

Степенный, как гусь, я,
 Красавец пернатый,
 На службу вернуся
 В родные пенаты.

Мысля мне макушку
 Навылет пронзила:
 Не в танках, не в пушках,
 В любви наша сила!

Я портрет на фоне звезд —
 Зинку, Нинку в неглиже
 Нарисую в полный рост
 На секретном чертеже!

Без любви и без души
 Нет науки никакой!
 Эй, ты, умник, пой, пляши,
 Эй, дурак, пляши и пой!

Я хочу в деревне жить,
 Типа, сеять и пахать,
 Зубы скалить, не тужить,
 Палкой спутнику махать!

В лопухах встречать восход,
 На погоду несмотря,
 Баб гонять на Новый год,
 На седьмое ноября!

Из окошка в час ночной
 Соловьем свистеть в свисток,
 Чтоб ко мне народ честной
 Заходил на огонек!

Ложки, вилки и ножи
 Наготове у меня,
 Я хочу в деревне жить,
 Я хочу с людьми дружить,
 Я желаю жизнь понять!

1984

* * *

Мы смеемся до икоты.
Он в печали и тоске.
Он не ходит на работу.
Он живет на чердаке.

Из рогатки кто-то стрельнет, —
Он утрется и скулит, —
Дядя Петя, бомж, бездельник,
Бывший боцман, инвалид.

Воздух марта свеж и сладок,
Ледоход шумит вдали.
Дядя Петя из тетрадок
Мастерит нам корабли.

Гонки! Есть где разгуляться!
Мал ручей наш, да удал!
Корабли, как птицы, мчатся,
И трамвай от них отстал, —

Он плетется псом побитым,
Дядя Петя пьет до дна.
И, вздыхая, вслед глядит им
Из чердачного окна.

Тетя Зина чуть не лает
На двухпалубный фрегат:
«Ишь, как, сволочь, рассекает,
Ишь, несется, вредный гад!»

Нас зовет усатый, хмурый,
Злой с похмелья управдом

Собирать макулатуру,
Собирать металлолом.

Мы вприпрыжку прочь несемся.
Постовому — наш салют!
И смеется, светит солнце!
И кораблики плывут!

Клен кривляется, как клоун,
В пьяном танце на ветру.
Он к земле навек прикован:
«Я вот здесь, мол, и помру!»

По колено в снежной каше,
Он к нам рвется, баламут,
Он эскадре нашей машет,
И кораблики плывут!

Рожу морщит тетя Зина:
«Пусть он сдохнет, паразит!»
Милицейская машина
У подъезда тормозит.

Сапожищи, как кувалды,
По камням грохочут, бьют.
Дядю Петю с шумом, гвалтом
В «черный ворон» волокут...

...День противный, как микстура,
Куролесь, не куролесь.
У ручья стоим понуро,
Был наш флот, да вышел весь.

Щепки, спички, гонит ветер
Вместо белых кораблей.
Бомж, бездельник, дядя Петя,
Возвращайся к нам скорей!

* * *

В пустых колосьях ветер вязнет.
Дорога вьется, как петля.
На бой, на подвиг, как на праздник,
Идут солдаты короля!

Они готовы лечь костями на поле брани
И доказать, что их король, а не другой,
Достоин лавров и наград, чинов и званий,
И в споре прав, а тот, другой — ни в зуб ногой!

А весь-то спор — клочок болота, —
Сыр-бор. Трясина. Три сосны.
Но королям — свои заботы,
Свои резоны и расчеты,
И короли хотят войны!

Открыты двери придорожного трактира.
Трактирщик пьян и безобразен, как свинья.
«Эй, вы, сюда, — кричит, — ну как там честь мундира?
Кто перепьет меня — тому полтонны сыра,
Барашек жареный и в жены дочь моя!»

Гуляют, пьют! Ему не жалко!
Луна взошла, зараза, тля!
И по углам плашмя, вповалку
Лежат солдаты короля!

Трактирщик выиграл. Солдаты все проспали
И в нужный срок до поля брани не дошли.

Они в трактире ровно на день загуляли,
Но в этот день и помирились короли!

И ни огня вокруг, ни дыма,
Травой покрыта мать-земля!
Домой, целы и невредимы,
Идут солдаты короля!

Прошло сто лет. Трактирщик мертв. Кабак закрылся.
И короли опять решают, кто главней,
И страх опять в сердцах и душах поселился,
И кровью налиты глаза у королев!

Вдали закат зовет и манит,
И, ведьму с лешим веселя,
На бой, на смерть, на поле брани,
Идут солдаты короля!

И тьмой покрыт клочок болота,
И ведьма с лешим, мох жуя,
До слез хохочут, до икоты:
«Эй, вы, кому сюда охота, —
Добро пожаловать, друзья!»

Портрет трактирщика того ласкает взор мой,
Он от позора, от разгрома спас одних,
Других от славы уберег лихой и вздорной,
Ему я памятник воздвиг нерукотворный, —
Мотив веселый сочинил, придумал стих.

Ну, а пока во тьме, в тумане,
В любые дали и края
На бой, на смерть, на поле брани
Идут солдаты короля!

1996

* * *

За что вы меня судите, какой я враг народа?
Какой шпион? Опомнитесь! Я все вам объясню!
Я знал Надежду Крупскую с тринадцатого года,
И Феликса Эдмундыча, и всю его родню!

Я как бы на хозяйстве, я на самый верх не вылез,
Зато другим способствовал — в верха-то вылезать!
Мои соседи в камере сполна повеселились,
Когда я репетировал, чего мне вам сказать.

Пашка, японский агент, аплодировал стоя,
«Ты им еще Расскажи, — он от смеха икал, —
Как ты с братишкой Буденным бухал после боя,
Как ты ему вороного коня запрягал!»

Мне щеку лучик солнечный щекочет, словно бритва,
А вам как будто сумерки ложатся на мозги,
Но сам товарищ Берия, я знаю, подтвердит вам,
Что я ему пенсне чинил и чистил сапоги!

Я ствол ему готовил после каждого процесса
Над бандою изменников. Я сердцем видел суть:
А вдруг Лаврентий Палыч из ствола для интереса
Захочет самолично в них у стенки садануть?

Ну и какой я вредитель, подумайте сами!
Мне по башке бьет, как колокол, клич боевой:
«Смирно! Равняйся!» Я в строю по сигналу с друзьями
Смело в атаку пойду, потому что я свой!

Я баб возил в Барвиху — ишь ты, племя молодое!
Там дача — у кого она, сказать вам не могу,
Я на крючок белугу надевал там под водою,
Пока хозяин с удочкой сидел на берегу!

Он в спецвойсках, в разведках самый главный, самый бравый,
Он маршалам, наркомам режет правду напрямик!
Я первым пил коньяк, что, в смысле, нету в нем отравы,
Когда он вызывал их на гулянку, на пикник!

Что я здесь делаю, граждане судьи, скажите!
Мне ведь когда-то, я помню, кивал головой
Лично, с трибуны, наш вождь-и-отец-и-учитель, —
Свой я, поверьте, ей-богу, воистину свой!

Ну что ж она, Фемида, вся незрячая такая —
Карать меня вслепую, без причины собралась!
А я обозом, кухней, тылом ведал у Чапая!
А я с Климент Ефремычем когда-то был Вась-Вась!

Мне приговор читают. Нет! Все это не годится!
Такого не бывает! Я не верю! Это сон!
...И безнадежный, тусклый свет из форточек струится,
И я тоской по горло, словно снегом, занесен!

«Сон или нет, это пуля сегодня покажет»,
Сладко зевая, ворчит в уголочке конвой.
Вот уже лоб мне в подвале зеленою мажут.
Сон это, сон! Лапы в сторону, суки, я свой!

2016

* * *

М. Цветаевой

Нас холодные сумерки взяли в тиски,
Нас накрыла дождей паутина.
Вой бродячих собак душу рвет на куски,
Мы стоим над могилой Марины.

Ей бы к синим морям в том проклятом году,
А не в жалкий и жуткий свой угол.
Как вон тем журавлям, что про боль и беду
Нам кричат и уносятся к югу.

Живы мы, черт возьми, с нами ветер шальной,
Шелест листьев и горечь рябины.
И кладбищенский сторож, угрюмый и злой,
Водку пьет над могилой Марины.

Он звенит медяками, считает гроши,
Да глаза, вон, таращит хмельные.
Слово было — и нет, значит, нету души,
Значит, нет ни людей, ни России.

Ей бы ноги к чертям на рога уносить
Без оглядки по белому свету.
Эх, суров отчий край, эх, нельзя на Руси
От петли зарекаться поэту.

Лист осиновый в землю осеннюю вмерз,
И какие-то клячи хромые
Воз какой-то везут, и на тысячу верст
Ни души, ни людей, ни России.

И петляет впотьмах среди ливней косых
Обезумевший клин журавлиный,
И снуют сквозняки, как голодные псы,
День и ночь над могилой Марины...

1995

* * *

Мы с Петрухой работой завалены,
Мы письмо с ним всю ночь напролет
Сочиняем товарищу Сталину,
Он нам в лагерь галоши пришлет!

Мы, как бобики, дохнем с Петрухой,
У меня ревматизм и артрит,
Я чего-то сыпучее нюхаю,
И Петруха со мной чифирит.

Пусть, как лошадь, душа измочалена,
Мы во мраке лесов и болот
Уважаем товарища Сталина,
Он нам в лагерь галоши пришлет!

Вот у кума хлебало оскалено,
И от пьянки трясется башка:
«Вам привет от товарища Сталина,
Вам удвоили, падлам, срока!»

Лучше б я был долдоном, невеждою,
Спал бы тихо под шорох дождя, —
Нет, я тачку катаю — с надеждою,
И с любовью, и с верой в вожда!

Он в Кремле заседает с наркомками,
Он бойцов отправляет в поход,
Он на пленумы ходит, на форумы
Он нам в лагерь галоши пришлет!

Землю тюкаем, маемся впроголодь,
А душа так и рвется в полет, —
Он все видит, он добрый, ей-богу ведь,
Он нам в лагерь галоши пришлет...

2009

ПЕСНЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО ПОДРОСТКА

«Кончай, сынок, гонять собак! —
Мне батя крикнул из окна, —
За книжки сядь, не будь дурак,
И будет денег до хрена!

Такая нынче привалила
Ученым умникам житуха, —
Кому другому — хрен на рыло,
А им — почет и уважуха!»

Сосед мой Вася жилы рвет, —
Три ВУЗа кончил, вот те на!
Он раньше пил, теперь не пьет.
У Васи денег до хрена!

И он с ханыгами не квасит,
Он едет в «Лексусе» по трассе,
И все вокруг сигналият Васе,
Что жизнь у Васи удалась!

Ежу понятно, без балды,
Что всем бухарикам — хана!
Они слабы, они худы!
У них не будет ни хрена!

И к ним приходит час расплаты, —
Шиза ребят, в натуре, косит,
И их из дурки, из палаты
Вперед копытами уносят!

Я в дуркедохнуть не хочу,
И я с волнением на лице
Стараюсь, синусы учу,
И аш-два-о, и а-бэ-цэ!

И я не пень, и я не лох,
И я на стреме, начеку,
И я в уме из четырех
Квадратный корень извлеку!

И два на три, и шесть на пять
Всю ночь без отдыха и сна
Я буду в столбик умножать,
И будет денег до хрена!

И пусть объелась белены
Моя любимая страна,
Мозги найдутся у страны,
И будет денег до хрена!

И я поеду по Бродвею
На «Шевроле», на «Мицубиси»,
И жить на свете веселее,
Когда мечты твои сбылись!

2008

* * *

Валерию Ходулину

Саня Дудин стоит у обрыва.
 Был кураж, больше нет куражу:
 У Ходулина сп...ли пиво!
 Что? Чего? Я сейчас расскажу.

Мы в дороге четвертые сутки,
 Мы плывем по любимой Оке, —
 Ветерок, осторожный и чуткий,
 Треплет ласково нас по щеке.

Мол, мотали б вы лучше подальше,
 Восвояси — живи не тужи! —
 Кто — к любимой своей секретарше,
 Кто — к друзьям-алкашам в гаражи!

И без вас тут — тоска в горле колом.
 «Нет, братишка, шалишь, перебор!
 Дело есть. Мы в глубинке по селам
 Собираем народный фольклор!»

Страх по черепу бьет, но не часто —
 То, что труден маршрут и суров!
 Мы — веселые энтузиасты,
 Мы плывем вдоль крутых берегов.

Всюду пни, как свечные огарки, —
 Все вокруг порубили к чертям!
 Волны, тучи, четыре байдарки.
 Дождь холодный упруг и упрям.

Встаем на ночлег, выгружаемся ловко и живо.
 Фотографы в группе, завхоз, и кого только нет, —
 Филологи, врач и, конечно, душа коллектива —
 Валерий Ходулин — живой, настоящий поэт!

Он не только стихи нам читает, —
 Он, хотя и романтик на вид,
 Но за пиво у нас отвечает,
 Он два ящика лично хранит.

И пока мы на нашем привале
 Разжигали под елкой костер
 И консервы ножом открывали,
 Кто-то ящики эти упер.

У Ходулина в голосе хрипы
 И башка, вон, от стресса в бреду:
 «Здесь крутились какие-то типы! —
 Он кричит, — я их точно найду!»

Наше пиво ушло без возврата.
 Ни концов не найти, ни начал.
 У обрыва на фоне заката
 Саня Дудин в прострацию впал.

Мы сутулим усталые плечи.
 Нам Валерий прервал забытье:
 «Кроме пива, поэзия лечит,
 Я сейчас почитаю ее!

С вас печаль, словно серую слякоть,
 Смою к черту, — как порчу, сниму!»
 «На сухую-то глотку? Однако!
 Ну, давай!» — мы сказали ему.

И он нам читает — Есенина, Пушкина, Блока,
 Свое, только что сочиненное — во завернул!
 И, будто бы в такт, в полумраке качнулась осока,
 И замерший лес, отзываясь, тихонько вздохнул.

Нам свистит что-то вроде мазурки
 То ли чиж, то ли стриж на суку,
 И Серега, медбрат, из мензурки
 Нам спиртяги дает по глотку.

Мужики подошли — ровно те же,
 Что вертелись тут — шесть или пять.
 Старший встал, как медведь на манеже —
 Мордой вверх. Хочет слово сказать.

Он могуч, и подвижен, и ловок,
 Весь мохнатый такой, в бороде.
 «Вы приплыли к нам, — вот его слово, —
 Мы пришли к вам, а дружба-то где?

Тут вопрос получается тонкий», —
 Он картуз заломил набекрень
 И, смущаясь, бутыль самогонки
 У палатки поставил на пень:

«Это вам наше чудо и диво,
 Чтобы мир и покой был в душе —
 В компенсацию как бы за пиво,
 Что мы выжрать успели уже!

Эх, едрить-колотить ее в дышло!
 Бес попутал, аж тошно самим!
 Вы простите, ребята, так вышло, —
 Можно мы у костра посидим?»

«Садитесь, чего уж, хоть лучше оно было врозь бы
 Шагать нам по жизни. Да ладно уже, вон и чай
 Как раз подоспел». Да и гости к Валерию — с просьбой,
 С подходом: «Пожалуйста, парень, еще почитай!»

И Ходулин стальным баритоном
 Вновь и вновь наши души обжег,
 И конкретный мужик с самогоном
 Нам еще и гармонь приволок.

Вот и девки пришли, хохотушки, —
 Исполняют фольклор нараспев.
 Мы в блокноты все эти частушки
 Записали, слегка покраснев:

«.....

»

«Мать твою перемать, черви-крести! —
 Нам завхоз процедил в полгубы, —
 Даже Гете ваш с Фаустом вместе
 С этой штукою рядом слабы!

И скажу вам стрезва, не по пьяни:
 Чтобы планку такую держать,
 Тут Киреев-то сам не потянет,
 Чтоб вот так вот мыслью выразить!»

А мысля-то прямая, как спица:
 Чтоб семьей нам единой, большой,
 Вместе жить, значит, надо делиться
 Болью, радостью, песней, душой!»

Мы и делимся. Нету дилеммы,
 Кто главнее и круче из нас.
 Здесь артисты и зрители все мы.
 Искры. Звезды. Гармонь! Перепляс!

И мы не напрасно горланили хором куплеты,
 Нас общий порыв закрутил, завертел, породнил!
 Мы им помогали комбайн доставать из кювета, —
 Колян, комбайнер, по ошибке туда зарулил!

Нам с утра — на дорогу по чарке,
И уже, как четыре ладьи,
Наши легкие мчатся байдарки,
И Ходулин — с веслом впереди!

Ни чины, ни награды, ни деньги
Не колышат его в этот миг.
Он сидит — типа Разина Стеньки —
И ведет нас вперед, напрямик!

«Эх, княжну бы тебе, слышь, Валерка! —
Саня Дудин ему подмигнул. —
Ты бы влекую, враз, уж поверь-ка,
Ей чего-нибудь в рифму загнул!

Вас никто б не чморил и не тюкал:
Мол, бросай ее за борт, змею!
Ты бы сладкой строкою баюкал
Дорогую зазнобу свою!

И любая вообще кавалькада,
Чем с похмелья давать кругалю,
Без потерь приплывет куда надо,
Если только поэт у руля!»

Люди смотрят нам вслед молчаливо.
Саня Дудин им машет рукой:
«Ничего, что вы сп...ли пиво!
А концерт-то зато был какой!»

Такие дела. Но вначале-то слово поэта
И было, и есть, это он нам пробил колею
К веселой и дружной гульбе. Я примерно про это
Про жизнь, про дорогу балладу придумал свою.

Это все? Нет, не все. Стих не кончен.
Тут поэма, тут выше бери.
Мы гримасы от горечи корчим,
Мы от воблы жуем пузыри.

А горчит-то в душе, знамо дело,
Что поэты вокруг, как один,
Оторвать свое пухлое тело
Не умеют от мягких перин.

Приводи себя в тонус и в чувство,
Отправляйся в дремучую глушь,
Мастер слова, работник искусства,
Инженер человеческих душ!

Из слоновой какой-нибудь кости
Кто-то в башне сидит целый день
И, зверея от скуки и злости,
Сочиняет какую-то хрень.

Ты бери ее, жизнь, с жара, с пыла,
Как Валерий. Учись, молодежь!
Если в башне сидишь, как мудила,
Так мудилой потом и помрешь.

Ты с души-то железные цепи
И стальные оковыними.
Пусть грызут тебя, месяц и трепят
Ветры лютые, черт их возьми!

Ходулин — от слова «ходить». Значит, хватит валяться,
Подушки загривком утюжить в тепле, на боку.
Я знаю, что делать. Я пью за Валерия, братцы,
За жизнь, за ребят, за любимую нашу Оку!

2016

Сергей Куреев

ВОЗЛЕ ЧИСТЫХ ПРУДОВ

<i>Оригинал-макет, дизайн обложки</i>	П. Домбровский
<i>Корректор</i>	Т. Брылева
<i>Выпускающий редактор</i>	О. Ершова

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
www.skifiabook.ru

Издательство «Скифия»
190003, Санкт-Петербург, 9-я Красноармейская ул., 3/7
тел. (812) 575-25-66
e-mail: skifiabook@mail.ru

Возрастная категория 12+
Подписано в печать 25.07.2017
Формат 60x84^{1/16}. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Гарнитура *Georgia*. Объем 28,5 усл.-печ. л. Заказ №919

Отпечатано в типографии ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 38.

